

КТО?

В. Нюхтилин

Глава 00. Аннотация

Аннотация – краткое изложение содержания книги, статьи и т.п. (Ожегов С.И. «Словарь русского языка»)

Сегодня человека со школы учат запоминать, усваивать и применять готовое знание. Но никто нигде не учит человека находить новое знание. И поэтому наш ум работает однобоко – практическое мышление развито хорошо, а познавательное отстает и потихонечку атрофируется. Столкнувшись с чем-либо неизвестным, мы, вместо того чтобы думать, начинаем вспоминать. И поэтому, вместо того, чтобы узнавать новое, мы бесконечно ворошим старое.

Считается, что обычному человеку познавательное мышление, если не вредно, то не обязательно – за него наука думать будет. Наука думает много и хорошо. Но наука не находит ничего такого, что не стало бы когда-нибудь бытовым знанием. Для этого наука и старается. И в этом её великая цель. И поэтому наука не призвана, не открывает и никогда не откроет вечных тайн.

Вечные тайны остаются обычному человеку. Получается, что больше некому. Но навыков открывать вечные тайны человеку не дали. С этим вопросом как-то упустили.

Данная книга восполняет этот пробел. Задача книги – разбудить центры познавательной активности и дать вкус побеждающей силы интеллекта, способного открывать тайну. Эта книга – тренировка мышления в совместном исследовании, во время которого читатель будет думать, а не вспоминать.

В этом и состоит истинная суть книги, и больше ни в чем. Запомни это твердо, читатель, потому что уже следующая глава попытается сбить тебя с толку.

Глава 01. Катехизис

КАТЕХИЗИС (от греч. katechesis – поучение),.....

2) Изложение основ какого-либо учения в форме вопросов и ответов.

(Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия)

Главное назначение любой аннотации состоит в том, чтобы произвести невероятные действия ничтожными средствами. А поэтому, всё, что ты прочитал выше, дорогой читатель, тебе следует забыть и выбросить из головы.

На самом деле эта книга – катехизис! Потому что в ней находится масса ответов на один большой вопрос.

И этот вопрос – «Кто?».

Глава 1. Галифакс

«Halifax — главный город Новой Шотландии и превосходный порт в британских владениях в Северной Америке...»

(Брокгауз и Эфрон)

В начале декабря 1917 года, французский грузовой корабль «Монблан» готовился к отплытию из Нью-Йорка в Марсель. В Европе шла мировая война, и поэтому груз соответствовал моменту – взрывчатые вещества и горючие материалы.

Под этот груз все трюмы оббили досками – чтобы не было случайной искры. Гвозди использовали только медные – чтобы не было случайной искры. Ботинки докеров тщательно обернули материей – чтобы не было случайной искры. У матросов изъяли не только спички, но даже и сигареты – чтобы не было случайной искры. На корабле загасили топки всех котлов – чтобы не было случайной искры.

Напряжение царило такое, что даже воздух казался осязаемым. И было от чего.

Французский пароход «Монблан» давно уже состарился и не подлежал к использованию в подобных рейсах. Но свободных судов не было, а европейский фронт ждал. И решение было принято по законам военного времени – грузим всё на ржавый «Монблан», и пусть везет. Уж, какой есть, такой есть. Война – она для всех война. Особенно для корабля союзников.

Так и поступили.

Четыре трюма «Монблана» под потолок забили пикриновой кислотой, разрушительная сила которой (если кто не знает) превышает даже тротил. Поэтому вполне даже логично, что, вслед за этим, в два трюма по соседству натолкали именно тротила.

Натолкать-то, натолкали, но между ящиками с тротилом остались свободные места, а это не по-хозяйски! Чтобы стало по-хозяйски, все проемы между ящиками (с тротилом!!!) уплотнили пороховым хлопком. А напомним, что пороховой хлопок – это продукт, замечательнейший во всех отношениях, и особенно в тех отношениях, которые касаются его горючести: у него просто-таки сумасшедшая горючесть. Такая сумасшедшая, что просто-таки на зависть всем остальным твердым горючим веществам.

Надо сказать, что по своим свойствам все эти три вещества – пикрин, тротил и порох – вообще-то и должны всегда сосуществовать вместе. Иначе тротил и пикриновая кислота, вот так вот просто, взять, да и взорваться, не смогут: их ведь надо для этого как следует разогреть. А пороховой хлопок – это как раз то, чего для данной операции иногда не хватает.

Но только не в этот день, и только не на «Монблане»!

Потому что на этом пароходе, непосредственно рядом друг с другом, впритирку упаковками, разместились: 2300 тонн пикриновой кислоты, 200 тонн ТНТ (тротила) и 10 тонн порохового хлопка!

Подобная картина не могла бы не порадовать глаз любого специалиста по взрывному делу.

Но даже самый придирчивый профессионал-взрывник, и тот не посмел бы даже и помечтать о том, что произошло дальше. А дальше произошло следующее: когда корабль готовился идти на Марсель, оттуда пришла телеграмма, предписывающая взять на борт еще 35 тонн бензола – газolina для танков. А напомним, что бензолу вообще всё равно, хоть взрываться, хоть возгораться, потому что он делает это легко и непринужденно, буквально с полупапеки. Он может сделать это даже безо всяких полупапеков, по каким-то своим собственным соображениям – есть такое свойство у его паров. Поэтому бензол, конечно же, не мог миновать «Монблана» в этих обстоятельствах, когда сама эстетика ситуации требовала от портовой администрации Нью-Йорка отыскать, хоть из-под земли, тридцать-сорок тонн бензола, разлить его по бочкам и высоко нагромоздить на палубе «Монблана» в четыре яруса.

Так и сделали.

Вот теперь «Монблан» мог противостоять любым длительным невзгодам, кроме пожара.

Вперед, во Францию! Но, не тут-то было! Оказывается, инструкции были нарушены еще раз – судно перегрузили! Из-за этого «Монблан» не попал в конвой, шедший в Европу, так как не мог развивать скорость кильватерной колонны (надо было 13 узлов, а с таким перегрузом у него получалось только 7,5). Поэтому судно направили из Нью-Йорка в Новую Шотландию, в канадский Галифакс, где формировался более тихоходный конвой.

А в Галифаксе в это время грузился углем норвежский сухогруз «Имо», который, по какому-то курьезу небес, имел с «Монбланом» практически одинаковые габариты – оба, при одинаковой ширине, обладали примерно стометровыми корпусами.

Когда «Монблан» доплёлся до Галифакса, загрузка «Имо» уже завершилась, но завершилась она с опозданием на 3 часа. Наступили сумерки, и противоположное заграждение гавани закрылось прямо перед носом «Имо» и прямо перед носом «Монблана». По этой причине первый из порта не вышел, а второй в порт не вошел. Эти планы пришлось перенести на утро.

Так они и простояли всю ночь по обе стороны бонов, ничего не ведая друг о друге.

Даже те из читателей, которые этого не знали, уже догадались, что «Имо» с «Монбланом» столкнутся.

Это произошло на рассвете.

По команде с берега, «Монблан» с «Имо» двинулись одновременно. Получилось, что друг на друга. Такое бывает в портах с утра, когда портовым службам еще трудно оценить последствия своих решений – сначала должна сложиться ситуация, которая покажет, к чему привели их решения. И поэтому, по правилу всех портов, капитаны кораблей, после разрешения на вход или на выход, сами отвечают за всё, что с ними случится на этом пути. Порт дал «добро», а дальше – дело судоводителей.

И вот, когда два стометровых исполина сблизилась на дистанцию, меньшую длины их корпусов, выяснилось, что норвежская система подготовки судоводителей намного превосходит французскую, поскольку капитан норвежского «Имо» мастерски преодолел все попытки малодушного француза увернуться от столкновения и, без долгих волокит, сразу же пробил тому борт.

Всё происходило настолько интересно, что есть смысл это кратко рассмотреть.

Итак, когда корабли сошлись почти носом к носу, французский капитан (согласно правилам судоходства) дал один гудок и отвернул вправо. Это же самое должны были сделать и на встречном «Имо», потому что таков был древний обычай этих мест – расходиться без столкновения.

Но «Имо», вместо ожидаемого зеркального маневра, вдруг дает два гудка и поворачивает влево, шарахаясь от маленького бестолкового пароходика, возникшего у него по курсу! В результате этого инстинктивного отскока (как от шавки из-под калитки), норвежец на полном ходу вывернулся носом прямо на француза, и два огромных судна стали угрожающе нарастать друг перед другом на фоне утреннего неба.

Команда «Монблана», у которой из-за особого груза отобрали даже спички, онемела...

Но за 50 метров до неминуемого столкновения, французский капитан Ле Медэк, в нарушение всех правил судоходства, отвернул влево и пропустил накативший «Имо» по правому борту. Судна разминулись и стали расходиться параллельно бортами, когда на «Имо» раздалось три коротких гудка – «даю задний ход»! Озадаченный «Монблан» делает то же самое.

По светлой идее норвежского капитана, корабли теперь должны были разойтись, пятясь кормами вперед. Так он придумал. Однако он забыл, что руль у него, после последнего маневра, положен на левый борт, и, вместо того, чтобы осаживать прямо

назад, «Имо» стал вращаться, разворачиваясь огромным форштевнем на «Монблан». Скорость перегруженного «Монблана» явно недостаточна, и всем становится ясно, что он скоро попадёт в радиус вращения «Имо»...

Но, даже, если это и не было ясно всем и сразу, то так оно всё равно и получилось...

В общем-то – дело житейское в тесных гаванях. Мало ли что найдет на капитана какого-нибудь сухогруза поутру... Но груз «Монблана»...

Форштевень норвежца пробил не что-нибудь, а точно трюм с пикриновой кислотой, и разворотил там её защитную упаковку: теперь к этому месту надо было лишь огонь поднести.

Но откуда взяться огню в грузовом трюме корабля, на котором у команды отобрали даже сигареты?

Вероятно, всё закончилось бы и хорошо, если бы на палубе «Монблана» от удара не вскрылось несколько бочек с бензолом. Горючее из них выплеснулось и потекло тонкой струйкой между палубными надстройками, как весенний ручеек, пока не юркнуло под леера и не стало спускаться по борту ... куда бы вы думали? Ну, конечно же, именно в ту пробоину с оголённой пикриновой кислотой, в которую воткнулся через лоскуты разорванного металла форштевень «Имо»!!!

Подобное обычно не объясняется ничем, кроме как Судьбой, но и сама Судьба при этом не объясняется ничем. И поэтому такие случаи называются чудом.

В результате этого чуда, между бензолом на палубе «Монблана», и пикриновой кислотой в его трюме, образовался жидкий, но очень надежный бикфордов шнур, стекающий по форштевню норвежского сухогруза прямо туда, куда надо. Осталось только спичку зажечь. И зажгли.

Это сделал капитан «Имо», который уже поймал кураж и продолжать шокировать собравшуюся публику. В этот день он находился под обаянием маневра «даю полный назад», и поэтому, выдержав слегка томящую всех паузу, сделал то, чего от него так ждали, но во что до конца так и не верили – он дал полный назад!

В результате этого форштевень «Имо» со скрежетом полез из раскуроченного борта «Монблана», высекая сноп искр на истекающий бензолом борт...

Огонь вспыхнул моментально, и теперь уже даже норвежский капитан ничего не смог бы добавить к фантазмагоричности происходящего, потому что со своим соло уже вступил французский капитан. У него было кое-что припасено на этот случай – и вот время пришло!

Итак – пожар на «Монблане»! Пожар на корабле, где даже обувь людей обернута тряпками, чтобы не высечь случайную искру!

Хотя, тоже ничего, совсем уж, окончательно страшного. Пожар на судне, дело, хоть и не частое, но тоже житейское. Это бывает, и с этим умеют бороться.

Но, напомним, что уже пронзительно звучит партия французского капитана, который *вдруг* узнает, что (оказывается!!!) бочки с бензолом, четырехрядно взгроможденные на палубе его корабля, перегородили проход к единственному месту, где можно подсоединять пожарные рукава...

Даже сценарист телесериала, если бы и пошел на подобный вариант сюжета, то лишь в самом крайнем случае, и только после больших оправдательных оговорок перед продюсером. Но жизнь в своих реалиях не страшится никакого абсурда, и поэтому капитан «Монблана», капитан парохода, на котором у команды отняли даже невинные курительные трубки, не проследил за тем, чтобы при погрузке остались свободными проходы к патрубкам пожарного насоса...

Ну что ж... Теперь команда свободна от исполнения боевого распорядка по пожаротушению, и может со следами озабоченности на лице наблюдать, как огонь всё шире и шире охватывает упакованное в бочки, море бензола – газолита для танков.

Но и здесь еще не произошло ничего такого, что не имело бы, пусть последнего, но выхода. В этой ситуации следовало бы просто открыть кингстоны и затопить судно, пока не поздно. Но корабль старый и ржавый! Даже с кувалдой открывать кингстоны – на это уйдет время, которого уже нет.

И всем теперь становится ясно, что «Монблан» никогда не утонет, потому что он взлетит на небо.

Несчастный французский капитан тоже догадывается об этом и отдает приказ встать на якорь, чтобы покинуть судно. Пусть оно взорвется вот здесь, на входе в порт, вдалеке от береговых сооружений и в стороне от сотен других, чуждых этому празднику, судов! Правильное решение!

Но ревущие бочки с бензолом перегородили путь не только к пожарному гидранту, но еще и (оказывается!!!) закрыли проходы к якорной лебедке!

Вы тоже заметили, что французский капитан обо всем узнаёт последним? О, сколько неожиданностей таит в себе море!

Теперь корабль уже не нуждается в людях, а люди уже не нуждаются в таком корабле. Команда садится в шлюпки, выгребает на берег и со всех ног мчит прочь от порта, *по-французски* (на бегу) истошно предупреждая англоязычных жителей города Галифакса – «Щас как жажнет!».

А их «Монблан», тем временем, красивым факелом дрейфует по инерции остановленных двигателей куда придется, а именно на пирс № 6.

Потому что этот пирс деревянный...

Пирс загорается, а от пирса загорается береговой портовый склад. Вот теперь зрелище становится поистине грандиозным – охвачено огнем огромное судно, на котором взрываются бочки, полыхает длиннющий пирс, да еще и горит целый склад на берегу! Такие новости никогда не остаются достоянием одиночек, и вот уже весь Галифакс по обеим сторонам залива бросает работу и наслаждается не только этим, но и видом тройного пожара.

Через какое-то время (в 09 часов 06 минут) раздался взрыв. Это был самый сильный взрыв, который вообще когда-либо знала и знает до настоящего времени, планета Земля.

В радиусе 120-ти километров зазвонили колокола всех церквей, а на расстоянии 60-ти километров от Галифакса вылетели все оконные стекла во всех домах и постройках. Все, близко расположенные к «Монблану», корабли, разлетелись в клочья. Приливная волна выкинула на берег все баржи, а стоящий на рейде крейсер выбросило на сушу, как щепку. Металлические детали судов, разнесенных взрывной волной, падали за километры по окрестностям Галифакса (некоторые из них были по нескольку центнеров!). Какой-то осколок железа (все-таки) нашел и убил моряка из команды «Монблана», залегшей где-то в лесопосадке. Черный гриб от взрыва высотой несколько километров стоял неподвижно 15 минут.

Все здания, стоящие на побережье, исчезли, как будто их никто никогда не строил. 1600 домов в черте городе разрушились. Мосты развалились, деревья упали, водонапорные башни и заводские трубы рухнули. В школах шли уроки – чудом осталось в живых только 11 учеников. Погибли все работники текстильной фабрики. Из рабочих литейного завода выжило только шестеро. Несколько сотен сотрудников сахарного завода «Акадия», наблюдавшие пожар с крыши цехов, были мгновенно сметены и убиты фронтом ударной волны.

В городе переломились пополам все столбы электропередачи, заискрились провода, начались возгорания от короткого замыкания. В разбитых домах посыпался уголь из печей (был декабрь, топили). Моментально образовался общегородской пожар, перешедший в огненный шторм. На рассвете ударил мороз и начался самый сильный за последние 20 лет, снегопад. Два этих шторма – огненный и снежный – бушевали рядом. Люди замерзали, сгорали и задыхались под обломками. Когда пожары стихли, а снег

закончился, наступила резкая оттепель, и сугробы растаяли. Растекшаяся грязь затопила в подвалах тех, кто еще мог выжить. Из тех, кто не утонул в подвалах, стоя по грудь в черной жиже, большинство через несколько часов задохнулось – замерзающая грязь ледяным панцирем сковывала грудь, ломая ребра и не давая вздохнуть...

Общее число жертв неизвестно до сих пор. Только одна из похоронных контор на следующий день получила 2000 заказов на гробы от родственников. 500 человек ослепло. Две тысячи жителей исчезли вообще бесследно – не нашлось даже намеков на их останки.

Тысячи людей погибли ни за грош.

Вот такая быль. Вот такое случается.

А всё, что случается, случается только потому, что в принципе может случиться. Но оно же может и не случиться. Особенно тогда, когда все причастные люди должны были сделать всё, чтобы этого не случилось. Так почему же в Галифаксе случилось то, чего в принципе не должно было случиться?

Глава 2. Ошибки

Устранить ошибки в поведении человека несложно, но придется пройти два этапа – на первом устранить самого человека, а на втором завершить всё, что останется.

О странностях человеческой природы, которая совершает подобное тому, что случилось в Галифаксе, хотелось бы поговорить в этой книге.

Что произошло в Галифаксе? Ответ очевиден – произошла серия человеческих ошибок, которые привели к непоправимой трагедии. Очевидность этого ответа настолько очевидна, что исчерпывает потенциал всех других объяснений. Любые другие объяснения либо добавляют что-то несущественное (сразу неявное для глаза), либо подбросят несколько дополнительных нюансов, не означающих ничего нового. Главное останется главным – человеческие ошибки.

Вот такая беда с этими ошибками – плыл себе корабль, плыл, да вот, нарвался на неприятности. А все неприятности от чего? От человеческого сумасбродства, да от человеческой непредусмотрительности. Накуролесили люди, начудачили, черт знает, что, да так, что целый город с землей сравнивали. Вот такие бывают человеческие ошибки.

И ведь никто не хотел ничего такого, никто не злодействовал, никто не был злоумышленником. Все люди в акватории Галифакса собрались сплошь хорошие, да положительные, с добрым сердцем и чистым нравом. А, поди ж ты, как всё у них неудачно получилось... Как говорится – повнимательней бы надо впредь. Не дрова везли...

Ну вот, вроде бы, и поговорили о странностях человеческой природы...

Хотя – какие тут странности? Обычное дело, обычные ошибки. Только масштаб последствий несколько необычен. Но, ведь, от ошибки никто не застрахован... Не ошибается только тот, кто ничего не делает... Конь о четырех ногах – и тот спотыкается... И на старуху бывает проруха... На ошибках учатся... Кто ошибся, с того и спрос другой... Из ошибок складывается опыт... Человек не машина, может и ошибиться... И так далее и тому подобное...

И получается, что ничего странного или необычного в ошибках человека нет.

Да, человеческие ошибки – это досадные, часто трагические, но... вполне очевидные моменты. Таков уж есть человек – ему свойственно ошибаться! И даже целая школа в философии (фаллибилизм) строит свою концепцию научного познания, исходя из очевиднейшей для всех реальности – «Человек – существо ошибающееся».

Человеческие ошибки настолько очевидны, что даже философы не изыскивают пути их устранения, а лишь исследуют типы их вплетения в ткань человеческой деятельности.

Однако, что-либо очевидное всегда очевидно ровно настолько, насколько вы не способны преодолеть его обыденности. В неспособности преодолеть обыденность состоит корень главной беды человеческого мышления – его поверхностность. Поверхностное мышление скользит по объекту, но не проникает в суть. Это – мнимое мышление. Это мышление кинокамеры – четкая, подробная, адекватная, но плоская картинка без живого удивления и без внимательного проникновения вглубь. А без удивления и без проникновения вглубь, мы вместо истинного мира, видим лишь фасад обыденности.

А сам мир не таков – он таинственен и чудесен. Вот только маска обыденности это скрывает. Но если эту маску сорвать, то за ней откроются чудеса и тайны.

Неважно, где именно пробить этот фасад обыденности, потому что даже через маленькую брешь чудеса и тайны будут открываться во всей своей полноте. И для этого совсем не обязательно искать каких-то особых духовных практик или возможностей. Для этого вполне достаточно применить обычный и привычный инструмент – ум, который

вместо чаяния готовых откровений, займется обычной логикой и соблюдением здравого смысла.

И поэтому мы, прямо сейчас, с помощью собственного ума и собственной логики, попытаемся пробить фасад обыденности в том месте, где тайна мира скрывается за очевидностью человеческих ошибок. И сделаем мы это, принимая за основу случай в Галифаксе, как наиболее полнокровно проявившийся и как наиболее вопиющий.

А почему бы и нет? Предмет ошибок поможет нам не хуже любой другой темы увидеть невидимое и понять недопонимаемое, потому что ошибки являются одной из самых загадочных реальностей этого мира.

И в чем же загадочность человеческих ошибок? Что в ошибках может быть тайного или чудесного?

А загадочно, таинственно и чудесно в них то, что если взглянуть на ошибки свежим взором, то трудно вообще найти что-либо, более невероятное по природе вещей, чем ошибающийся человек. Мы просто слишком привыкли к тому, что человек ошибается, и поэтому не видим, что сам этот факт полностью противоречит порядку естественного здравомыслия.

Ведь если провести мысленный эксперимент, в котором мы, *будучи не человеком*, изучали бы человека, как незнакомый нам вид животного (к примеру, инопланетный), то, зная о человеке всё, что известно нам о нём сегодня, мы даже самую робкую гипотезу о *необходимо* присущей ему ошибочности расценили бы как нелепицу, или как слишком смелый авангард.

Как исследователи, мы бы грубо отвергли эту гипотезу и воспротивились бы включению её в план исследования, даже не брезгуя насилием. Потому что (как исследователи) мы бы четко видели, что человек организован настолько умно и настолько правильно, что вообще никогда не должен ошибаться, а не то, чтобы ошибаться с какой-то *обязательной необходимостью*.

Потому что, разве есть хоть что-нибудь во внутреннем устройстве человеческого существа, предназначенное для совершения ошибок? Разве есть хоть что-то в человеке, что живет и работает именно для производства ошибок? Разве есть хоть что-то в его организме, предназначенное по своему естественному назначению именно для того, чтобы сделать ошибку? Разве есть хоть что-то, заложенное в человека природой или зарождающееся помыслами его добровольных намерений, что постоянно устремляло бы его на ошибки?

Этого нет, и не может быть.

И, наоборот, разве не полон человек различных способностей и самых разных предупредительных устройств, постоянно ограждающих его даже от самой возможности ошибки? И разве не оснащён человек во всей архитектуре своих согласований самыми мощнейшими средствами анализа, направленными именно на устранение даже приближения ошибочного поступка? Разве вся его нервно-мозговая организация не трудится ежесекундно как раз над тем, чтобы именно ошибка была навсегда изгнана из его поведения?

А вот этого полным-полно.

И если одного нет совсем, а другого полным-полно, то – разве не более естественным и разве не более обыденным должен быть для нас человек, никогда не ошибающийся, чем человек, ошибающийся почти всегда?

Если постоянно ошибается калькулятор, то мы его выбрасываем. Зачем нам *ошибающиеся приборы*? Мы не считаем такие приборы очевидными. Наоборот, очевидными мы считаем *не* ошибающиеся приборы. А если постоянно ошибается человек, то почему для нас очевиден *ошибающийся человек*? Разве это очевидно? С чего бы? И разве не очевиднее не ошибающийся человек, против человека ошибающегося, если даже правильный калькулятор очевиднее того, который врёт?

Почему ошибающийся человек должен быть для нас очевидным и не вызывать удивления, а калькулятор, который ошибается, нас тягостно поражает? Ведь, если для нас очевиден ошибающийся человек, то и приборы, которые этот человек делает, тоже должны ошибаться, и тоже должны быть для нас естественными по этим свойствам.

Но мы хотим обратного! А это логически непоследовательно! Так давайте же быть логически последовательными и не удивляться ошибающимся калькуляторам, если их создает ошибающийся человек.

Или, всё-таки, удивимся, что ошибающийся человек может создавать нечто, работающее безошибочно? И, удивившись, увидим, что здесь что-то не так. Ведь если человек создает приборы, то разве человек не выше и не совершеннее этих приборов? И как же тогда эти, менее совершенные приборы, не ошибаются, а более совершенный человек – ошибается?

Если удивиться даже только этому, то уже становится ясно, что прокламируемая очевидность человеческих ошибок навязана нам без достаточного основания и к реальному положению дел не имеет никакого отношения. Ничего очевидного в человеческих ошибках нет. Они, наоборот, должны возбуждать удивление и порождать недоумение. Ибо, по трезвому соображению всех обстоятельств, человек просто не должен ошибаться практически никогда и практически ни в чем.

Но человек, наделенный рассудочным сознанием и логическим мышлением, обладающий здравым смыслом и трезвым рассуждением – ошибается буквально на каждом шагу! Ошибается на уровне обычных повседневных поступков и задач, ошибается по мелочам и по крупному, ошибается везде, куда сунет нос, и везде, к чему приложит руку. Ошибки человека неотделимы от него и сопутствуют всему течению его жизни, как обязательный привесок любых его дел.

Как у него это вообще получается? Рассудочное сознание и логическое мышление должны напрочь исключать любую возможность ошибок – они же для того и созданы! Или, в крайнем случае, они должны допускать ошибки только в качестве чего-то, слабо вероятного и мало ожидаемого, но только не в качестве привычного элемента чуть ли не каждого третьего шага.

Почему же – наоборот?

Присмотритесь к животным – они практически не ошибаются! При всем их низком интеллекте и при всей их слабости в рассудочном мышлении – животные не совершают никаких ошибок! Более того – систематически ошибающееся животное мы сразу же признаем больным и вовлекаемся в тревожные мысли! Мы предполагаем, что оно (говоря прямо) ненормально.

Но для себя, для систематически ошибающихся, мы делаем исключение и полагаем, что мы нормальны! Не пора ли повысить степень пристрастности?

Если в изложенной нами истории о Галифаксе, на мостиках, вместо капитанов, поставить обезьян, то они расколошматили бы свои корабли, может быть, даже и быстрее, чем люди, но они *расколошматили бы эти корабли согласно полному непониманию смысла своих действий*. Люди же сделали то же самое *вопреки тому смыслу, который вкладывали в свои действия*. Вот эта разница и поражает – человек делает то, чего нельзя делать, для того, чтобы получилось именно то, что можно. Именно вот это свойство человеческой ошибки является самым непонятным и абсолютно необъяснимым – человек, *заранее зная все пагубные последствия какого-либо поступка, совершает его как абсолютно безобидный и даже полезный для данной ситуации, акт*.

Откуда эта слепота?

Ладно, когда люди ошибаются, так сказать, по дурости. Но когда ошибку совершают, хорошенько подумав, да, к тому же, надумав в итоге, что вот именно это, наихудшее из возможных, вдруг обернется чем-то наилучшим, здесь причина ошибки – предельно таинственная. А таких, таинственных по происхождению, ошибок, человек совершает больше, чем птиц пролетает над его головой.

Далеко ходить не будем, приведем цитату: «...сегодня парк торгового флота – 57 тыс. с лишним крупных судов, и каждые три-четыре дня из-за ошибок в навигации одно из них сталкивается с другим или садится на мель». Цитата из книги Демидова «Время, хранимое как драгоценность» (публикация 1999 года). За мостиком каждого из судов – специалист... И каждый специалист ошибается *не специально*, а делает что-то такое, чтобы как раз ошибки не произошло...

Существует невероятная статистика производственных и бытовых взрывов газа, которые происходят по одной и той же фабуле: приезжает аварийка со специалистами (!!!). Специалистам (!!!) темновато в помещении, которое по инструкции обесточено, и кто-то из них достает зажигалку, чтобы сориентироваться... Уточним – это делают не прохожие с улицы, а специалисты по устранению утечек газа!!!

Список идиотских поступков и абсурдных историй сейчас можно было бы открыть, но никто из нас не сможет назначить время, когда его можно будет закрыть. Потому что список будет продолжаться бесконечно – горизонт осведомленности любого из нас позволит пополнять его безостановочно. Для затравки, например, можно было бы привести паноптикум курьезов из всем известной премии Дарвина, вручаемой ежегодно за самые безголовые деяния. А затем продолжить историями собственной жизни и жизни знакомых.

Однако если мы сейчас увлечемся такими мелочами, то уйдем слишком далеко от главного. А главное на нынешнем этапе состоит в том, что мы, исходя из вышеизложенного, должны окончательно сформулировать первый и, лишенный субъективизма, вывод нашего исследования – ошибки системно предпринятого поведения есть некая тайна, поскольку системно предпринятое поведение должно осуществляться безошибочно. Потому что системно предпринятое поведение должно реально оценивать последствия своих поступков.

Однако, анализируя произошедшее в Галифаксе, можно попытаться обойтись и без тайны, если вспомнить, что человек иногда ошибается в последствиях своих поступков только потому, что эти последствия ему не столь уж очевидны заранее. Ждал одного, а вышло совсем другое. Такое бывает, и довольно часто. Например – познакомила своего парня с лучшей подругой... Или – продал имеющуюся квартиру и вложил деньги в строящийся дом... Или – надумали поделиться большой радостью с друзьями... И так далее. Во всех этих случаях последствия предвиделись совсем иными, и ошибка здесь естественна без всяких экивоков на тайны.

Однако данное объяснение не подходит для случаев, в которых человек поступает вопреки очевидности, прекрасно зная о неминуемости результата. Как в Галифаксе. Ведь в Галифаксе никто даже и не должен был угадывать какие-либо последствия своих поступков, потому что последствия каждого поступка в судовождении не составляют тайны – они известны все наперечет. Эти поступки (с их последствиями) учтены тысячелетним опытом мореходства и тысячекратно проштудированы в морских школах. А правильные и безошибочные действия в этих же школах отрабатываются до уровня автоматизма, когда думать вообще не полагается. Все действия капитанов, лоцманов, штурманов, диспетчеров, вахтенных и т.д. строго регламентированы и всегда выполняются по неукоснительным установлениям. На импровизацию им изначально ничего даже и не отводится. Так что на неведение исполнителей тут не свернешь.

Эти самые исполнители, да и вообще все люди на море, если они причастны к поступкам такого ранга ответственности, годами натаскиваются только на регламентированные, а не на произвольные, действия. И тем более их не учат действовать наугад – что выйдет. Вся конструкция морских правил как раз приоритетно базируется, прежде всего, на принципе исключения тех ситуаций, которые могут оказаться катастрофически необратимыми. А уже потом в обучение закладываются приемы и навыки, способствующие эксплуатационным процессам. Сначала человека готовят

никогда не делать того, чего никогда нельзя делать, а уже потом рассказывают, как вести профессиональную деятельность (перевозить людей или грузы, и т.д.).

Но в описываемой нами ситуации все профессионалы, как один, начиная еще с порта Нью-Йорка, делали только то, чего нельзя никогда делать!

Почему эти и другие профессионалы ошибаются там, где последствия ошибки для них изначально очевидны и непоправимы? Каковы еще могут быть причины подобных ошибок? И есть ли они вообще?

Есть. Есть человеческие ошибки еще одного источника, который нельзя относить к версиям психической несостоятельности – это случайности в поступках людей. Самые обычные непреднамеренные случайности. Подобные случайности возможны, и они имеют свой вполне объяснимый повод – недостаточная концентрация внимания на совершаемых действиях. Кто из нас не оступался на ровном месте? Кто из нас не бросал оторванный хвостик клубники в рот, а саму ягоду в траву? Кто не включал заднюю передачу вместо первой или не закуривал сигарету обратным концом – с фильтра?

Здесь – орехи низко контролируемого, машинального поведения, где физиология смешивается с сознанием, и делает его бездумным. И если нужен крайний, то вот он вам этот крайний – слабый контроль рассеянного сознания.

Да, такое бывает. Но для того случая, который мы избрали к рассмотрению в начале нашего разговора – в Галифаксе – этот аргумент не действует. Моторно-бездумное поведение возможно и на море, но не подряд же в серии действий, потому что множественная ошибочность полумашинальных или машинальных действий рассеянного сознания вообще редко возможна – это всегда вопиющий и единичный прецедент, после которого рассудок встряхивается и тотчас возвращается к самоконтролю.

Кроме того, следует сказать, что машинальные ошибочные действия, если и совершаются, то совершаются они в рутинной обстановке, где внимание угасает именно по причине низкой эмоциональной вовлеченности в происходящее.

В Галифаксе же ситуация была эмоционально напряженной с самого начала – с момента погрузки. По меньшей мере, французский капитан не каждый день и не в каждом порту получал такого рода груз, чтобы рутинно, по машинальной рассеянности, забыть о проходах к пожарному насосу и к якорной лебедке. Можно на 99,99999% предположить, что он вообще никогда ранее не пускался в плавание с такой оригинальной начинкой. Однако он умудрился сделать всё возможное, чтобы именно в этом рейсе, именно на его корабле вариант борьбы с огнем был навсегда исключен из возможной практики.

Перед входом «Монблана» портовая администрация Галифакса также была неприятно взбудоражена особым характером груза, и также не совершала ничего полусонно-механического. Однако и эти, подстегнутые особым тонусом ситуации, профессионалы, не сделали минимально необходимого для такого случая – не развели по времени вход и выход двух огромных судов *в переполненной зимней гавани всего флота Канады*. Диспетчер порта через канонерскую лодку дал *одновременный сигнал на движение двум стометровым кораблям по одному и тому же фарватеру, шириной в несколько десятков метров*, за невидимыми границами которого стояли мины, защищающие порт от чужаков.

Ничего рутинно машинального не делала не только портовая администрация, но и лучший лоцман Галифакса, которого за полусутки перед этим специально отправили переночевать на «Монблан» – пусть полежит и подумает, как он всё завтра сделает.

Но лучший лоцман не сразу лег в постель, а долго за полночь отработывал вместе с капитаном все возможные варианты непредвиденных ситуаций. И даже после этого он пошел в каюту не сразу, а, стоя на палубе, несколько раз мысленно проделал весь путь «Монблана» от входа до швартовки (так, по крайней мере, он заявлял на следствии, и в это можно поверить).

Но и эти двое (лоцман и капитан) утром не сделали того, что должны были сделать самым естественным образом – подождать пока выйдет бешеный «Имо», быком

несущийся на максимальном ходу из-за простоя, а затем уже по спокойной воде войти самим. «Имо» шел с превышением всех скоростных ограничений Адмиралтейства для передвижения в гаванях, он шёл со скоростью, вообще максимальной для «Монблана»! С «Монблана» это видели, но не посторонились.

Итак, все исполнители на всех уровнях были сосредоточены и принимали решения, оптимальные только для того, чтобы корабли *не* столкнулись, а оказалось, что каждое решение оптимальным образом привело к тому, что корабли столкнулись! Причем многое из того, что делалось – было недопустимо с точки зрения всех существующих предписаний, но делалось это во имя этих же предписаний!

В этом есть какая-то тайна.

А тайна состоит в том, что необходимость, которая сложилась для всей трагедии от начала и до конца – *от начала и до конца же пришла через действия людей, но не через их психику*, потому что психика хотела совсем другого.

Именно в этом видится большая тайна – в расхождении намерений психики с теми действиями, которые эта же самая психика произвела частями подвластного ей тела. Тайна сокрыта в том, что человек здесь – единственный исполнитель катастрофы, потому что *никаких естественных или внешних человеку причин во всём случившемся не было! Ничто не подталкивало человека к произошедшему, кроме чего-то, что есть внутри него самого.*

Всё, что было сделано, было сделано самим человеком от начала и до конца, но, что же руководило здесь каждым человеком от начала и до конца, если мы точно знаем, что от начала и до конца каждым из них руководило желание как раз обратного?

Если мы способны проникать в смысл происходящего чуть шире, чем это видно на отдельных этапах событий, то мы не можем не увидеть, как по всей линии действий, причастных к катастрофе, просматривается какой-то управляющий код, приводящий отдельные частные решения к исполнению глобально заданного результата – столкнуть суда, поджечь «Монблан» и погубить как можно больше народа. Ибо такое количество случайностей, включая и, *невиданные вообще для этих широт*, природные аномалии, нанизаться друг на друга в одну цепочку не могут – вплоть до того, что бензол по стометровой с лишним палубе потек именно в крошечную пробоину борта (три квадратных метра!). Если есть хоть какая-нибудь способность видеть за очевидным нечто совсем уж не очевидное, то в данном случае эту способность даже не приходится сильно напрягать. Особенно если добавить ко всему происходящему еще одну линию происшествий, задержавшую «Имо» в Галифаксе. Представьте себе еще одну цепь событий, не позволившую ускользнуть «Имо» от судьбы (а кто, как не все те, кто был на «Имо», и кто, как не все те, кто грузил «Имо», хотели, чтобы всё пошло по графику!!!), и в этой грандиозной картине совпадения этих кораблей в одной точке мирового океана вы не сможете найти ничего, что позволило бы облечь ответственностью за этот случай. Слишком многое здесь совпало слишком «удачно».

Вообще, всё, что случается, случается только потому, что к этому сложилась какая-то необходимость. Без необходимости реальность будет вечно плодоносить каким-либо событием, но никогда им не разродится. В Галифаксе разродилась. Что за необходимость привела к этому?

Во всей этой истории без особых усилий можно увидеть, что это была необходимость, представлявшая собой длинную череду действий, которая по какому-то сценарию подчиняла себе даже атмосферные явления.

Но если убрать верхний мистический слой случившегося, то об остальных причинах произошедшего следует сказать, что это была необходимость, которая не складывается мгновенным случаем сложившихся прямо сейчас и прямо из ничего, причин. Это была необходимость, которая зарождается в глубоком удалении предшествующих событий и формируется из разрозненных, вроде бы малозначимых обстоятельств, которые, развернувшись в своей логической последовательности, в итоге

громыхнут неожиданным, но удивительно слаженным аккордом всех, взятых ранее по отдельности, нот.

И главным во всей этой целесообразно сложившейся необходимости является то, что вся эта цепь причин зародилась, развилась и неумолимо реализовалась именно в психике человека!

И это есть действительный факт реальности – вся паутина событий сплетена только самим человеком.

Но эта целесообразная необходимость не могла придти из психики человека, поскольку эта же самая психика в это же самое время хотела совсем другого!

И это тоже есть действительный факт той же самой реальности – каждый из тех, кто плёл узор этих событий, хотел сплести совершенно противоположное тому, что делал в каждый свой момент.

И если мы способны увидеть несопоставимость этих двух, совершенно очевидных, фактов реальности, то мы способны сделать вывод и о том, что, следовательно, какая-то иная психика пришла и подчинила себе психику людей, раз уж человеческая психика хотела одного, но делала совсем другое.

Негодующим сейчас на это высказывание, следует обратить внимание, что они гневаются на очень простой логический вывод: если мы имеем два действительных факта реальности, которые не могут одновременно располагаться в одном источнике, то у одного из этих действительных фактов должен быть какой-то другой источник.

И, если мы понимаем, что логически однозначно следует разместить в психике человека тот факт, что человек не хотел ничего из того, что произошло в Галифаксе, то второй действительный факт *длинной цепи психических решений, не вытекающих из намерений психики человека*, должен располагаться в другой психике.

В какой? Это – тайна.

Сейчас эта тайна может показаться слишком скороспело выисканной или недостаточно обоснованной. Но сейчас и далее нам следует быть смелее, ибо ничто кроме смелости не поможет нам понять, что вопрос признания какой-либо тайны в очевидно происходящем – это не вопрос нашего личного выбора.

Во-первых, это вопрос простой логики, как мы видели выше, и мы будем теперь к этому привыкать (к убедительности простой логики). А, во-вторых, от неуверенности собственных оценок тоже надо избавляться, потому что видеть тайну – это не особый дар особых людей, а обычная способность обычных людей проникать в смысл *буквально* происходящего на наших глазах.

Или в *буквальный смысл* происходящего на наших глазах. Только в этом всё и дело.

Глава 3. Буквально формально

Следует честно признать, что человек всегда достигает результатов любого дела, даже если он имел в виду совсем другие результаты.

Итак, интересная версия по итогам первых размышлений о человеческих ошибках – человек является игрушкой в руках таинственных сил и совершает поступки по их предначертанию, думая, что делает это по своей собственной воле. Чья-то воля или незаметно подчиняет волю человека, или каким-то хитрым образом умудряется заставить человека совершить то, чего он не хотел.

Хотя всё это всего лишь версия, но это версия непростая, и, чтобы дать ей шанс, начнем издалека, допустив еще одно объяснение ошибок человека – ситуации, вызванные эмоциями, когда человек не отдает отчета своим действиям. Это так называемые состояния аффекта. Вспылил человек, вышел из себя, а когда пришел в себя – то всё вокруг уже другое, и все вокруг клянутся, что всё это дело его рук.

Но в нашем случае никакими аффектами и не пахло – капитаны были на обычной работе и должны были сделать то, что они делали сотни раз: разминуться по курсу и отправиться каждый по своим делам и за своей личной славой. Но они этого не сделали, и славу поделили.

Эмоции могли бы охватить Ле Медэка, капитана «Монблана», учитывая то, что он знал о своём грузе. Но ведь совсем не его безотчетные эмоциональные действия привели к столкновению, а вполне отчетные действия капитана «Имо», который вообще не знал, что там за груз на борту встречного француза (груз был секретный), и совсем не волновался по этому поводу. Он вез уголь, и он был из тех людей, которые, если сказали, что привезут уголь, то они его привезут.

Но именно этот капитан целенаправленно и скрупулезно, полностью отдавая себе отчет в каждом своем поступке, сделал всё, чтобы врезаться в «Монблан». То, что он сделал – это вообще трудно понять, ставя себя на его место. Это можно понять, только глянув на весь процесс со стороны. Давайте глянем, и нам это сразу же многое прояснит.

Допустим, что на момент произошедшего в Галифаксе, мы летели бы в самолете над местом событий и посмотрели бы вниз. Что бы мы увидели, не зная предыстории процесса?

Мы бы увидели, как внизу, одновременно рванулись с места и понеслись друг на друга два громадных корабля, одинаковых по размеру. Когда они сблизались лоб в лоб, то один из них, вдруг, совершил отворот в сторону и попытался уклониться. Второй тут же кинулся за ним и почти догнал, но за каких-то 50 метров до соприкосновения упустил: противник ловким маневром вновь ушел с линии атаки. Но радость его была недолгой – нападающий акробатически извернулся и ударил в бок.

Что бы мы подумали, глядя на это сверху, и пролетая по своим делам? Мы бы подумали: «Или идет дуэль между капитанами, где оружием выбраны корабли, или проходят соревнования, вроде гонок на выживание». По меньшей мере, *по буквальному смыслу происходящего* мы бы имели право подумать именно так.

Формально, по внешнему виду, столкновение в Галифаксе выглядит как задуманное, организованное и осуществленное с завидным мастерством, как минимум одним из капитанов. Это факт, который невозможно устранить никакими рассуждениями. И только знание того, что всё произошло непреднамеренно, что всё произошло по ошибке, заставляет нас отместить формальную оценку случившегося.

Следовательно, ошибки – это те основания, по которым мы здесь отбрасываем буквальный смысл происходящего, потому что объяснение ошибками даёт нам истинную оценку случившегося. Объяснение ошибками, таким образом – это то, чем побеждается в

нашем сознании буквальная формальность происходящего. И если мы логически были безупречны, а надеемся, что это так, то мы должны признать, что

если бы не конкретное объяснение ошибками, то мы должны были бы принять формальное объяснение событий, проистекающее из их буквального вида в их внешней канве.

Мы очень часто по разным причинам отбрасываем буквально формальное в происходящем и принимаем вместо него неформальное. Например – человек на наших глазах слабеет, оседает, валится с ног, его лицо искажается серией конвульсивных судорог, у него запирает в груди дыхание, он беспомощно глотает воздух широко раскрытым ртом, его глаза закатываются, тело слабеет, способности к движению гаснут, мозг проваливается в темноту, он весь оседает и голова его безвольно падает... И вот – человек недвижим, ничего не видит, ничего не слышит, не реагирует на прикосновения, не отвечает на контакт, и нам не остается ничего другого, как только укрыть его потеплее и оставить в этом состоянии до утра, пока он не выспится окончательно – человек зевнул несколько раз, и заснул, не выпуская из рук пластикового Бэтмена.

Так мы преодолеваем своим мирозерцанием внешнюю формальность буквально происходящего, поскольку знаем истинный внутренний смысл того, что происходит на наших глазах. В нашем мирозерцании есть нечто, раскрывающее внутренний, не формальный смысл происходящего с помощью различных дешифрующих представлений.

Или вот такой, менее драматично разворачивающийся, пример преодоления внешней формальности нашим сознанием:

Сколько людей не смотрели бы на этот рисунок, ни один из них никогда не скажет, что у владельца стола с головой не всё в порядке, потому что он сделал трапециевидную столешницу. Стол на этом рисунке формально выглядит косоугольным, но мы-то знаем, что он прямоугольный! Потому что у нас на это есть некая система дешифрования истинного образа предмета, с помощью которой мы выходим за внешние очертания видимого и преодолеваем формальный отпечаток первого знакомства. Благодаря этому, в неформальном истолковании мы начинаем знать еще что-то, чего нет в буквальном явлении, чтобы знать его правильно.

То же самое происходит и в таких случаях, как сужающаяся вдали колея дороги, маленькие самолетки в небе, внешне одинаковые размеры Луны и Солнца, собственное плоское изображение в зеркале, перспектива на картинах, один и тот же человек (актер) в разных ролях, и т.д. Так же легко мы преодолеваем и *внешний смысл* языковых формул, дешифруя их абсурдную бессмысленность и понимая, что сухое вино совсем не сухое, а вор-карманник ворует не карманы; что кино никуда не «идет», а «перекусить на бегу» это не лязгнуть зубами обо что-нибудь, не останавливаясь; что голова, которая кружится, стоит на месте, что намылить шею, вогнать в краску, ударить в грязь лицом, дать на орехи, накрутить хвоста и т.д., это совсем не то, что нам сообщает *буквальная формальность* слов.

И даже такие действия людей, которые *по внешнему виду* можно было бы объяснить только лоботомией, например: бурные аплодисменты, застольные танцы, оральный секс, болельщики, гримасы меломанов, парадно-строевые движения военных, лепетание взрослого с грудным малышом, физкультурные порхания на балконе и т.д., мы также уверенно переводим *из их внешней психопатичности* в некий неформальный внутренний смысл.

Абсолютный пример этого эффекта – бои без правил, которые по буквальному виду представляют собой грязную драку, но по неформальному смыслу есть культурное, безопасное и честное состязание.

Так работает наше сознание – оно преодолевает внешний узор происходящего и конструирует из него представления, соответствующие его *внутреннему смыслу*. То есть это всё правильно и нормально, потому что здесь происходит раскрытие какого-то внутреннего смысла, который есть смысл действительный.

Разбираться, как это происходит в сознании, нам сейчас не нужно, да и трудно было бы сделать не сбивающими с толку аргументами. Однако нам достаточно понять, что смысловая схема этого приема выглядит вполне магистрально – формальный смысл события преодолевается только на том основании, что у сознания есть *собственное понятие о внутреннем смысле факта, противоречащее его буквальному смыслу (внешнему)*.

Однако здесь настораживает следующее – сознание делает это настолько автоматически, что критическая фаза в составе данного приема отсутствует полностью. Нетрудно заметить, что логической работы здесь не происходит, поскольку все эти ассоциативные представления, отвергающие внешнюю картину факта, уже лежат в сознании наготове. Эти ассоциации есть результат или приобретенного опыта, или врожденного знания и поэтому проверочного элемента для правомочности их применения нет, и не предполагается – всё происходит машинально и без конфликта, как с правдой, так и с ложью. Сработала ассоциация – и вперед!

Но каждый ли сейчас уверен, например, что на рисунке, который мы приводили выше, стол действительно прямоугольный, а не косоугольный? Мы ничего не знаем про этот стол, и он может оказаться настолько же косоугольным, насколько и прямоугольным. Рисунок был бы тем же самым в обоих случаях. Но разве кто-либо приостановился, чтобы проверить своё знание об этом? Разве кто-нибудь усомнился? Нет! Так работает архивная ассоциация.

Таким образом, автоматическое преодоление внешней формальности события есть всего лишь критически не оцениваемое применение архивных ассоциаций, *предварительно* содержащихся в сознании. И нет никакой гарантии, что подобная актуализация архивных данных происходит в соответствии с действительным смыслом происходящего.

То есть – возможна ошибка, когда, например, внешний смысл мог бы неправомерно отвергаться и неправомерно заменяться каким-либо неформальным смыслом. Это может случиться в том случае, если событие не содержит в себе никакого внутреннего смысла, противоречащего его буквальному смыслу.

Это может произойти просто по ассоциативному характеру самой мыслительной операции. Она, эта операция, по своей сути, просто бессмысленна в своём автоматизме, потому что критически ничего не анализирует. И может случиться так, что буквальный смысл события полностью соответствует действительно происходящему, но мы придаём событию какой-то ложный смысл, извлекая этот смысл откуда-то из запасников своих ассоциаций «по аналогии». В этом случае мы искажаем буквальную картину жизни, насильно навязывая ей некую ассоциацию из головы.

Попробуем посмотреть, как это бывает.

Например: два человека играют на скрипке. Один играет в роскошном концертном зале прямо перед рампой, а другой в подземном переходе прямо перед собственной

шляпой. Здесь наше сознание сразу же двумя разными ассоциациями дает нам два разных объяснения для каждого из случаев: в первом случае это высокое искусство, а во втором – попрошайничество. На первый взгляд всё очевидно: внешняя формальность у обоих случаев одна и та же (человек играет на скрипке), но для концертного зала мы принимаем одно объяснение (ассоциация с высоким искусством), а для улицы совсем другое (ассоциация с нищенством).

Но на самом деле это есть не более чем заблуждение, вызванное автоматизмом ассоциаций. Потому что, если посмотреть глубже, то истинный смысл происходящего один и тот же для обоих случаев – и там и тут человек играет на скрипке, чтобы заработать денег. Ведь первый скрипач тоже не играет в этом случае на дому для друзей, или на высокой горе для всего мира. Он играет на сцене за деньги. Точно так же, как тот, который играет для прохожих на сцене поземного тротуара.

Да, скрипач на сцене играет виртуозно и сочетает низкие цели с целями высокого искусства. Но кто сказал, что скрипач в переходе играет менее виртуозно? И кто сказал, что он чужд целям высокого искусства?

К тому же, понятие высокого искусства для платных выступлений вообще относится к разряду весьма растяжимых. Если посмотреть на то, за что люди готовы платить деньги, то для одних высокое искусство это «Венгерские танцы» Брамса, а для других нет ничего лучше канкана в скрипичном переложении. И если бы в концертный зал ходили только те, кто готовы проплачивать только скрипичное переложение канкана, то скрипач прямо перед рампой играл бы только это высокое искусство. А другое высокое искусство играл бы дома. Или на высокой горе.

Таким образом, высокое искусство, *как истинный смысл происходящего*, здесь находится под очень даже большим вопросом, а вот попрошайничество в обоих случаях составляет *действительную сущность бытия* обоих скрипачей, правда, в двух контрастно разных ситуациях.

Естественно, что легитимность и твердая предоплата здесь находятся в явном различии, но во всём остальном это одно и то же. Таким образом, проникая в истинный смысл происходящего, мы видим, что неформальное объяснение первой ситуации (в концертном зале) нам навязано социальными клише общественного сознания и является ошибочным.

Несмотря на то, что глубоко копать данный пример не было никакой социальной необходимости, мы, все-таки, потрудились не зря, ибо нам теперь с очевидностью ясно, что критерий отрицания внешнего смысла событий должен находиться *только и только в логическом определении истинного смысла происходящего*, а не в каком-то неосознанном скольжении по автоматическому подбору ассоциативных замен.

Таким образом, автоматическое объяснение ассоциативными заготовками – это не есть абсолютно оправдывающий себя метод распознавания истины. Не всегда следует доверять естественному потоку своего сознания, потому что оно очень хорошо нас обманывает.

И всю эту работу мы проделали только для того, чтобы далее очень основательно заявить – именно такой обман происходит, когда мы преодолеваем буквальную формальность происходящего с помощью объяснения его ошибками! Наше сознание здесь очень хорошо нас обманывает.

Потому что, когда мы пытаемся преодолеть внешний смысл происходящего с помощью объяснений его ошибками, то мы во внешней канве событий ничего не дешифруем и ничего не переводим ни в какой иной, внутренний, истинный или неформальный смысл. *Буквальный смысл происходящего здесь никуда не исчезает, меняется лишь наша оценка происходящего!*

Для пояснения этого рассмотрим теперь два других случая – один человек погиб от тока, и другой человек погиб от тока. Первый самоубийца, а второй ошибся и прикоснулся к оголённым проводам не с большим желанием, чем это сделали бы мы сами.

И в первом и во втором случае, формально, по внешнему виду, произошло то, что человек полез к проводам, и его убило током.

А если неформально? То есть, если мы знаем, что во втором случае произошла ошибка, и полагаем теперь, что данное неформальное объяснение придает факту совсем другой смысл. Что-то изменится для истинного смысла факта в этом случае? Выявится ли какой-либо новый *неформальный* смысл произошедшего *относительно его буквального смысла*? Преодолевается ли здесь буквальный смысл факта каким-либо другим его смыслом, который станет утверждать, что произошло не то, *что мы увидели из внешне происходящего*?

Нет, не преодолевается. Исчезнет ли здесь буквальный смысл происходящего, когда мы объясним его ошибкой? Нет, не исчезнет. Потому что буквальный смысл происходящего полностью соответствует его действительному смыслу и остается буквально тем же самым слово в слово – человек полез к проводам, и его убило током. Даже если он и полез туда по ошибке.

И *наша оценка* этого происшествия в двух разных случаях не влияет на определение истинного смысла никаким образом, и никак не может его изменить. Истинный смысл здесь, хоть в формальном понимании, хоть в неформальном объяснении, остаётся одним и тем же в обоих случаях и никогда другим не будет. Те, кто готовы с этим поспорить, пусть соберутся вместе и сделают нового, точно такого же человека, который по ошибке полез к проводам, и его убило током точно так же, как убило того, кто полез к проводам специально.

Пусть попытаются. Мы им помогать не будем – это не наша ниша. Мы будем исходить из того, что формальный смысл внешне происходящего не подтачивается никакими ссылками на ошибки, и, следовательно – наше мирозерцание, постоянно пытающееся, по моде других случаев, подменять буквальный смысл события каким-либо иным смыслом с помощью аргументов об ошибках – ошибочно.

Мы в этих случаях мыслим неправильно и понимаем мир неверно, потому что *собственную оценку принимаем за смысл происходящего*.

Приведем другой пример – человек отправляет важное письмо по электронной почте и ошибается в какой-либо букве адреса (е-мейла). Что здесь произошло в буквальном смысле? Внешне, формально, по откровенно доступному всем буквальному смыслу, этот человек отправил своё письмо «на деревню дедушке». Но мы-то знаем, что он не хотел отправлять письмо «на деревню дедушке»! По крайней мере – не в этот раз. И тогда мы неформально объясняем происшедшее – человек не отправлял письмо «на деревню дедушке», человек ошибся! А теперь посмотрим, что у нас получилось после этого объяснения: у нас получилось следующее – человек отправил своё письмо «на деревню дедушке». Хотел он этого, или не хотел по нашей оценке – это ничего не меняет, потому что внешний смысл его действий полностью соответствует истинному смыслу произошедшего. Разве что-то изменилось в буквальном смысле произошедшего, когда мы объяснили его с помощью ошибки? Разве письмо тут же переадресовалось? Нет, не произошло ничего такого, что позволяло бы отрицать внешний смысл и предполагать вместо него какой-либо другой.

Поэтому, как ни объясняй что-либо случившееся ошибками, но формальный, внешний смысл этого случившегося, всегда остается тем же самым – буквальным, единственным и достоверным.

Таким образом, если забыть об этом ложном аргументе – об ошибках – то вся цепь психических решений, заботливо сложившихся в такой знаменитый факт, как «Взрыв в Галифаксе», должна пониматься так, как она выглядит буквально: некто, но не человек, используя человека, тщательно продумал и, дергая человека, как марионетку, реализовал этот грандиозный во времени и тщательно организованный, план. Но ни один из нас легко и свободно не пойдет на признание этого факта, потому что, привлекая в качестве объяснений некие человеческие ошибки, мы будем упрямо утверждать, что этот факт есть

совсем не то, что он есть, несмотря на то, что он ничем другим быть не мог вообще и в принципе.

Рассмотрим этот парадокс мышления подробно. Что делает сознание, когда видит нечто, случившееся по ошибке? Оно сопоставляет два плана этого события – один план сознания содержит некое *виртуальное событие в его идеальном виде*, как оно предполагалось бы, не произошли ошибки. А другой план сознания содержит *реально произошедшее событие в его практической реализованности* по итогу ошибки. Например, водитель выехал на встречную полосу и врезался в автобус – это есть реальное событие. А сознание сопоставляет это реальное событие с его виртуальным вариантом, в котором водитель дисциплинированно доехал до самой Казани, ни разу не выскочив на встречную полосу.

Теперь посмотрим, что происходит не в дымках сознания, а в самой ошибке водителя по её земному факту – в ней происходит *цепочка осознанных действий, которые реализуют определенную цель, на которую была направлена последовательность именно этих, разумно организованных манипуляций*. Тот же водитель совершил не просто ошибку как таковую, в виде некоего объемно выраженного факта, не подлежащего разложению на этапы. Нет, он совершил ошибку в виде ряда последовательных и осознанно волевых операций – повернул руль, прибавил газу, включил поворотник, глянул в зеркало и т.д. Он совершил сложный и обдуманый маневр, состоящий из серии намерений и желаний, *при явном намерении и желании совершить именно эти реальные действия, а не какие-либо другие*. Если бы у него не было этих намерений и желаний, то и действий, соответствующих им, его тело не совершило бы.

А теперь опять вернемся к сознанию, и вспомним, что внутри сознания всё еще мерцает живыми красками некое идеальное событие, которое не произошло, и для которого теперь безвозвратно не сложилось никакой необходимости. Это событие так и останется теперь жить только в голове, но к этому теоретическому событию уже прибавляется некое реальное событие, которое реализовалось на дороге, поскольку к нему сложилась необходимость из реальных действий водителя (ошибочных). И что же сознание со всем этим делает? Оно берет и оттуда, и отсюда понемножку, накладывая виртуальное на реальное, и, рождая ментального кентавра: сознание признаёт, что причина аварии содержится в реальных действиях водительского тела, но *причиной реальных действий водительского тела не могли стать психические намерения этого водителя, потому что водитель не мог иметь в себе подобных намерений*. «Не самоубийца же он» – говорит нам сознание. И объясняет всё ошибкой!

Таким образом, сознание создает удивительнейший парадокс: ошибочные действия водительского тела реальны, так как они уже произошли, но психические намерения, без которых эти действия не случились бы – нереальны, потому что их не было, этих намерений. Без этих намерений, конечно, ни руль не повернулся бы, ни педаль не придавилась бы, но... не было этих намерений. Потому что иначе, только как безумными, эти намерения не назовешь. Поэтому этих намерений не было.

То есть, ошибочные действия тела есть, а ошибочные намерения, без которых эти действия никогда не происходят – отсутствуют.

Полный абсурд, да?

Но наше сознание ничем не смущается, и создает себе вот такой логически противоестественный образ из смешения реально произошедшего с тем, что должно было произойти в сфере предположений. И чем же объясняет сознание подобный слепок реального и виртуального в одной совместной оценке события? Тем, что в соответствии с идеальными намерениями, человек должен был сделать совсем не то, что он сделал, но у него *как-то само получилось!*

Естественно, что о «логике» подобного объяснения можно всерьез даже и не заикаться, потому что череда непостоянных и разумно организованных действий не может осуществляться «как-то сама». Последовательность физически сложных манипуляций по

управлению автомобилем может происходить только в результате разумных намерений и в результате *серии одноцелевых психических команд*, предваряющих именно эти действия, а не какие-то другие. Само подобное не происходит.

А если подобное не происходит само, то логика здесь неумолима – если без этих разумных намерений простые действия тела невозможны, а источника намерений в своей голове мы не находим, то мы должны естественным образом допустить, что у этих намерений есть другая голова. Тело наше, а голова им командует другая.

Такой вывод требует определенного почтения только тогда, когда он логически непротиворечив, а еще лучше, когда он логически неизбежен.

С логической непротиворечивостью здесь всё понятно: логически абсурдно было бы как раз обратное – если бы человек совершал некие действия, обладая при этом намерениями к совершенно иным действиям. Вот это как раз-то было бы логически совершенно абсурдно! А у нас логика вполне проста – какие действия совершил, такие намерения и должен был иметь.

Следовательно, человек должен был иметь намерения, либо к тем действиям, которые исполнили его руки и ноги, либо он совсем не должен был иметь никаких намерений, и тогда ничего не произошло бы. Но, поскольку, человек эти сложные разумные действия совершил, но намерений к ним не имел (и то, и другое верно), то через человека эти действия совершил кто-то другой, не менее разумный. Потому что действия такого сложного порядка могут происходить только при соответствующих разумных намерениях.

Мы еще раз повторили весь ход доказательств, чтобы окончательно уяснить, что обошлись без мистики и с логической непротиворечивостью ладим. А как с точки зрения логической неизбежности?

А с этой точки зрения не столь уж неизбежно утверждать, что в человеке действуют чужие намерения, опираясь на те основания, что у самого человека этих намерений нет. Потому здесь вполне уместно возражение, указывающее на определенную вероятность самостоятельной ошибки человека безо всякой там темной воли со стороны. То есть, говоря более точно, можно сказать, что ошибка может произойти и в психике самого человека – кто туда заглянет?

Мы сейчас заглянем. Если за чем-либо другим лезть в сумрак собственной психики бывает и бесполезно, то за причиной ошибки – вполне допустимо. Потому что ошибка должна иметь свою ясную причину – неправильный расчет ума или недальновидное заблуждение воли. Или то, или это. Потому что, если сейчас кто-либо начнет наводить тень на плетень в вопросе о причине ошибочного поступка, то это будет нам только на руку – если причина темная, то почему ей не быть тем, что мы предложили выше (чужое вмешательство)?

А если мы, сообразуя все обстоятельства, признаём, что ошибка, как последовательность сплоченных поступков во имя единой цели, должна иметь свои понятные основания в собственном разуме и в собственной психике, то причину ошибки вполне можно найти.

Ведь она, эта причина ошибки, зарождается в мыслях и намерениях еще до того, как ошибка свершилась физически, она (причина ошибки) зарождается и появляется чуть загодя, там, где *непосредственно в каком-либо конкретном психическом моменте происходит принятие решения*. Если всё это происходит в нашей психике и *только силами нашей психики*, то мы всегда должны найти этот момент принятия ошибочного решения и определить все поводы, которые к нему привели. Это же наша психика, а не чья-то!

Итак, допустим, что мы обратно-логическим путем найдем, где именно произошел момент психической ошибки, предваривший физическую ошибку тела. Допустим, что мы найдем этот момент первого психического толчка к решению, которое невозможно оправдать никакими объяснениями трезвого характера.

Но в тот же самый момент, когда мы увидим этот наиболее ранний момент, мы тут же увидим, что этот момент – не продукт нашего рассудка и нашей воли, *потому что наш рассудок и наша воля подобного противоестественного намерения никогда не допустили бы*. Мы сможем увидеть только тот момент психического движения, когда наш рассудок и наша воля *приняли в себя готовым* это глупейшее по всем основаниям намерение, не успев, или не попытавшись его осознать. Но никакого отправного психического акта, содержащего факт собственных размышлений или собственных веских доводов в пользу безумного намерения, мы не найдем – они невозможны, если мы сами не безумны. А если мы не безумны, то никаких здоровых размышлений и никаких веских доводов своего сознания или своей воли в пользу ошибки мы не найдем – подобные размышления раскрыли бы нам только опасность ошибки, и та не случилась бы. Но она случилась, и, следовательно, физическая ошибка свершилась нашим телом, но психическая ошибка совершилась не по нашему разумению и не по нашей воле.

Таким образом, мы четко обнаруживаем, что отправной психический акт, побудивший нас на глупый поступок, *с логической неизбежностью* должен входить в нашу психику из какой-то неведомой пустоты и совершенно без согласования с нашим рассудком. Иначе он туда не вошел бы – сознание и воля не пропустили бы.

Итак, у нас вырисовывается интригующая, но сложная картина происходящего в глубинах нашей психики, когда происходит ошибка системно предпринятого поведения. У нас получается, что где-то в нашей психике запускается сложный, но детально точный ход ошибки, которую мы должны совершить по чужим расчетам и по чужой воле.

Таким образом, если мы еще не передумали искать ответы об истинных причинах человеческих ошибок, то перед нами вырисовывается исследовательский путь в глубины психики.

А все знают, что путешествия в глубины психики сегодня не терпят самодеятельности, поскольку этим занимается наука психология. Все знают, что в этой науке можно найти много ответов на разные вопросы про психику и, в том числе, очевидно, и про психическую причину ошибки. И, следовательно, как все сейчас понимают, нам следует обратиться именно к этой науке – к психологии.

Можно даже сказать, что по итогу нашей работы, получается так, что всё предыдущее было лишь подступом к тем проблемам, которые должны теперь решаться наукой психологией.

Сказать можно всё. Буквально всё. И даже это.

Глава 4. Психология.

Пока магия училась превращать фантазии в реальность, наука научилась делать то же самое наоборот...

Итак, для верности повторимся: мы имеем версию, которая при своем подтверждении могла бы нам прояснить органическую природу ошибочного поведения человека: вмешательство тайных сил в психику человека. Добавим, что наше внимание забирает только и только системно предпринимаемое и осознанно совершаемое ошибочное поведение, а не проступки по неведению, второпях, по недомыслию, в аффекте или в машинально-случайном ползузабытьи. Нас интересует только и только тот вид ошибок, в которых человек осмысленно принимает ряд неких решений, а потом все окружающие, да и он сам, поражаются – как можно было наделать столько глупостей одну за другой, не поняв сразу, что это могло закончиться только глупостью!?

Естественно, что для рассмотрения этих версий нам придется развернуть ту или иную систему рассуждений, которые будут подчинены исследованию одного и того же – психики человека. Ведь именно в психике человека возможны те самые ниточки, которые дергают человека и заставляют его выполнять некие чуждые ему действия. Таким образом, нам сейчас прямая дорога в науку психологию, в науку, которая изучает психику, сознание и личность человека.

Существуют этапы в интеллектуальных поисках, которые невозможно обойти. Поэтому нам сейчас следует твердо заявить: наука психология – это именно тот этап нашего поиска, который мы можем обойти легко, без ущерба и очень даже далеко стороной.

Объясним, почему, хотя это объяснение может оказаться для кого-то и не простым.

С наукой психологией сложилась ситуация, противоположная той, которая сложилась с наукой астрологией. Если взять астрологию, то мы постоянно слышим, что астрология это удивительно точная и удивительно хорошая наука, которой не хватает только одного – удивительно точных и удивительно хороших астрологов. А что касается психологии, то мы, наоборот, сплошь и рядом воочию видим точных и хороших психологов, но не видим никакой науки. Каждый психолог хорош и ценен, а вся наука, собранная вместе, разваливается на куски, как нечто, превышающее своей массой свои внутренние способности к склеиванию.

Существует даже книжка-обзор различных научных концепций, пытавшихся в разное время господствовать в психологии, и эта книжка, не много ни мало, а называется «Сорок концепций, которые потрясли психологию». Если какую-то науку можно сорок раз потрясти и при этом ничего однозначного из неё не вытрясти, то, обращаясь к такой науке, мы серьезно рискуем получить результат меньше заданного, даже если вообще сможем получить хоть какой-то результат.

Почему так?

Потому, что наука психология изучает *то, чего нет и никогда не может быть в природе*.

Мы уже называли предмет изучения психологии выше, и можем озвучить его еще раз: наука психология изучает психику, сознание и личность человека (и животных тоже, кстати, но нам это пока не к месту никаким боком). Итак, мы уже дважды прочитали то, что изучает наука психология. Но даже если бы мы читали это бесконечно, то мы бы всё равно не спасли предмет изучения психологии от его полного небытия в природе.

Потому что в природе не существует никакой психики *человека вообще*, в ней не бывает никакого сознания *человека вообще*, и в ней не может быть никакой личности *человека вообще*, как нет, и не может быть в природе никакого *человека вообще*.

В природе есть только всякий раз конкретный человек и существуют только конкретные, только отдельные, только неповторимые и только индивидуальные психики, сознания и личности отдельных людей, каждая из которых должна стать предметом *отдельного изучения психологии, если психология хочет изучать именно то, что действительно существует в природе, как объект реальности.*

Психология этого хочет, но она этого физически не может. Это может каждый отдельный психолог, но вся наука, как универсальная система исследования, этого не может, и поэтому вместо реального объекта (вместо каждой отдельной психики) психология исследует и изучает какие-то общие законы и какие-то общие универсальности какого-то психического мира. Но эти универсальности не применимы от начала и до конца буквально ни к одной из психических реальностей мира, потому что в природе нет, и не может быть никакого психического мира. В природе могут быть только психические миры каждого отдельного человека, а универсального психического мира природа в своём составе не знает, и даже не подозревает о таком.

И поэтому все универсальности «психического мира» из науки психологии являются лишь научными абстракциями, не представленными ничем конкретным в реальном бытии.

И как бы это ни трактовалось, и как бы это трогательно не объяснялось, но ничто не должно затуманивать для нас того факта, что *предмет изучения психологии – это абстрактность, и, соответственно своему предмету, вся наука психология изучает разные абстрактности, которых в реальности не бывает, и быть не может.*

Из-за этого обстоятельства в науке психологии сложился исследовательский метод, который содержит в себе опасности, плохо осознанные её теоретиками.

Метод вообще всегда очень важен при рассмотрении возможных результатов какого-либо предприятия. Зачастую достаточно заглянуть в метод, и сразу же не нужен даже результат, чтобы убедиться в его будущей бесплодности. Например, если какой-то человек объявит, что собирается на коне доскакать до Луны, то, как бы ни блистали его доводы убедительностью, а именно что-то из его метода заставит вас насторожиться, не так ли?

То же самое происходит, если мы внимательно посмотрим на этот метод психологии – исследовать через абстрактное то, что бывает только индивидуальным.

Что мы увидим в зерне самого этого метода? Мы увидим, что вся эта наука, как бы она этому ни противилась, но никуда не денется, а будет вынуждена *отрицать единственную психическую реальность окружающего мира* – она будет отрицать индивидуальность единичного человека.

Она не будет ставить это отрицание своей целью, она не будет выводить его в качестве какой-либо задачи, но у неё это обязательно получится, потому что перед любой наукой встает вопрос о наполнении содержанием, и – что должна делать с этим вопросом наука психология, если, вместо сведений о конкретном, она должна наполняться сведениями об абстрактном?

Здесь у психологии возникает принципиальная дилемма – или признать все свои абстрактные сведения чем-то второстепенным и малозначимым в сравнении с конкретными реальностями мира, или... поступить наоборот. Естественно, что она поступит наоборот – не объявит же она всему миру, и даже не скажет себе самой, что она занимается изучением несуществующих вещей! И поэтому, чтобы серьезно относиться к самой себе и требовать этого же от других, наука психология должна в своём подходе подспудно противоречить первостепенности психики конкретного человека перед приоритетами искусственно созданных научных абстракций. То есть она должна заранее, в неосознанной моторике своих действий, полагать, что *конкретно существующие в реальном мире объекты менее значимы, чем их абстрактные отголоски в науке.*

Отсюда получается, что в процессе наполнения своего научного содержания несуществующими абстракциями («некоторая психика вообще», «некоторое сознание

вообще», «психика *некоторого* человека», «сознание *некоторого* человека»), наука психология должна наделять реальный единичный индивидуум человека второстепенным значением. Ей некуда от этого деваться, потому что ничто из её абстрактного содержания никогда не сможет ни заменить этот единичный индивидуум, ни выступить его равноценным представителем. Любые самые изысканные научные абстракции из психологии будут всегда слишком анемичными конкурентами для любой самой примитивной личности конкретного человека по критерию реальности.

Поэтому психологии приходится исходно закладывать в методологию приращения своего знания второстепенность конкретной психической реальности конкретного человека, ибо в противном случае второстепенным станет само содержание этой науки.

Таким образом, весь метод исследования психологии превращается в прием замещения конкретных психических реальностей отвлеченными теоретическими выкладкам обобщенного свойства.

Прием «замещение» (его еще хитро называют «идеализацией») имеет право на жизнь в науке и приносит много пользы. Но он имеет это право, и приносит эту пользу только в том случае, когда наука пытается абстрактно теоретизировать *о реальном объекте познания*. Это происходит в целях экономии лабораторных затрат, или же, по причине невозможности прямых экспериментов с этим объектом. Например, совершенно нет никакой необходимости каждый раз лабораторно добывать молекулу азота, если можно теоретически прогнозировать любой её результат абстрактной идеализацией в собственной голове или формулой на бумаге. Или, например, невозможно проводить эксперименты с планетой Меркурий, потому что Меркурий нас не поймет, а мы ничего не придумаем для того, чтобы он стал понятливее. И здесь тоже придется прибегнуть к идеализации какого-либо мысленного эксперимента.

Это всё очень достойные научные приемы, потому что здесь наука *предварительно впускает в себя какой-то реальный объект познания, а далее замещает этот объект теоретической моделью, описывающей именно его*. Так появляются абстракции, но это есть абстракции о реальном объекте познания, каждая из которых далее универсально обслуживает любые естественнонаучные теории. Например, молекула водорода, представленная абстрактно, будет всегда и везде замещать любую реальную молекулу, сохраняя в своей абстракции всю правильность, которой обладает для научной теории любая реальная молекула.

Но то замещение, которым занимается наука психология, является весьма сомнительным приемом, потому что здесь замещение происходит *вместо реального объекта познания*. В психической реальности мира нет ни одного психического объекта, который имел бы соответствующую *именно себе* абстракцию, способную универсально работать в теоретических моделях психологии. Потому что любой психический объект, это какой-нибудь господин (госпожа) N., абстракция о котором (которой) может относиться только к нему (к ней) и не может иметь никакого универсального значения и никакого универсального применения для других реальных психических объектов. Для каждого господина N. (а для госпожи N., в особенности) нужна своя наука психология, в которой абстрактные модели этой личности могут применяться, хоть до упаду, но которая (наука), будет правильной только для этой личности.

Если же создавать науку *психологию вообще о человеческой психике вообще* (как это происходит), то реальный объект познания в эту науку не будет попадать *вообще*, поскольку будет *предварительно* заменяться на какую-то абстрактную универсальность. Поэтому любой раздел «науки психологии вообще» сразу же оперирует абстрактными личностями и абстрактными психиками. То есть, эта наука с самого начала строится ни на чем, и естественно предполагать, что ни о чем будет всё, что случиться с нею далее.

Поэтому ни в одной другой науке, оставившей заявку на исследование реальности, нет такого пёстрого набора пустых и ничего не говорящих положений, сколько есть в психологии. Это: коллективная ментальность, сверхЯ, архетип, коллективные

представления, подсознание, групповое сознание, коллективное сознание, бессознательное, метапсихология (высшая теоретическая абстракция для подхода к высшей теоретической абстракции – к переживаниям за гранью сознательного!), Оно (это о себе!, прости, Господи), бессознательные воспоминания (!!!), первичная орда (родоплеменная память людей об убийстве и съедении собственного отца, из которой формируются все нынешние этические ограничения в обществе!!!!), предсознательное, надсознательное, психология групп, Анима (женский образ в мужчине) и Анимус (мужской образ в женщине), центральное Эго, либидинозное Эго, антилибидинозное Эго, психовитализм (сверхиндивидуальный принцип целесообразного поведения), надындивидуальное сознание, психика социальных групп, групповое чувство, сознание социальной группы и т.д. и т.п. Все эти неотчетливые выкрики из психологии относятся либо к «надындивидуальному» (то есть к чему-то, не способному никогда существовать реально), либо к каким-то групповым явлениям (то есть, способным существовать все равно только в суждениях единиц), либо к каким-то сущностям внутри психики (то есть, к объектам собственного наваждения, а не реального мира), либо к темным фантазиям и гипотезам, которые, как всегда, окажутся более знамениты упущениями, чем достижениями.

Но, ведь других результатов и быть не могло, поскольку психология с самого начала оперирует или сверхиндивидуальным, или абстрактным, но никогда не оперирует ничем реальным – поскольку реально только индивидуальное, а именно эта реальность в систему её описания не попадает. Этих реальностей вон сколько, а психология одна. Пусть станут в очередь. А пока... А пока в психологии не нашлось своих Ньютонов и своих Галилеев, способных создать метод исследования, соответствующий объекту исследования.

Однако самое интересное во всём этом то, что в психологии происходит теоретическое замещение не какого-нибудь, в принципе невидимого, протона, или, какого-нибудь, вещественно неуловимого, заряда – в психологии замещается то, что дано простому *повседневному опыту* очень непосредственно и очень конкретно: замещается личность отдельного человека.

Это делается на том основании, что у единичной индивидуальности (*у единственной психической реальности мира!*) якобы есть некое служебное назначение поставщика первичной информации, которая затем теоретически обобщается, и на этом возникает научное знание.

Но это заблуждение.

Потому что ничто уникальное не подлежит обобщению, как единственное и неповторимое. Разве подлежит какому-либо обобщению Меркурий? Или Марс? Или Земля? Или Луна? Разве можно создать науку «о планете вообще», и, вооружившись универсалиями этой науки, предпринять намерение дать *из её универсального содержания* точное описание и верное предсказание для любой из звезд Вселенной? Если найдется голова, способная питать в себе подобное предприятие, то... именно такие головы создают науку психологию.

И, точно так же, как универсалиями науки «о планете вообще» невозможно было бы описать ни одну из планет, если не обратиться к ней непосредственно, точно так же и универсалиями науки психологии невозможно воспользоваться в отношении конкретного человека, потому что каждый человек уникален и неповторим, как каждая из планет Вселенной.

Это хорошо подтверждается той точкой излома, которая всегда возникает при вылазках психологии в экспериментальную фазу. Здесь сразу же появляются трещины, в которых исчезают не только теоретически предзагаданные идеи, но и даже практически добытые результаты.

И в этом виноваты еще одни пороки научного метода психологии, которые не устранимы никакими рационализаторскими находками. Рассмотрим эти пороки подробнее.

Итак, любая психическая реальность мира – это всегда только какая-то конкретная человеческая психика, всегда какая-то личность. Но ни одна конкретная психика и ни одна конкретная личность никогда не бывают вот так вот просто конкретными без какой-то конкретной ситуации, через которую они себя проявляют. И поэтому для изучения какой-то конкретной психики (если кто-то надумает этим заняться) всегда придется рассмотреть ту ситуацию, в которой эта психика конкретно действует. *Не потому даже, что ситуация может рассказать исследователю что-то о психике, а потому, что ни один исследователь никогда не сможет вне какой-либо ситуации психику вообще заметить.*

Психики без ситуации, предъявляющей её исследователю в качестве объекта изучения, просто не видно. Без ситуации, в которой психика действует, она скрыта от глаз исследователя: мы знаем только, что она есть (должна быть, потому что её не может не быть), но *изучать* её мы не можем – она нам не показывается, потому что она сейчас не работает.

Психика это не компьютер, который можно изучать и выключенным, и включенным – и в обоих этих состояниях будет, что изучать. Дух человека, если брать его для исследования, не может браться выключенным и не проявляющим своей деятельности в какой-то конкретной ситуации.

Это, конечно, проблема, но еще большая проблема состоит в том, что для изучения абстрактной психики и абстрактного сознания, психология должна создать какую-то абстрактную ситуацию, в которой эти универсальности могли бы себя проявить. Психология должна иметь данную абстрактную ситуацию для того, чтобы через нее хотя бы заметить то, что она изучает.

Таким образом, даже если с натяжкой предположить некую универсальность какой-то психики «вообще», то надо хотя бы с такой же натяжкой, предположить для неё и соответствующую универсальную ситуацию, в которой она бы себя проявляла и изучалась.

Существует ли что-либо подобное в психологии? Нет, не существует. И не может существовать. Хорошо это, или плохо? Это не только плохо, но и хорошо, поскольку это окончательно плохо для самой науки, но очень хорошо для её исследователей, поскольку свидетельствует об их склонности к здравому смыслу.

Зато в психологии существует некоторое количество «сходных ситуаций», в которых теоретически исследуется поведенческая модель человека того или иного душевного склада.

Хорошо это, или плохо? Плохо, потому что, тем самым, вся обширная психическая практика реальной жизни реального человека сводится к узкому кругу абстрактных и стандартно сходных ситуаций. Например, психология может обогатить цивилизацию следующим открытием: если человек победит, то он будет радоваться, а если проиграет, то будет огорчен. Сильно подмечено. Но немного абстрактно. Однако дальше абстрактного стандарта вот этой сходной ситуации психология идти не может – варианты конкретной жизни бесчисленны, а универсального закона для всех для них сразу вывести не получается. И никогда не получится. А подобное бессилие в отношении реальной действительности не красит никакую исследовательскую науку.

Но помимо того, что стандартные условия сходных ситуаций нельзя выдавать за вечные условия человеческой жизни, следует сказать еще одно: *абстрактно сходные ситуации, как экспериментальная зона исследования, могут создавать только науку, абстрактно сходную с действительностью.* А это совсем не красит не только исследовательскую, но и любую другую науку.

Но это привычный недуг для психологии, несмотря на то, что он из теоретической её области переносится и в практическую, не так ли?

И, как следствие этого недуга (если говорить об экспериментальном подтверждении теоретических выкладок психологии), реальный человек может в 10-ти сходных ситуациях поступить десятью совершенно разными способами, несмотря на то, что наука психология теоретически вывела для него какой-то доминантный вариант. Это вовсе не исключено. Не исключено и то, что этот человек в 9-ти из 10-ти сходных ситуаций сделает всё так, как предполагает наука психология, но в следующий (такой же!) раз, вдруг, вытворит что-то, прямо противоположное и это ему понравится. И он впредь будет поступать только так. И психология с этим ничего не сделает. Потому что она лишь абстрактно сходна с действительностью. Она может только гадать.

Из-за этого в психологии невозможна исследовательская статистика, способная выявлять твердые закономерности, как это бывает в естественных науках. А без закономерной статистики в психологии не может происходить главного, что происходит в исследовательских науках – не может происходить последовательного устранения разницы между теорией и наблюдением. Ведь, только тогда, когда теория, или полностью объясняет наблюдение, или точно его предсказывает, можно говорить о том, что перед нами зрелая и правильная исследовательская наука.

А что в этом плане может дать психология, у которой никакое наблюдение не может быть гарантировано дважды? Она ничего не может сделать для сближения теории с наблюдением, потому что эксперимент в психологии есть не подтверждение и даже не проверка теории, а фиксация *самостоятельно протекающего* события, подлежащего новому исследованию. Человек непредсказуем.

Эксперимент в психологии – это всегда какое-то новое, но уже неповторимое впредь событие, *совпадающее с какой-то теорией, или не совпадающее с ней*. И поэтому теоретическая часть психологии повисает ни на чем, оборачиваясь на практике нетвердыми и необязательными высказываниями о возможном повороте событий какого-либо исследуемого дела. Здесь трудно выжать аплодисменты, объявив себя исследовательской наукой.

А у нас цели исследовательские! Следовательно, нам дальше придется больше рассчитывать на себя, чем на эту науку.

Кстати, все успехи действующих психологов – это тоже всегда их личный, уникальный и неповторимый дар, основанный на высоком искусстве собственной интуиции и на личном таланте. Но это никогда не результат точного следования какому-либо нормальному алгоритму из свода психологии.

Практические психологи, похоже, на эту науку тоже не очень рассчитывают. У них у каждого своя наука.

В общем, если мы привели достаточно аргументов против психологии, то нам следует найти другой метод для исследования психики. А если мы привели недостаточное количество аргументов против психологии, то за отсутствием, хотя бы одного в её пользу, мы всё равно поищем что-либо другое.

Глава 5. Трудности метода

Все методы познания делятся на два вида: одни находят в мире что-то для себя, а другие навязывают миру что-то из себя.

Если нам нужен какой-то метод для исследования психики, то подобных методов сегодня можно найти несколько, но каждый из них всегда будет отличаться от другого тремя основными особенностями: мировоззренческой позицией, способом добывания знаний и целевой установкой на результат. Собственно говоря, все существующие методы познания отличаются именно этим, и даже методы изучения психики.

Поэтому выбор какого-либо из возможных мы проведем на основе анализа трех, выше обозначенных, признаков: мирозерцательной позиции, исследовательской идеологии и целевой установки. Это не только надежный, но и очень экономичный прием, который позволяет дать законную и здоровую оценку любому методу без долгих затрат на его апробацию.

Тянуть не будем, и начнем с наиболее превалирующего сегодня, и наиболее удачно закрепившегося в науке, материалистического метода.

Каков познавательный потенциал материализма с точки зрения мировоззрения? Тут секретов нет, и быть не может, потому что всё это никогда ни от кого не скрывается – материалистический метод и его познавательный потенциал ориентируются на исключительную материальность любого исследуемого явления.

Следовательно, материализм должен изучать только материю, и больше ничего. Ну, и еще, в особых случаях – только материю и больше ничего. Но, если, все-таки, появится какой-нибудь совсем уж крайний случай, то, тогда (так уж и быть) – только материю, и больше ничего.

Иначе – никак.

Потому что всё, что существует (по материализму), имеет материальную природу или материальную причину. А то, что не имеет материальной природы или материальной причины, то существовать не может, существовать не должно, и, следовательно, не существует. А раз оно не существует, то, как его изучать?

И тогда (если мы возьмемся работать методом материализма) нам следует, всего лишь, найти тот участок материи, который отвечает за психические процессы и предпринять его всестороннее изучение. И на этом, в общем-то, всё. Потому что, когда мы этот участок материи, который отвечает за психические процессы, найдем и досконально его изучим, то нам сразу же откроются все тайны психики от начала до конца.

Главное, что привлекает в материализме, это простота, не так ли?

Следовательно, в соответствии с простой логикой материализма, мы должны будем обратиться непосредственно к тому материальному отделу человеческого организма, который напрямую является (должен являться согласно данному методу) материальным источником и материальной причиной психики – мы должны будем обратиться к нервной системе и к мозгу, которые отвечают за работу психики.

И как же нам следует изучать нервную систему и мозг *материалистически*? Материалистически их надо изучать как материальные объекты, а в материальных объектах всё всегда в итоге сводится к простым и ясным свойствам тех наименьших элементов материи, из которых эти объекты состоят, и в которых непосредственно формируются сами свойства этих объектов.

В физических вещах такими наименьшими элементами являются молекулы, а в психических системах это, как все уже поняли – нейроны. Именно нейроны образуют материальную структуру центральной нервной системы, а также именно нейроны обеспечивают все те функции, которые нервная система выполняет. И поэтому, наподобие того, как молекула содержит в себе все химические свойства вещества, так и нейрон

должен содержать в себе все психические свойства объекта (всё это, напоминаем, согласно неумолимой логике материализма).

Кстати, если мы посмотрим на то, что делает материалистическая наука, то мы именно это и увидим – она идёт в исследовании психики через физиологию нейронов. Таким образом, мы, пока что, правильно понимаем применение этого метода относительно того, как он должен понимать сам себя.

А тогда разберемся с тем, насколько действенен тот мандат на объяснение психики, который материалистический подход сам себе же и подписал.

Психика работает в едином взаимосвязанном цикле с нервной системой и мозгом. Число нейронов мозга (по усредненным версиям) составляет около 10^{11} , что приблизительно равно числу звезд Млечного Пути. Каждый нейрон из всего их числа можно назвать маленьким компьютером, передающим через специальные контакты различные команды другим нейронам. Контакты, которые передают команды, называются синапсами. У каждого нейрона таких, постоянно работающих контактов (не спешите с предположениями!)... до 10 000. Сногшибательные цифры, не правда ли? Если они не показались вам такими, то перечитайте абзац еще раз.

Но мозг и психика – это вовсе даже не нейроны с синапсами в их сногшибательном количестве. Мозг и психика – это *качественные* связи нейронов, которые реализуются через синапсы. Именно в этих связях возникает то, что мы называем психикой отдельного человека. Сколько же таких связей происходит в мозге между этим сногшибательным числом участников отношений?

Это подсчитано. Выяснено, что если число синоптических связей между нейронами попытаться выразить через единицу с нулями (1000000000000000000000000... и т.д.), то вереница нулей, набранная на пишущей машинке, составит расстояние длиной 62 137 109 997 859 километров. Расстояние от Земли до Луны уложилось бы в это расстояние 161 миллион раз! Как вам это понравится?

Эти подсчеты незадолго до своей смерти произвел мировой авторитет в области психофизиологии, профессор Петр Анохин. Причем Анохин добавил, что цифра, скорее всего, занижена.

Очевидно, так и есть – занижена, поскольку современные учебники психофизиологии полагают, что число связей, возникающих между нейронами, *практически бесконечно*.

Для сравнения – число атомов во всей Вселенной, подсчитанное Мэтью Чампайном в 1998 году, составляет 10^{80} , а количество атомов видимой Вселенной принимается сегодня за 10^{67} . В чем разница, и как они это подсчитывают – Бог им судья, поскольку нам сейчас хотелось бы знать не что-то о количестве атомов Вселенной, а что-то о тех связях, которые могут между *всеми этими* атомами осуществляться.

И что сказать об этих связях (об атомных связях Вселенной)? Какова их сложность? *Может ли сложность связей атомов всей или только видимой Вселенной соперничать со сложностью связей нейронов только одного мозга в голове только одного человека?*

Ответ прост и незатейлив – и близко не может.

Возможно, общим количеством своих связей эти *исчисленные* атомы Вселенной еще и могли бы потягаться с *бесконечностью* связей нейронов мозга, но не будем забывать, что все атомы одинаковы (по своим группам) и вступают в некоторое количество легко подсчитываемых устойчивых взаимодействий. А все нейроны мозга разные и неповторимые – двух одинаковых во всех мозгах всей Вселенной не найдешь. И поэтому каждая из бесконечных связей, в которые вступают нейроны, тоже неповторима – двух одинаковых во всей Вселенной не найдешь. И всё это происходит в таком быстропеременном объекте, как психика, у которой все состояния не просто неустойчивы, а неповторимы – двух одинаковых не найдешь.

Поэтому атомы хоть всей, хоть только видимой, Вселенной, со своими однотипными и простыми взаимодействиями, выглядят бледненько на фоне сложности нейронной системы. Все взаимодействия атомов происходят в составе какой-то одной молекулы, наподобие болтовых соединений, а каждый нейрон какого-либо мозга обязан сладиться со всеми остальными нейронами мозга (число которых равно количеству звезд Млечного пути, если мы не забыли), вместе с которыми он должен объединить организм в единое целое, обладающее целесообразным поведением. Сложность задач несопоставима.

Кроме того, связи нейронов – *это мыслящие связи*, это связи, которые учатся и запоминают, формируют мысли и представления, делают умозаключения и выводы, принимают, запоминают, обрабатывают, оценивают и кодируют информацию. А связи атомов физической Вселенной не имеют к процессам сознания никакого отношения. Именно поэтому один единственный человек может вместить в себя (какое ни есть) понятие обо всей Вселенной, а вся Вселенная не может иметь никакого понятия об одном единственном человеке.

Кроме того, нейронные связи – это связи, которые грустят, восхищаются, любят, гневаются, завидуют, шутят, подозревают, ревнуют, страдают, наслаждаются, испытывают патриотические подъемы, периоды творческого вдохновения, мировоззренческого кризиса, и т.д.. А связи атомов – это связи сугубо физические, примитивные, действующие под механическим (под стандартным) принуждением сложившихся обстоятельств.

Таким образом – *сложность связей только одного мозга только одного человека несопоставимо выше сложности связей всей Вселенной на её атомарном уровне.*

А теперь вернемся в тему, и вспомним, что мы должны поверить в то, что некий материалистический метод сможет изучить, понять и дать компетентное объяснение некоторому *вообще непредставимому* количеству отношений некоторого количества элементов, равных своим числом звёздам Млечного Пути. Это возможно?

Само собой понятно, что это невозможно. Не поверить в это невозможно, потому что поверить, как раз, у многих получается с лёту, а невозможно понять нейронную структуру мозга. Почему? Потому что способность понять – это способность вместить в систему своего распознавания объект познания в том виде, в котором он *цельно функционирует*. Понять – это полностью охватить объект познания схемами своего анализа, и полностью иметь его раскрытым перед собой в чётко обозримой одномоментной картине всех циклов его жизни. Способность понять – это способность захватить нечто понимаемое манипуляторами своей логики и расставить всё от начала и до конца внутри себя по отдельным логическим полочкам. Способность понять – это способность пересилить сложность чего-то понимаемого сложностью собственной системы осмысления. Понять – это перекрыть сложность бытия объекта сложностью своей мыслительной организации.

То есть понять и дать компетентное объяснение какой-либо сложной системе может только система, организованная еще более сложно.

Следовательно, исходя из материалистической методологии (в которой придется познать нейронную структуру мозга), нам, для изучения материальной основы психики, пришлось бы развернуть систему исследования, превышающую своей сложностью всю Вселенную, ибо перед нами возникнет объект познания (нейронная структура), несравнимо сложнее всей Вселенной.

Здесь следует сделать общую паузу, чтобы сказанное осмыслилось должным образом. Представляется, что короткой паузы достаточно.

Если пауза закончилась, и осмысление прошло правильно, то следует четко определить, что никакой исследовательской системы, способной изучить работу материальной структуры мозга, нет, и быть никогда не может, потому что нет ничего сложнее самого мозга.

Таким образом, в области изучения психики, материализм не способен решать те задачи, которые исходно *должен* сам себе поставить, поскольку он не сможет создать систему исследования, соответствующую изучаемому объекту.

Однако, резонен вопрос – а почему мозг не мог бы изучать самого себя безо всякой исследовательской системы? Приняв самого себя за исследовательскую систему высшей степени сложности, разве мозг своими собственными средствами не смог бы попытаться изучить самого себя?

Увы – нет, потому что для изучения самого себя мозг должен сорганизоваться сложнее самого себя. А это невозможно в принципе. Мозг есть то, что он есть, а поэтому быть *одновременно, и сложнее, и проще самого себя, он не может*.

Сорганизовавшись сложнее самого себя, мозг тут же превратится в нечто более сложное, подлежащее изучению уже чем-то еще более сложным. Теперь мозгу надо снова встать над собой и снова сорганизоваться еще сложнее, чем он есть в данном состоянии, но он тут же окажется в состоянии новой своей сложности, которую можно осилить, только переступив порог достигнутой сложности, и так далее и так далее до бесконечности.

Если материализм хочет изучать психику с материалистической позиции (а он именно так и должен хотеть), то он может считать эту попытку однозначно абсурдной уже на первых попытках объяснения мозга. И поэтому мы должны отказаться от материалистического подхода, то есть отказаться от попыток понять нейронную структуру в какой-либо степени, достаточной для уровня наших задач. Она никогда не будет познана.

А, возможны ли для материализма какие-то другие пути в исследовании психики, которые пролегают мимо изучения материальной структуры центральной нервной системы? Нет, невозможны. Потому что это было бы подменой его основного тезиса. Ведь, если материалистический тезис утверждает, что всё в мире только материально (или причинно материально), то материализм должен изучать тот уровень материи, на который он кивает, материально объясняя какой-либо эффект. И если в нашем случае он кивает на нейроны, то и объяснить всё он должен именно нейронами. И больше ничем.

При этом он обязан полностью табуировать в системе своих объяснений любой аргумент, *который не имеет никакой материальной структуры*. Он должен идти в истолковании психических процессов строго в соответствии со своим главным принципом – только через материальные объекты, и только через материальные взаимодействия. А то, что нематериально – то нельзя использовать в материалистической системе объяснения.

Например, процесс возникновения идеи гравитации в голове у Ньютона, после попадания ему на голову яблока, надо объяснять только через определенного вида соударения молекул в его мозге, а далее выводить научное озарение через электрические параметры сигналов сенсорных нервных волокон, через характеристики импульсов вставочных нейронов, через численные значения энергии активации ферментов восходящих путей и т.д., не трогая больше ничего остального. Этого должно быть достаточно, иначе метод не будет чист.

Рассказывать здесь о мысленных ассоциациях или о логических умозаключениях не надо, ибо это ясно и без материализма. Это было бы ясно даже тогда, когда материализма вообще бы не было. Потому что мысленные ассоциации и логические умозаключения – не материальны. А если материализм есть, и он обязуется объяснять всё только материально, то пусть и опишет это именно материалистически – пусть укажет те расчетные показатели биохимической работы мозга, которые порождают своей конфигурацией идею всемирного тяготения.

Но материализм так серьезно к своим обязанностям не относится. Вместо этого он *описывает* психическое явление как материализм (упоминает клеточные процессы, сопровождающие то или иное психическое явление), но *объясняет* это психическое

явление уже как идеализм – использует для объяснения нематериальные понятия. Например: «люди услышали крики «пожар!» и в панике бросились к выходу». Что значит «в панике»? Объясните нам это, чем-нибудь материальным. Ну, хотя бы, той частотой колебаний воздуха, с которой на мембрану уха воздействуют звуки от слова «пожар», или скоростью молекул мозгового вещества, с которой они начинают гоняться по голове от колебаний этой мембраны, или чем-нибудь еще. Укажите точные физические параметры тех или иных материальных объектов центральной нервной системы, которые вызывают состояние паники именно от какого-либо физического воздействия на них звуков «п», «о», «ж», «а» и «р», испущенных одновременно. О том, что у этих звуков есть *смысл*, способный вызывать возбуждение, здесь упоминать не надо – понятие «смысл» не имеет материальной структуры. Оно из другого мировоззрения. Попробуйте обойтись понятиями своего мировоззрения.

Но материализм не может обойтись кругом своих понятий, и поэтому материализм – это метод, который отказывается сам от себя там, *где заканчивается описание и начинается объяснение*. А если сам материализм на высших ступенях исследования уже обходится без самого себя, то и мы без него тоже сможем обойтись. Причем на всех ступенях. Сразу.

Осталось, правда, вспомнить о целевой установке, которая всегда и везде может быть у любого метода познания. Что же это за целевая установка, которая есть у материализма? Ну, конечно же – познать материю! А мы что хотим познать? А мы хотим познать психику, нечто нематериальное. Следовательно, если материализм хочет изучать только материю, то пусть материю и изучает. А мы сейчас хотим изучать психику. Поэтому нам этот метод сейчас не с руки.

Однако обзор претензий материализма на изучение психики сегодня нельзя считать завершенным, если не упомянуть о гибридном подходе, соединяющем в себе эзотерику (тайные знания) с «какой-то физикой». Приходится говорить обтекаемо о «какой-то физике», потому что, кроме традиционной физики может оказаться гораздо больше физик, чем вам это когда-то казалось, если вы пойдете в физику через эзотерику. Помимо вообще «эзотерической физики», вы сможете обнаружить «астральную физику», «ментальную физику», «информационную физику», «физику магии», «фрактальную физику», «психоэнергетическую физику», «физику парапсихологии», «новую физику», «физику духа», «физику сознания», «физику элементаров», «физику тонких тел» и, может быть, даже, еще *какую-то* физику, если поищите более тщательно.

Несмотря на эти волшебные слова из эзотерических энциклопедий, которые пристегиваются здесь к слову «физика», на самом деле это обычный материализм, только использованный извращенным способом. Потому что соединение физики с чем угодно в итоге все равно даёт физику – науку о физической природе исследуемого явления – то есть, сваливается в материалистические обоснования.

И вот какой-нибудь подобный гибрид смело берется объяснять с помощью «какой-то физики» всё на свете, в том числе и психику. Причем, обычно, объявляется материальным даже то, что не решается объявить материальным сам материализм (например, мысль и волю).

Что же такое «какая-то физика»? Что она такое в каждом своем частном случае совершенно не важно, потому что, подходя к «каким-то физикам» суммативно, можно сказать, что это *способ мышления*, который бестрепетно опирает эзотерические теории на термины традиционной физики (чем показывает притязания на научность), а физическим понятиям в составе этих теорий позволяет вести себя любым, доступным только воображению, способом. В результате подобного содружества, традиционная физика и превращается в очередную «какую-то физику». В системе этого мышления, естественно.

В круге брачных контрактов таких «физик» с эзотерикой наиболее известны следующие пары: астральные энергии (и тела), сверхтонкие тела (и энергии), эгрегорные материи (и объекты), ментальные вибрации (и фракталы), эфирные структуры мысли (и

эмоций), казуальные вихри судьбы (и вариантов событий), параллельные вселенные (и дополнительные измерения), информационные поля, флуктуации вакуума, петли времени, торсионные суперпозиции ядер воли, духовные квазичастицы, гравитоны сгущения мыслеобраза, информатоны формирования ситуации и т.д. и т.д. Продолжать можно, но незачем – принцип ясен.

Всё здесь красиво, кроме одного – ничто из перечисленного, пока еще, традиционной физикой не обнаружено. Собственно говоря, обычная эзотерика этим только гордилась бы. Но по замыслу любой «какой-то физики», именно основами её концепции немедленно должна пополниться традиционная физика, чтобы мир потерял все свои тайны и превратился в систему научно объяснимых фактов. Это и есть цель эзотерического материализма.

Таким образом, согласно эзотерическому материализму, *в изучении психики следует уповать именно на физику*, которая должна обогатиться достижениями «какой-то физики».

То есть мы здесь видим невиданную пока нигде (!!!) исследовательскую идеологию, которая *при изучении психики предлагает верить в успехи именно той науки, которая создана именно для того, чтобы изучать именно то, что не есть психика*.

Потому что физика – это именно та наука, границы которой очерчиваются областью психического.

И вот, именно потому, что сознание и психика – это то, что ограничивает сферу применения физики, эзотерический материализм предлагает изучать сознание и психику с помощью физики.

Это революционно.

Революция здесь в том, что впервые (и всерьез) для работы предлагается инструмент, имеющий совершенно иное назначение. Стамеска вкладывается в руки того, кто собрался фотографировать, а клеящий карандаш вручается тому, кто пришел сверлить металл.

Почему так? Потому что любое физическое знание должно быть математически вычислимым. Иначе – перестаньте называть себя «физикой».

А математически вычисляемое знание должно иметь очень большую группу операндов для расчета такой сложной теоретической модели, как психика. Поэтому, чтобы стать залогом великих научных открытий не только во всех областях знаний, но и в психологии тоже, любая из «каких-то физик» должна ввести в систему своих операндов такие, как, скажем: сознание, эмоции, воля, чувства, умозаключения, представления, желания, мотивы, убеждения, влечения, порывы, симпатии, настроения, озарения, сожаления, сомнения, томления, подозрения, вождления, стыд, страх, иронию, склочность и т.д.

Как видим – задача простая. Но, несмотря на это, ни одна из «каких-то физик» до сих пор этого не сделала. А нам тоже некогда этим заниматься – туда-сюда, уже и ночь, а у нас только пятая глава.

И поэтому мы переходим к тем системам исследования, которые некогда создавались непосредственно для работы с психикой, и которые уже самим своим происхождением предназначались именно для неё.

Психологию мы рассмотрели в предыдущей главе, а теперь у нас в кандидатах ходят два родственных ей подхода – психотерапия и психоанализ.

Что сказать о миросозерцании этих поприщ? Их миросозерцание идеологически высокоадаптивно, потому что психотерапия и психоанализ могут безо всякого косвенного умысла соединять в своих подходах любые концепции, которые сочтут полезными. Идеология познания их вообще интересуется мало, потому что их много интересуется основная цель – конкретная эффективность лечения. Если, скажем, психотерапевт поймет, что идея Бога находит здоровый отклик в душе пациента, то он, не задумываясь, будет эту искру поддерживать, даже если сам он – окончательно определившийся атеист.

Благодаря этому психотерапия и психоанализ мирозерцательно пластичны настолько, что могли бы стать удобной дорожкой по намеченному нами *познавательному* пути ... если бы они не были по своей сути методами *практическими*, а не познавательными.

Давайте, вспомним, что психотерапия и психоанализ – это терапевтические практики, но не методы познания. Об этом как-то подзабыли, а мы напомним. Сегодня психотерапия и психоанализ каким-то хитрым образом из терапевтической практики перешли в разряд гуманитарных наук, и поэтому очень ловко обходят главный критерий своей деятельности – клиническую эффективность, подтвержденную соответствующей статистикой. Это очень простой критерий, и его было бы очень легко применить.

Но вместо этого очень простого практического критерия мы имеем массу сугубо теоретических концепций, которые по своему смыслу вообще должны быть только внетеоретическими – лечите людей, и по практическим результатам этого лечения декларируйте правильность той или иной теории.

Поэтому, если понимать эти области деятельности правильно, то, выбери мы одну из них, нам пришлось бы пойти путем клинической практики, на что может уйти больше времени, чем нам бы хотелось. Впрочем, мы могли бы пойти стезей изучения готовых и правильных теорий, не участвуя в процессах клинической практики. Скорее всего, окажись мы перед жестким выбором, мы бы выбрали именно это. Но любой выбор не имел бы никакого решающего значения для того провала, который мы обязательно потерпели бы, потому что любые познавательные результаты психотерапии и психоанализа, проистекая из практик исследования *больных людей*, будут всегда иметь слишком узкое методическое значение.

Здоровые люди, которых в мире большинство, не пересекаются ни с психотерапией, ни с психоанализом, потому что в них не нуждаются. И поэтому родословная всех теорий психоанализа и психотерапии будет исходить из больной психики какой-то малозначительной части человечества. И вот, на базе этих «полезных» сведений об ущербной психике меньшинства, будут создаваться модели нормальной психики большинства? Здесь логика метода явно хромает.

С чем имеет дело психоанализ, и с чем имеет дело психотерапия? Они имеют дело с психически больными пациентами, и с их самыми разными нервными расстройствами: с нарушениями речи, со страхами, спазмами, галлюцинациями, истериями, раздвоениями личности, сексуальными отклонениями, маниакальными устремлениями, с бытовыми, пищевыми и половыми извращениями, с тяготением к собственной смерти или к уничтожению других людей, с kleptomанией, с клаустрофобией, с агрессией, с глубокой депрессией, с обездвиженностью, с навязчивыми состояниями, с внутренними конфликтами, с ложными беременностями, психогенными рвотами, потерей чувствительности, истощениями, нарушениями памяти, двигательными тиками, судорогами, дурными влечениями, регулярными припадками, пароксизмальными приступами, помраченными состояниями сознания, психопатическими нарушениями и прочими и прочими вещами, от одного перечисления которых хочется встать, зажечь церковную свечу и трижды обойти комнату.

И дело даже не в том, что психотерапия и психоанализ не имеют дело ни с чем хорошим, а дело в том, что *все эти симптомы своих душевнобольных пациентов психоанализ и психотерапия не должны принимать за глубинные начала психики вообще всего человечества*.

Сейчас психоаналитики и психотерапевты удивятся, но они должны понять, что главные двигатели поведения их пациентов не имеют никакого отношения к подавляющей части, пока еще не обследованного ими, населения. А сейчас они вообще поразятся, но дело в том, что любой человек вне их кабинетов считается психически здоровым до тех пор, пока сам как-нибудь не докажет обратного!

Следовательно, любой познавательный метод психотерапии или психоанализа может быть полезен только узкому кругу больных людей, а его результаты всегда будут покрывать меньшую область задач, чем нужно нашему исследованию.

Однако на этот счет иногда раздаются возражения, что познавательная цель психотерапии и психоанализа двунаправлена – они должны изучать не только нарушения психики, но и должны хорошо знать нормальный психический стандарт, ибо, не ведая о стандарте, они будут трудно понимать правильные пути исправления душевных болезней.

И это вполне закономерно, поскольку само лечение есть всегда возвращение к нормальному стандарту. Но этот нормальный стандарт не нужно искать в отвлеченных теориях, потому что он существует как очень простая практическая данность – обычный здоровый человек (желательно, чтобы хотя бы в лице практикующего врача). Поэтому отношения с нормальным стандартом у психотерапии и у психоанализа очень просты – этот стандарт есть очевидная и понятная цель, к которой следует практически стремиться, а не таинственная цель, которую следует искать в теоретических далах.

Однако (раздаются еще одного рода возражения) присутствие здорового стандарта в целях врача делает его знания о психике лишь богаче, потому что именно долгой сменой положительных сдвигов больной психики в нужную сторону врач добивается выздоровления пациента. И поэтому, кто, как не психотерапевт (или, кто, как не психоаналитик) знает всё, как о здоровой психике, так и о больной?

Кто угодно, но только не психотерапевт и только не психоаналитик. Потому что психотерапия и психоанализ ничего не описывают, кроме самих себя.

Разберемся – почему.

Из чего складываются исходные данные их исследований? Они складываются из самонаблюдений пациента (из его повествований о собственном состоянии), а также из наблюдения врача за этим пациентом, что тоже является не чем иным, как... самонаблюдением психотерапии и психоанализа за самими собой!

Почему? Потому что чужую психику нельзя наблюдать напрямую. *Напрямую можно наблюдать только собственную психику*, которая откликается на скрытые психические процессы внутри пациента, выявленные в телесном обнаружении, и поэтому требуют перекодировки ... *в понятия той теории, по которой врач работает*. Таким образом, наблюдение врача за пациентом в психотерапии и психоанализе есть не что иное, как самонаблюдение этих теорий за самими собой.

Потому что врач напрямую и непосредственно видит и слышит только свои собственные оценочные состояния, но видит и слышит он это глазами и ушами той терапевтической теории (или той психоаналитической концепции), за которую он держится. Ничего другого врач или психоаналитик не видит и не слышит. Потому что он – глаза и уши тех теорий, которыми он всё понимает. Без этих теорий он вообще не врач, а обыватель.

Таким образом, психоанализ и психотерапия могут описывать и исследовать только то, как психоанализ и психотерапия могут что-то описывать и исследовать, и больше ничего.

Но даже данное занятие, способное только при самом широком произволе терминов, называться исследованием, осуществляется совершенно ненаучно, поскольку все его результаты зависят от интерпретации участников.

В научном исследовании результат должен формироваться независимо и от участников, и от теоретических установок. Поэтому один исследователь (в научном исследовании) может ожидать того, чего не ждет второй, а третий может желать того, чего не хотят первые двое, но научное исследование предоставит им то, с чем всем придется смириться. А теория, которая будет этому противоречить – надломится и перестроится, чтобы не уйти в небытие. Такова принудительная сила выводов научного исследования, результаты которого никто не может интерпретировать по-своему, приписывая туда что-то от себя.

А у психоанализа и у психотерапии любое исследование псевдонаучно, потому что каждый пациент по-своему интерпретирует своё состояние не только по собственным интеллектуальным способностям, но и по вербальным задаткам – то есть в зависимости от того, какой он вообще рассказчик. А теперь вспомним, что это, обычно, рассказчик, у которого не всё в порядке где-то в психике...

На подобном создаётся первичная «научная» база данных для исследования...

Кроме того, пациент интерпретирует своё состояние не так, как эта интерпретация была бы возможна вообще и всегда, а так, как он это понимает *на данный момент*. Завтра или вчера, начитавшись или насмотревшись чего-либо, он может оценивать то же самое совсем по-другому. И даже без духовных впечатлений, такой пациент может интерпретировать своё состояние по-разному, например, будучи сытым или голодным. Или, например, утром и вечером. Или в снег, или в дождь, или в ведро. А при ветре и говорить не приходится. Его интерпретация может подвергаться переосмыслению с течением времени, а может скакать туда-сюда по сиюминутным причинам, которые на него накатят, или которые, наоборот, его отпустят. Вот и вся научность подобной базы данных.

И что же с этим делает врач? А врач интерпретирует рассказ пациента также в соответствии с различными *субъективными* факторами, в зависимости от того, насколько он наблюдателен, насколько он утомлен, насколько он проницателен, насколько он настроен на работу, насколько он верит пациенту, насколько пациент ему симпатичен, насколько он умён и вообще настолько, насколько он способен интерпретировать комплекс подобных впечатлений. *Потому что его дело – именно интерпретация.*

Таким образом, метод познания психоанализа и психотерапии представляет собой интерпретацию интерпретаций интроспективно-самореферентного (самонаблюдательно-самоописательного) характера. Если на подобных методах может возникнуть какая-либо наука, то придется серьезно подождать.

Что и происходит.

Именно поэтому сфера научной юрисдикции психотерапии или психоанализа всегда естественным образом перетекает в территории, подвластные то фармацевтике, то лечебной физкультуре, то нейрохимии, то физиотерапии, то гипнозу, то, даже, хирургии. То есть, психотерапия и психоанализ, в какие бы высокие теоретические дебри они не забирались, всё равно скатываются назад к практике, потому что они есть практики по своей сути.

А тогда оставим эти, во многом полезные и нужные людям, занятия, врачам-профессионалам. А в качестве познавательного метода поищем себе что-либо другое.

И что же у нас из этого «другого» будет дальше? А дальше у нас идет такой метод познания, как эзотерика, или, как её иногда называют (на манер дурных пристрастий) – «эзотеризм».

Этот прекрасный вид интеллектуальной деятельности знаменит тем, что не обременен никакими глупыми ограничениями на мирозерцание. Базовое мирозерцание эзотерики, как таковое, отсутствует вообще, поскольку оно может быть настолько любим, насколько вообще что-либо может быть любим.

Никаких предварительных условий и никакого круга очерчивающих понятий эзотерика не признает и не понимает. В ней можно одновременно в одном лице исповедовать теософию, ходить креститься в церковь, заниматься каббалой, обращаться к эгрегорам и колотиться в шаманской рецитации, пока не пришло время переходить к даосским методам или к ламаистским рисункам и мандалам. Все эти концепции теоретически отрицают друг друга, но, практически собранные в голове отдельно взятого эзотерики, они уютно соседствуют и никогда не ссорятся.

Но это вовсе не говорит о беспечности эзотерики в методологии познания, поскольку все эзотерические теории проходят очень строгий предварительный отбор, на

стадии которого в ней утверждается и остается только всё, что было кем-то сказано, и только всё, что было кем-то сказано в большом увлечении.

Симпатично, не правда ли?

И хотя, на первый взгляд, это выглядит опрометчиво, но в этом есть большой резон, поскольку эзотерика не застаивается в догматах, как, например, застаивается в них по временам наука, или, как, например, вязнет в них на постоянной основе официальная церковная доктрина.

Но и у этого славного метода, к сожалению, есть свои издержки, благодаря которым в эзотерику легко проникают и пожизненно поселяются системно не объясненные идеи, не способные проиллюстрировать себя простыми и краткими примерами из действительности. Это смущает.

А виной всему являются три основных познавательных метода эзотерики, которые добывают знания для большинства её школ, и которые выступают методическим скелетом для большинства её практик.

Что это за методы? Прежде всего, это весьма кардинальные методы, останавливающие сознание и психику. Говорят, что это очень интересно с точки зрения *переживаний*. Возможно и так. Но насколько это интересно с точки зрения *познания*? Переживания переживаниями, но совершенно не ясно – что мы сможем познать в тех случаях, когда у нас остановлено сознание (или остановлена вся психика вообще)?

Если не увлекаться экзотикой переживаний, а вдуматься в познавательную логику этих методов, то можно определенно сказать, что с их помощью мы сможем познать всё что угодно, но только не сознание и только не психику. *Потому что вещь, перестающая исполнять цели, для которых она создана, перестает быть сама собой.*

Если сознание не сознает, а психика не формирует последовательности душевных переживаний, то и сознание, и психика теперь совершенно не то, чем они должны быть в своём естественно-обычном облике. При этом психика и сознание получают, якобы, некие особые способности видеть и ощущать что-то, недоступное обычному сознанию и обычной психике, что, конечно же, здорово, но не для нашего случая. Потому что предмет нашего исследования – обычная психика и обычное сознание. А они, если их остановить – исчезают.

Таким образом, прием остановки психики и сознания сразу же создает естественные трудности для изучения именно психики и сознания. Этот прием нам не подходит.

Рассмотрим второй прием. Этот прием, если верить слухам, всегда где-то кем-то успешно практикуется, и заключается он в том, что человек входит в какое-либо особое «измененное состояние», в котором у него раскрываются новые психические возможности.

В принципе, вполне возможно допустить, что в этих интересных состояниях человек действительно приобретает какие-то новые возможности, которыми ранее не обладал. Можно было бы, и попробовать какой-нибудь тренинг. Но серьезно тревожит тот факт, что в способностях людей, входивших (по их рассказам) в измененные состояния, не появляется ничего, кроме вот этого зуда рассказывать об опыте вхождения в измененные состояния. Здесь тревожит даже не то, что этим людям есть, что совершенствоваться в своем обычном состоянии, тревожит то, что человек не может продемонстрировать никаких «скрытых возможностей», которые (по его словам) раскрыл в измененных состояниях.

Куда они деваются в обычных состояниях, если раскрылись в измененных?

О скрытых возможностях человека вообще говорится много, но создается впечатление, что основная особенность скрытых возможностей состоит как раз именно в том, что бы оставаться скрытыми от всех и навсегда. Похоже, существует единственный случай, когда у человека вдруг отмечаются скрытые до сих пор, сверхспособности, которыми он ранее не обладал, и этот случай – некролог. Но, обычно сразу же после этого

человек ведет себя скромно и достойно, не предоставляя никакого нового повода заговорить о чем-либо подобном.

Поэтому, если мы имеем в виду *не это измененное состояние*, то во всех других измененных состояниях, мы даже и не знаем, на что равняться.

Вот если какой-то человек входил в измененные состояния с помощью гимнастических снарядов, то он демонстрирует внешний коррелят – стройную фигуру и рельеф мышц. Здесь мы, хотя бы, знаем, на что идем.

Или, если человек входил в измененные состояния за клавиатурой или за клавесином, то мы тоже наблюдаем внешний коррелят – поэму или фугу. Здесь мы видим хотя бы, чего нам следует остерегаться.

А если человек входил (как говорит) в измененные состояния эзотерики, то никакого внешнего коррелята у него не появляется – каким был до измененных состояний (полный скрытых возможностей), таким же после них и остался (еще более полный еще более скрытых возможностей). Только рассказов несметно прибавляется.

А какой еще должен появиться у этого человека внешний коррелят, спросите вы, кроме вот этой основной инстинктивной установки утомлять ближнего? Да любой из тех, которые обещаются практикой измененных состояний: дары ясновидения, прорицания, левитации или выхода из тела; передвижение предметов мыслью, третий глаз, экстрасенсорика, астральная диагностика, способности к исцелению, навыки формирования жизненных ситуаций, материализация мыслеобразов, богатство или карьера силой мысли, ремонт и отладка отношений между людьми, внушение на расстоянии, эмоциональный гипноз и всё такое прочее, что можно и не перечислять, настолько всё это хорошо известно. Это очень конкретные дары, которые очень трудно скрыть. Тем более, если этого не пытаться делать.

Но, входивших в измененные состояния, пруд пруди, а обладающих этими дарами – двое-трое на сто лет (всяких разговаривающих с Богом, или врачующих кофейными клизмами, в расчет не берем).

Однако у известных в истории людей, обладавших психическими сверхспособностями, эти способности проявлялись либо от рождения, либо после какого-либо неприятного или непонятного случая, либо в результате травмы. Такие случаи история доподлинно знает.

Но история до сих пор не знает *ни одного случая*, когда психические сверхспособности проявились бы у человека в результате каких-либо измененных состояний, или по итогам каких-либо иных подводящих упражнений из эзотерики.

Все, исторически известные обладатели сверхспособностей, как это ни странно, вообще были людьми едва грамотными (как Кейси или Ванга, например), и едва ли вообще осведомленными о каких-либо эзотерических практиках или теориях. Скорее всего, они об этом даже и не слышали. А если бы даже и услышали, то не приняли бы всерьез, потому что кому, как не им, было известно, что на подобное легко купиться, но этому невозможно научиться. Это дается сверху. Этому нельзя научиться самому, и этому нельзя научить другого.

Эти невероятные возможности наваливаются на человека оттуда, откуда никто не знает, и овладевают человеком помимо его психических устремлений, ничего для этой психики о ней самой не проясняя. Ни одному из людей, «осчастливленных» дарами сверхспособностей, никогда не удавалось рассказать о психике что-либо такое, чего не знали бы задолго до них. Даже самые невероятные возможности психики никогда не имели никакой познавательной силы в отношении самой себя.

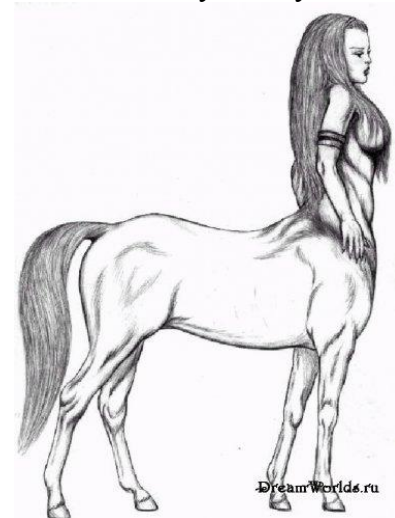
Именно поэтому все великие экстраординары никогда не брали никого к себе на выращивание и не оставляли после себя последователей. Они никому не передавали своего дара, и не шли ни на какие переговоры об учениках, потому что знали, что набирать учеников на семинары или в сожительство толпы – это обман природы. Ну, и учеников, соответственно, если отделять их от природы.

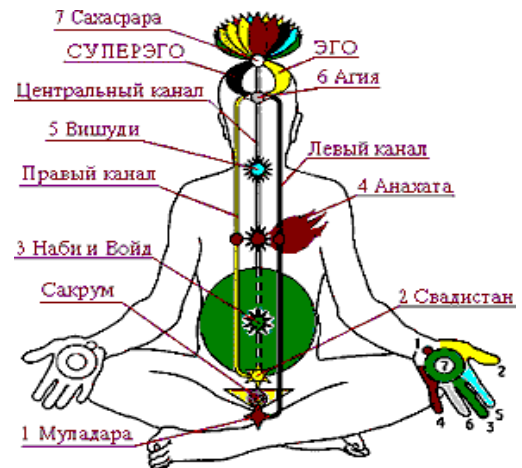
А поэтому идти в практику измененных состояний с познавательными целями – несовместимо с познавательными перспективами. Таков опыт жизни. Всё это интересная, но не дающая никакого познавательного результата, духовная практика.

И, наконец, перед нами третий и основной познавательный метод эзотерики, который можно назвать «методом свободной декларации», потому что его суть состоит в том, что в эзотерике любой (даже не просветленный экстазом) человек, может заявить любое тайное знание следующим, например, образом: «Тонкий мир имеет иерархию десяти структур, каждая из которых распадается на семь зон ответственности смотрящих сущностей, и каждая из этих сущностей отвечает за тот или иной поток энергии. Каждый поток энергии каждой сущности управляет событиями земной жизни через чакры человека. Сущности эти делятся на тёмных и светлых, по три на каждый вид, итого будет шесть, а седьмая сущность это та, которая следит, чтобы всё между ними было поровну. А, вообще-то, всё это еще с атлантов началось, потому что они стали первыми иерархами невидимого мира, когда умерли. И еще у царя Соломона был ковер-самолет. А если кто-то мне не верит, то пусть меня хоть прямо сейчас обыщет и сам убедится, что я прав».

Таков этот метод. Он настолько беззастенчиво убедителен, что поле вопросов эзотерики никогда не содержит раздела об источнике знаний. Достоверность источников подразумевается настолько, что если кто-то и задает этот бестактный вопрос, то ответ сводится к простой линейной схеме – получено свыше, взято в информационном поле, поведано астральным двойником, дано небесными учителями, продиктовано кем-то из астрала, записано автописьмом собственноручно как бы в здравом уме, считано третьим глазом в астральных мирах, пришло из космоса и т.д. и т.п.

Чтобы понять, как это работает, проведем небольшое практическое занятие. Для этого посмотрим на картинки, которые расположены ниже по нашему тексту:

О чем нам рассказывают эти картинки? Они рассказывают нам о том, что бывают люди, которые сверху совсем как люди, а снизу у них всё, как у животных (кентавры и сфинксы); а также о том, что бывает, и наоборот – у некоторых людей туловище венчается головой собаки или птицы, а вот ниже этого располагается всё, что положено обычному среднестатистическому человеку. Но больше всего в этом вопросе напутано чертями, у которых вообще сам черт не разберет, какие части тела от животных, а какие от человека. И только у обычных людей всё настолько просто и понятно, что даже известно, где располагается левый или правый канал энергии, где чакра Сахасрара, где чакра Муладхара, где эго с суперэгом, а где все прочие точки и центры.

Вот о чём нам рассказывают эти картинки.

А теперь зададим вопрос – что общего у всех этих картинок?

Если читатель ненавидит шарады, то я предлагаю ответ сразу – у *всех этих картинок общим является источник сведений*.

И что же это за источник сведений, общий для всех картинок? А это – другие такие же картинки. Вспомните сами – и вы поймете, что другого источника тоже не знаете.

Естественен здесь вопрос – а где брал сведения тот, кто первым рисовал первую такую картинку? Ведь был же когда-то тот исторический момент, когда впервые появилась первая картинка о чёрте, первая картинка о чакрах, или первая картинка о собакоголовых посетителях властителя? Откуда пришли эти образы?

Ну, конечно же, такой, исторически необходимый, момент появления того или иного образа в той или иной голове – был. Но даже в этот исторический момент, любой из этих образов невозможно было бы по времени скоординировать сразу и в голове, и в

реальности. Потому что это невозможно вообще и никогда. Ни в тот исторический момент, ни в любой другой. Потому что все эти картинки первоначально произошли от картинки в голове и только.

Таким образом, источник сведений о чакрах человека и источник сведений о человеке с птичьей головой – один и тот же. И, следовательно, достоверность у них тоже одна и та же. Правда, ныне сведения о людях с птичьими головами обладают чуть меньшей степенью очевидности, поскольку времена людей с птичьими головами уже давно прошли. Зато времена людей с чакрами только начинаются.

Но, несмотря на разницу времён, доказать достоверность хоть птичьих голов, хоть чакр, можно с шансами, совершенно равными для обоих случаев. Строго уравновешенно – 50 на 50. Причем шансы на успех будут абсолютно равными и в том случае, если этим заниматься всю жизнь, и в том случае, если за это вообще никогда не браться. Загадка этого строгого равенства – самая большая тайна эзотерики.

И пока эта тайна не раскрыта, эзотерика для нашего дела не даст ничего, кроме очевидных радостей оперирования над простым и легко читаемым текстом. Для исследования психики это не назовешь излишним, но и не назовешь достаточным.

Итак, мы разобрали все методы познания психики, которые имеют явно выраженные черты какой-либо уникальной методологии, но ни один из них нам решительно не понравился – и что же нам делать?

А нам следует не отступаться и, все-таки, найти какой-нибудь, пригодный нам, метод. Не можем же мы вот так вот просто отказаться от задуманного!

А что же мы задумали? Давайте никогда не забывать, что мы задумали потренироваться мыслить познавательно. И поэтому, столкнувшись с отсутствием познавательной эффективности перечисленных методов в сфере психики, мы обратимся к методу, который познавательно эффективен везде и всюду. Что это за метод?

Это метод философского обобщения. Потому что философия успешно работает везде. И даже там, где исходно нет никаких систематизированных данных. Такова её единственная положительная особенность. Все остальные особенности философии ужасны, потому что требуют строгой дисциплины и невероятной гибкости мышления. Именно поэтому к философии прибегают только в самом, в самом, в самом, в самом крайнем случае.

Я мог бы и раньше предложить этот метод, но без всего предшествующего читатель ни за что не поверил бы, что этот случай настал...

Глава 6. Обобщение

Как-то раз, обобщив своё отношение к людям, я понял, что отношусь ко всем исключительно хорошо, и только к тем, кого знаю – так, как они того заслуживают.

Итак, мы принимаем за основу общефилософский метод познания – обобщение. Но мы принимаем за основу не тот метод, о котором сейчас подумали читатели, а тот, который имеет в виду автор. Потому что читатели и автор сейчас подумали совершенно о разном.

Читатели сейчас вспомнили об абсолютно публичном термине «обобщение», который можно найти в современных словарях и энциклопедиях:

- «Обобщение — логический процесс перехода от единичного к общему, от менее общего к более общему знанию»...
- «Обобщение, форма приращения знания путём мысленного перехода от частного к общему»...
- «Обобщение, переход на более высокую ступень абстракции путем выявления общих признаков... отдельных предметов рассматриваемой области»...
- «Обобщение (от лат. *generalisatio*) – мысленный переход от отдельных фактов, событий к отождествлению их (индуктивное обобщение)»... и т.д.

Но автор имеет в виду совсем другое обобщение, малознакомое и преступно скрываемое от широкой общественности – философское обобщение.

О нём будет рассказано ниже, а пока читатель пусть смирится с тем, что у нас, вопреки прогрессу, некоторое время будут соседствовать два термина: один термин будет приводиться в кавычках, как «обобщение», а второй без кавычек – просто обобщение. Чтобы не затевать спора о терминах, пусть читатель пока что просто поверит мне на слово, что в термине «обобщение» и в термине обобщение (без кавычек) много одинаковых букв, но каждый из них предназначен для совершенно разного.

«Обобщение» будет у нас означать традиционное понимание этого слова энциклопедиями и словарями, а обобщение (без кавычек) будет относиться к тому методу познания, который предлагает автор.

Нам всё, что связано с термином «обобщение», совершенно не подходит, потому что «обобщение» – это не метод познания, а *технический инструмент познания*. Разница в том, что понятие «метод познания» шире понятия «инструмент познания». Какой-нибудь один метод познания может содержать в себе сколько угодно (нужных ему для дела) инструментов познания, потому что у метода познания другой вид задач – если инструменты познания добывают исходные данные, то метод познания затем эти данные генерально осмысляет.

Собственно говоря, «обобщение» это есть не более чем отдельная умственная операция в составе какого-либо глобального метода познания.

Но эта умственная операция («обобщение») распространилась в практике исследований сегодня настолько широко, что в большинстве случаев достигла значения метода познания. И пусть бы и так – какая нам важность в том, что кто-то путает методы познания с инструментами познания? Но для нашего исследования «обобщение» противопоказано, даже, как инструмент познания.

Почему?

Потому что задача любого инструмента познания – это обработка и подготовка данных каким-то своим, присущим именно ему, способом, и, соответственно, у каждого инструмента познания есть свой, присущий только ему, тип задания. А, если поинтересоваться, как справляется со своим типом задания умственная операция «обобщение», то можно увидеть, что «обобщение» сразу же убивает всякую возможность узнать что-либо тайное в том, чего коснется.

Причина фатального выхолащивания всего тайного во всём, к чему прикладывается «обобщение», состоит в том, что когда мы говорим о каком-то «обобщении», то мы имеем в виду операцию по переходу к общему *от отдельных данностей*. Следовательно, любое «обобщение» предварительно нуждается в каком-то наборе данностей, которые станут «обобщаться»: если нет никаких отдельных данностей, то и «обобщать» будет нечего.

Однако отдельные данности смогут «обобщаться» только в части каких-то своих *однородных* признаков, потому что разнородное не может «обобщаться» ни с кавычками, ни без кавычек. По крайней мере, при серьезных намерениях. Следовательно, прежде чем произойдет какое-либо «обобщение», перед исследователем должны рассыпью засверкать частные маячки однородного в некотором наборе разрозненных фактов или явлений. Вот по маячкам этих однородных признаков «обобщение» и будет строиться.

Но сами по себе маячки однородных признаков в отдельных данностях не засветятся – для этого нужна еще одна мыслительная операция. И эта операция называется «классификацией по общему признаку». Именно классификация по общему признаку выявляет степень общности какого-либо разнообразия данностей, достаточную для того, чтобы перейти от их разброда к их объединению в класс. Например, какой-то набор общих признаков образует из массива разнородных растений класс семейства сложноцветных, несмотря на то, что среди этого семейства есть и травы, и кустарники, и древовидные формы и даже лианы.

Таким образом, понятно, что «обобщение» – это тандем двух операций, первая из которых по времени – это классификация исходных данных, а уже вторая – непосредственный переход от частного к общему. Причем совершенно очевидно, что «обобщение», как завершающий этап, будет тем успешнее, чем лучше произойдет предварительная классификация, и, следовательно, операция классификации в этом совместном процессе является лидирующей по значимости.

Кроме того, сама операция «мысленного перехода от частного к общему», если сравнивать её с кропотливостью пытливых операций классификационного поиска однородных признаков, настолько невзыскательна, что основное бремя ответственности за результат берет на себя именно классификация.

Вот именно это нам сегодня совершенно не нужно.

Почему?

Потому что, классификация – это не что иное, как инвентаризация по тому или иному *наглядно данному признаку*.

Ведь классификация основывается на наших ощущениях, и классифицировать мы можем только то, что очевидно для наших ощущений. А тайна – это то, что не дано нам в ощущениях, иначе она уже не была бы тайной. И, следовательно, тайное не может инвентаризоваться и не может классифицироваться.

Поэтому, ступив на путь классификации, мы промахиваемся мимо тайны и превращаемся в сортировщиков явных данностей: отлавливаем их, умертвляем, гербаризируем и накалываем в положенные места по предусмотренной системе. Этот регистрационный примитив мы принимаем за мыслительный процесс, но на самом деле мы просто окунаемся в банальности, и в итоге сможем получить только такие же банальности, потому что наш взгляд будет упираться в лики явных вещей, и навсегда останется в природе этих вещей.

Результаты подобного «обобщения» выявят для нас *явные факты*, которые могут быть правильными, но которые не дадут нам ничего, кроме самих себя и будут мало познавательными с точки зрения тайн.

Следовательно, тайну надо искать с другой стороны.

С какой? Ответ на этот вопрос дает метод философского обобщения (вот теперь без кавычек).

Что же такое философское обобщение? Философское обобщение это нечто *кардинально иное относительно перехода от частного к общему*. Это продукт особого философского мышления, сводящего умозаключения к предельному выявлению бытийной *функции* исследуемого объекта.

Именно в обращении к функции всё дело и кроется, когда работает метод философского обобщения.

Дело в том, что любое явление нашего мира всегда имеет какое-то своё главное назначение, которое определяет его положение в системе вещей. Через это назначение мы его видим, и через это же назначение мы его понимаем. И это назначение проявляется в его функции, в том, что оно делает. И вот через эту функцию философское обобщение проникает в суть вопроса.

Таким образом, философское обобщение не переходит от частного к общему, и не собирается из единичных данностей. Оно сразу же обращается к предельно общему, минуя все частности, и намеренно стряхивает с себя всё единичное, потому что философское обобщение смотрит на предмет исследования со стороны его главных функций, а не со стороны его частных признаков.

Философское обобщение избегает любых конкретных деталей, потому что в частных признаках объекта *мы выявляем только его структуру, но никак не его функцию*. В деталях мы получаем только признаки, которые принадлежат объекту или сказываются в нём, но никуда дальше этого объекта мы уже не пойдём, потому что нам не видна функция объекта, не виден тот его стык с большим миром, через который из объекта можно в этот большой мир выйти.

Всё это, наверное, слишком общие слова, которые следует подтвердить каким-либо примером. Приведем такой подтверждающий пример. Связан он с вопросами физического движения. Подчеркиваем – физического движения, а не движения вообще как такового в смысле философской категории. Философская категория движения понимает под собой вообще любое изменение, возможное в мире: природное, духовное и социальное; а наш пример будет касаться только конкретного понятия – физического движения.

Посмотрим, как философское обобщение, прикоснувшись к этому вопросу, выявляет его суть, а, вслед за этим, и тайну.

Вот как это делает Фома Аквинский. Поставьте себя на место Аквината, и попробуйте разобраться с таким вопросом, как физическое движение. Вы почувствуете себя непросто, и сразу же начнете *вспоминать* различные факты физического движения: перебирать их в уме и пытаться рассортировать. Так устроено наше мышление – оно идет через классификацию к «обобщению» (обращаем внимание на присутствующие кавычки). Так нас приучили с самого детства – вместо того, чтобы думать, мы сразу же кидаемся вспоминать. Это и есть современное псевдомышление, не дающее ничего нового.

Потому что, «обобщая» классифицируемое, мы лишь расширяем или сужаем какое-либо старое (и явное – напомним) понятие, которое мы и так уже имели раньше.

Например, такое «обобщение», как «углы бывают прямые, тупые и острые», не даёт нам ничего, кроме расширения старого доброго понятия «прямой угол». Ведь острый и тупой углы здесь являются всего лишь видами отклонения от прямого (первый меньше, а второй больше прямого). Подобное «обобщение» лишь наделяет названиями совершенно очевидные, совершенно обычные и абсолютно известные состояния прямого угла. Здесь нет никакого нового знания. Это обман.

«Все круги отличаются друг от друга радиусом» – обобщаем мы, и сужаем многообразнейшее понятие круга до, известнейшего нам еще с античности, понятия радиуса. Круг теперь для нас не плоскость, не площадь и не совокупность внутреннего пространства замкнутой кривой особого свойства, круг для нас теперь – тот или иной радиус, потому что для всех кругов мы именно этот их общий признак избрали для классификации. Существенно. Но что здесь познавательно нового? Ничего. Разве мы и до этого не знали, что радиусы могут быть самыми различными?

«Все люди отличаются четырьмя основными типами темперамента» – «обобщаем» мы, и сужаем всё многообразие отличий между людьми до 4-х видов эмоциональной активности (сангвинического, холерического, флегматического и меланхолического). Что мы в этом «обобщении» узнали нового (со времён Гиппократ), кроме того, что на людей можно теперь навешивать вот такие ярлыки? Ничего. Мы и раньше знали сангвиников, холериков, флегматиков и меланхоликов, и никогда их не путали между собою. Просто мы не знали, что их можно вот так называть. Теперь знаем. Но ничего нового, кроме самих этих слов, без которых можно обойтись и вовсе, мы не получаем.

На таком плоском методе строится сегодня вся современная система познания, которая топчется на месте и скатывается в любом вопросе к «обобщению» через предварительную классификацию.

Но совсем не то делает Фома Аквинский, задумавшись о природе физического движения. Он не «обобщает», а обобщает! И делает он это гениально, поскольку его первая исходная позиция для суждений о столь сложных предметах получается удивительно простой:

– движение проявляется в телах.

Вот оно – философское обобщение. Неважно, какие тела, неважно какой вид движения, важна вот эта мысль, в которой всё физическое движение сводится к *одной функции* – двигать тела. И действительно, физическое движение можно заметить только через движение тела (не путать с перемещением тела!), и, следовательно, именно в этой функции заключено всё, что заключено в природе самого физического движения.

Так работает мысль великого философа, который далее продолжает обобщать, уже исходя из первого тезиса, *не имеющего никакой частной данности* и никакой привязки к условиям какого-то частного движения. И он максимально обобщенно выводит новый тезис о том, что все тела:

– или движутся только сами;

– или движутся сами, да ещё и при этом движут других.

Вот и всё. Теперь эти два вида одной главной функции (двигать тела) вмещают в себя всё всевозможное разнообразие частных форм и частных случаев физического движения сверх какой-либо отдельной конкретики и *вне трясины какой-либо явной данности*. Эти два вида проявления функции самым свободным и самым полнейшим образом исчерпывают всю суть физического движения, и поэтому через них можно также самым полнейшим образом исследовать всю суть движения в его максимально сконцентрированном смысле.

Именно это основатель томизма далее и делает: гениально исследуя природу источника движения в обоих случаях, он с непревзойденным изяществом и логической достоверностью выявляет, что причина движения находится вообще не в телах и вообще не в материи. То есть – он открывает тайну.

Кому интересны подробности, читайте у Аквинского. Умные люди увидят, что «пятый учитель церкви» действительно открыл великую тайну, а дураки, они и есть дураки...

А теперь возьмём другого исследователя, который также занялся проблемами физического движения через шестьсот лет после Фомы Аквинского. Звался он Фридрих Энгельс. В его время люди уже своими глазами видели паровоз и своими ушами слышали о громоотводе, и поэтому вместо Бога у людей была теперь физическая материя. Здесь, кстати, причины можно и переклассифицировать, но, обобщая ситуацию, всё равно придется сказать, что вера в Бога сменилась у людей верой в материю, поскольку всё, что ранее мог сделать только Бог, теперь, по их мнению, сделала только сама материя.

Поэтому Энгельс и решил исследовать одну из ипостасей своего верховного божества (материи) – её движение. Само собой разумеется, что, раз уж дело касалось материи, то это движение было тем же самым физическим движением, которое некогда исследовал Фома Аквинский.

И вот результат – видевший своими глазами паровоз и слышавший своими ушами о громоотводе, господин Фридрих Энгельс, «философски» исследуя проблемы физического движения, рапортует нам о том, что движение бывает:

механическое, то есть с перемещением тел по какой-то траектории, и, в частности, вращательное, ускоренное, поступательное, колебательное, криволинейное и т.д. и т.п.; а также физическое, проистекающее из природных законов, и, в частности, тепловое, электромагнитное, гравитационное, световое и т.д.; а еще химическое, связанное с молекулами, и в частности, окисление, ощелачивание, восстановление и т.д.; и к тому же биологическое в живых организмах, и в частности обмен веществ, дыхание, выделение, оплодотворение, движение крови и т.д.

Ни Энгельса, и никого другого не смущает, что тот лишь классифицирует некие явные данности, не открывая не то, чтобы никакой тайны, но, даже не называя вообще ничего нового относительно того, что уже всем известно! Нет! К этому времени всё это уже называется философией! А философия Фомы Аквинского высмеяна и отброшена!

И поэтому «философ» Энгельс с конторской педантичностью, *вспомнил, описал и перечислил всё то, что касается структуры* физического движения, существующего в мире, и сказал, что это – хорошо.

В итоге он, хоть и описал всё правильно, но не открыл никакой тайны. Результирующая часть его исследования представляет собой «обобщение», душевно излагающее тысячелетне бородастую мысль, что движение и материя нераздельны. Правда Энгельс изложил эту банальную мысль «своими словами» – «движение есть форма существования материи».

Почему Энгельс поленился наклониться и поднять еще один клад – энергию? Ведь, перечислив все её виды, он мог бы, по праву, сделать ещё одно «философское» «обобщение», например – «движение есть форма существования энергии». Почему он этого не сделал – просто непонятно. Ведь это так напрашивается по логике подобной «философии»!

Но зато понятно, почему Аквинский открыл тайну, а Энгельс не открыл вообще ничего. Потому что Аквинский пошел от функции, а Энгельс пошел от структуры. В итоге Аквинский думал, а Энгельс вспоминал.

Почему так? Потому что не только масштаб личностей разный, но и времена наступили суетливые. А суетливые времена порождают суетного человека. А суетному человеку всегда легче надуть мыльные пузыри, чем варить мыло. И поэтому мы с первого предъявления понимаем Энгельса, но только с десятого начинаем понимать Аквинского.

Мы с первого предъявления понимаем Энгельса, потому что методы описания структуры позволяют любому из нас, совсем как Энгельсу, стать «философом» на ровном месте. Ибо осилить детскую операцию описания и классификации очевидных данностей может любой человек, и никто не посмеет упрекнуть его в том, что он «философствует» неправильно – ведь он излагает то, что в явном виде наглядно дано всем и каждому.

Например, можно стать исследователем часов: описать из чего состоят часы, и перечислить все их элементы по структурному взаимодействию. После этого можно рассказать о том, как и что происходит по цепи явных изменений в узлах и выводных знаках прибора. Затем хорошо бы дать название этапам всех последовательных изменений и распределить между ними приоритеты: по энергоёмкости, по операционной значимости, по сложности процессов, по наукоёмкости исполняющего оборудования и т.д. В итоге у вас очень быстро получится какое-нибудь исследование часов, которое вы даже можете назвать философским. Но вы при этом никогда не выясните – что же такое то самое время, которое показывают часы, если не отдалитесь и вообще не забудете о тех явных частностях, на которые вы часы расчленили.

Время, как было, так и останется для вас тайной, потому что функция часов – во времени, а вы, классифицируя, идете *от структуры*, получая знание не о времени, а о

том, как часы описывают распорядок человеческого дня, или другого специального процесса, в интервалах времени. То есть, из структуры часов мы узнаем только то, как само время описывает средствами наглядности каких-то часов то, что происходит, но само время мы при этом никак не описываем. Оно остается в стороне и остается тайной.

А, коснувшись функции часов (времени), мы поймем, что для открытия этой тайны нам вообще не нужен ни один образец часов, ни одна из деталей их всевозможных механизмов и вообще ничего из их структуры. Потому что часы, да и само исчисление времени – это фантик, которым бездумно привлеклось человечество, забыв, что само же этот фантик и создало. Только, исходя из функции, которая не знает никаких фантиков, можно открыть тайну.

Но здесь напрашивается вопрос – а разве нельзя из структуры вывести саму функцию?

Да, это можно сделать. Но это будет функция, ограниченная *очевидными назначениями* структурных элементов, и не более того. Например, из структуры электробритвы можно вывести её функцию. Однако никакой тайны здесь открыто никогда не будет, потому что нечто очевидное расскажет нам о чём-то очевидном, и на этом попросит покинуть зал. Ибо функция электробритвы, которая проистекает из её структуры – это брить волосы на лице. Здесь всё будет очевидно и скучно, не обнаруживая никакой тайны.

Но, если мы вникнем в функцию электробритвы не через её структуру, выводящую на механизмы и устройства для устранения волос, а вникнем в её *обобщенное назначение*, то увидим, что функция электробритвы состоит не в безопасном скашивании растительности, а в том, чтобы удовлетворять непонятное и невротическое стремление особей мужского пола скоблить ежедневно наголо своё лицо. Тем самым мы увидим неразгаданную пока еще никем тайну – массовую эпидемию обязательного бритья лиц, накрывшую мир в начале XX века и не отхлынувшую до сих пор. Помимо этой тайны, мы можем, например, увидеть еще одну – а почему усы и борода сбиваются, а брови – нет?

Разве структура бритвы может вывести нас на подобные тайны? Нет, потому что структура чего-то очевидного может рассказать нам тоже только о чём-то очевидном. И только функция (понятая правильно) открывает нам тайны.

Поэтому попробуем применить философское обобщение к тому, что близко нам в данный духовный момент – к человеческой психике.

И что же нам даст философское обобщение применительно к такому явлению, как психика, если максимально исходить из её функции?

На первых порах этот метод дает совсем немного (вспомним про один единственный исходный тезис Аквинского – «движение проявляется в телах»). Но, подражая великим, смело сделаем и своё обобщение:

психика – это осознающее себя индивидуальное целое.

Глава 7. Осознание

Хорошо, когда мужчина даже в шестьдесят осознаёт себя двадцатилетним. Плохо, если он вздумает еще и жить в соответствии с этим заблуждением.

Итак– «осознающее себя индивидуальное целое». Таково наше исходное обобщение. А теперь начнем осмысливать всё по порядку.

Почему не просто «индивидуальное», но с каким-то еще и прибавлением «осознающее себя»? Ведь без этого добавления степень обобщения была бы намного выше? Зачем присовокуплено это качество «осознающей себя» индивидуальности?

Затем, что мы договаривались исходить из функции исследуемого объекта, а сама по себе индивидуальность не выражает никакой функции, поскольку всё, что ни есть на свете, оно и так индивидуально по собственной природе, если имеет отдельное бытие. Все, отдельно взятые вещи, индивидуальны в силу уже самого этого факта (даже каждая левая или правая туфля из тысячи туфель одного артикула, например).

Однако, если все, отдельно взятые вещи индивидуальны, то не все они имеют свою индивидуальность в качестве своей же функции. Это относится только к психике. Только психика имеет своим назначением (своей функцией) формировать индивидуальность. Для остальных вещей это не значимо – каждая вещь привносит в своё назначение свои индивидуальные особенности, но ничто на свете, кроме психики, не имеет своим назначением именно собственную индивидуальность.

В чем смысл этого назначения? В том, что именно собственная индивидуальность дает человеку *осознание* собственного бытия. Потому что, пока человек не осознал себя в качестве отдельной индивидуальности, его самостоятельное бытие для него ничем не выражено и ничем не определено. Без этого осознания человек просто растворится в окружающей действительности, ничем себя в ней не отграничив. А индивидуальность – это центр собственного бытия, в пределах которого человек осознает, что он есть именно то, что он есть, а остальное, за кордонами этого центра – не он.

Таким образом, определением «осознающая себя индивидуальность» мы раскрываем первое назначение психики (первую её основную функцию) – *формировать у человека осознание собственного пребывания в действительности* и конкретное знание о себе самом. И поэтому в нашем исходном тезисе незыблемо утвердилось и навсегда останется это определение – «осознающее себя».

Теперь о таком определении, как «целое». Зачем оно? Понятно и так, что психика – это нечто целое, раз уж она самостоятельно бытийствует в качестве отдельного факта мира. Но что сюда вкладывается от функции? От функции в определение «целое» вкладывается, прежде всего, то, что человек – это неразложимое уже ни на что меньшее, и неразмножимое уже ни на что большее, психическое целое.

Человек – это наименьшее психическое целое, которое невозможно дальше разбить на равносущные ему части. И пребывает человек в этом качестве благодаря неразрывной цельности своей психики. Невозможен именно раскрой психики на лоскуты, если речь идет о каком-то возможном дроблении человека на самостоятельные сущности. Потому что психика не может отпочковывать от себя аналогичную сущность, или создавать равноценного дублера.

Это невозможно никакими здоровыми психическими усилиями, а большие психические усилия подобного направления (раздвоения личности, мании и т.д.) очень мучительны, плохо лечатся и со временем завершаются серьезной потерей разумности: раздвоенная психика надламывается и скатывается в бессистемную активность, неспособную ладить ход взаимодействия с окружающим миром. В результате человек выпадает из нормальной жизни и представляет собой яркий пример нежелательных последствий нарушения целостности психики.

Но психика не способна раздираться на отдельные сущности не только силою своего безумства, она неспособна на это и с физическим дроблением тела – отсеченная часть человека останется без психического наполнения и погибнет, потому что в эту отсеченную часть ничего из психического целого не оторвется и не последует. Хорошо это или плохо – нам остается только гадать, но факт остается фактом: цельность индивидуальной психики непобедима. Она – наименьшая возможная единица психического мира.

Однако человек – это не только наименьшее целое, которое не дробится, он ещё и наибольшее целое, которое не множится. Всё, чем прирастает человек, будет оставаться в том же самом человеке, и никогда не наступит никакого физического или психического предела, после которого, человек, прирастающий физически или духовно, произведёт от собственного избытка какую-то отдельную, но тождественную себе, психическую сущность. Даже такое прямое отпочкование маленького человека от большого человека, как новорожденный младенец, имеет уже свою самостоятельную психику, не смешиваемую с психикой матери.

Итак, подведем первый итог осмысления термина «целое» в составе нашего обобщения: человек есть целое в том смысле, что он не может быть ни меньше себя, ни больше себя, а может быть только тем, что он есть – неразложимым и неразмножимым психическим целым.

Но этим функция цельности не ограничивается, поскольку в заслугу ей следует поставить еще и то, что человек, как психическое целое, есть не только нечто нераздельное, он есть ещё и нечто тотально разумное в каждом самом малом процессе своего организма. Ведь психика, проникая во все уголки человеческого организма, формирует внутри него разумную систему связей именно за счет своей собственной цельности. Что психика централизованно нарулит, то в организме и произойдет. И если психика работает цельно, то и организм работает цельно. А если нет... То и представить себе невозможно, что было бы, если бы психика работала не цельно.

Представить себе это просто невозможно, потому, что всё быстро разладилось бы и пошло вкривь и вкось, а человек физически стал бы немедленно погибать из-за простой несогласованности биологических процессов.

Таким образом, человек вообще физически существует в брэнном мире благодаря именно психике, которая своим длительным усилием пронизывает его тело и обеспечивает *цельность* его организма. И в этом состоит еще одна функция психики, раскрываемая определением «целое».

Но и это еще не последняя функция, раскрываемая этим определением, потому что, кроме всего прочего, человек существует в этом брэнном мире как индивидуальность только потому, что в нём пребывает некоторая целостная закономерность его внутреннего порядка, несхожего ни с каким иным порядком любого другого человека. Этот порядок создаётся также непосредственно цельностью психики, поскольку индивидуальность – это, собственно говоря, есть неповторимая *форма* рассортировки самобытных психических свойств личности в своей особой целостности.

То есть, индивидуальность – это *форма* внутреннего бытия личности, отличающая человека от всех других личностей. Но такой атрибут как форма, может существовать только у целого, потому что только целое завершено и только целое может иметь форму. То, что не стало целым, *то еще не оформилось*, и, следовательно, последняя функция, раскрываемая определением «целое», состоит в том, что психика *формирует* индивидуальный характер личности и сохраняет его цельным во всех изменениях времени и событий.

Именно благодаря этой цельности мы воспринимаем свою личность одним и тем же «я» на всём протяжении чудовищного изменения её качеств во времени (от трехлетнего возраста и до сегодняшнего дня!). Части нашего психического целого с взрослением и со старением непрестанно видоизменяются, или совсем исчезают, но форма

их взаимной связи нерушимо цельна, благодаря чему личность остается индивидуально неизменной.

Вот, вроде бы, и разобрались с тем, что мы вкладывали в наше обобщение «психика – это осознающее себя индивидуальное целое».

И что же мы должны сделать дальше? Наверное, далее следует попробовать осмыслить то, с чем мы разобрались. Потому что мы до сих пор осмысливали сам исходный (обобщающий!) тезис, что «психика – это осознающее себя индивидуальное целое», а теперь надо осмыслить результаты этого осмысления.

И что же мы сразу увидим, осмысливая осмысленное? Мы увидим, что, прежде всего, наиважнейшим в нашем определении психики является понятие «целого», поскольку всё то, что есть в особенностях психики помимо него, всё равно отзывается чем-то из него же (из этого понятия).

Конечно же, все остальные особенности психики не являются только лишь предметом для простого любопытства, и, конечно же, они совсем не декорации, лишённые смысла и толка. Но всё равно они выступают лишь определениями подлежащего. А подлежащее у нас – «целое».

И, следовательно, далее в нашем исследовании следует рассматривать психику именно как целое, со всеми свойствами, присущими целому.

С точки зрения нашего метода это будет наиболее правильно. Потому что любой объект исследования можно рассматривать и так, и этак, и даже не так и не этак, но, раз уж мы договорились идти методом философского обобщения, то мы будем далее смотреть на психику в том ракурсе, в каком она была дана первым обобщающим тезисом. А обобщающий тезис предъявил нам психику в ракурсе целого.

И какова же психика в этом ракурсе? Какова она именно как целое, если оставаться в рамках избранного нами метода, и мыслить максимально обобщённо?

А если мыслить максимально обобщённо, то из нашего обобщения получается, что психика, как целое, вступает сама с собой в некие познающие отношения.

Ведь мы ранее определили, что психика есть «осознающее себя» целое. А если это так, то психика знает о себе, и получает сама о себе некий результат собственного познания, в чём человек получает собственную действительность. Осознаёт собственное бытие.

Таким образом, психика – это целое, которое вступает с собой в познающие отношения.

Что из этого следует? Из этого следует, что внутри психики есть один или несколько познающих центров, которые способны к познанию. Эти центры должны быть способны к познанию не только внешней действительности, но и к познанию своего целого.

Чтобы ускорить занимающий нас процесс, скажем, что, согласно сложившимся научным традициям, существует четыре познающих способности психики – мышление, ощущение, эмоции и интуиция. И, следовательно, внутри психики возникают процессы её самосознания: силами собственного мышления, силами собственных ощущений, силами собственных эмоций или силою собственной интуиции.

Интуиция, как знание-подозрение, в котором есть некое необъяснимое проявление какой-то уверенной догадки, нас интересует меньше всего, поскольку о психике догадываться не надо – она достаточно очевидна. И даже более того – собственная психика есть то, что наиболее очевидно изо всего возможного, что может быть вообще доступно человеческому восприятию. Поэтому от интуиции откажемся сразу и отметим, что, после её исключения, у нас остаются такие познающие центры, как интеллект (мышление), ощущения и эмоции.

Интеллект, ощущение и эмоции – это составные элементы психики. Это те её части, из которых она неразрывно сложена. И, следовательно, если эти элементы

способны познавать, и если они познают собственную психику, то внутри психики возникают познающие отношения этих элементов с нею самою.

И совершенно естественно, что в этом случае у каждого познающего элемента психики возникает свой отдельный род познающих отношений с нею, как со своим целым.

А что же дальше? А дальше принципиально важный момент, от которого наше исследование начинает свою поступательную атаку на тайну. А исходная позиция для этой атаки будет выглядеть следующим образом – *в любом целом количество родов познающих отношений между целым и его познающими элементами не может превышать количества этих элементов.*

Откуда подобное ограничение? Оно непосредственно проистекает из самой природы целого – если в нём есть познающие элементы, то, сколько будет этих элементов, столько родов познающих попыток они смогут предпринять в отношении своего целого.

Чтобы у читателя не возникало путаницы, отметим сразу, что ключевым словом здесь является слово «род». Потому что *по виду* познающие отношения какого-либо элемента со своим целым могут быть самыми разными, но *по роду* они будут или тем, или этим в одном единственном числе.

В чем разница? Разница в том, что *род определяет «что произошло», а вид показывает «как это произошло».*

Вид отношений может сложиться бесконечно разнообразно, отличаясь тем, *как это произошло* по количеству, по насыщенности, по полноте, по завершенности, по локальности, по форме, по содержанию, по времени и по прочим любым особенностям. Но в том, *что произошло*, все эти виды будут операционно принадлежать только одному какому-то роду познания, черты и смысл которого определяются принадлежностью к соответствующему познающему элементу.

Поэтому сколько будет познающих элементов в целом, столько же родов познающих отношений возникнет между этим целым и этими элементами.

Даже теоретически в обстоятельствах психики невозможно допустить, чтобы какой-то один её познающий элемент вступал с нею в познающие отношения, присущие родовым признакам какого-либо другого элемента. На первый взгляд это не очевидно, поскольку все эти элементы укореняются в одной психике, но их природа настолько несходна, что каждый род познающих отношений, если не полностью изолирован, то непреодолимо отмежеван от другого.

Например, интеллектом можно познать книгу, а эмоцией нельзя. Эмоция не сможет читать и усваивать содержание.

Точно также коренным образом отличается познание эмоциями от познания ощущениями. Например, знание о надетых тапочках может вызываться только соответствующими ощущениями, но никакое эмоциональное переживание никогда не выяснит – утеплены сейчас ноги, или нет, если этого не подскажут ощущения. У ощущений здесь преимущество.

Но обратная сторона этого преимущества состоит в том, что познание ощущениями запускается только внешними стимулами, а познание эмоциями имеет свои собственные источники и причины, которые могут обходиться и без внешних источников. Поэтому ощущения, ничего не знают о том, что знает эмоция – например, ощущения не знают о грусти по поводу не сложившейся любви. Может быть, эмоция и зря грустит о том, чего не было, но для эмоционального рода познания даже то, чего никогда не было – это вполне реальный опыт жизни. Таковы особенности познавательного рода эмоций. Эмоция любое отсутствующее может сделать настоящим и конвертировать его в переживания, относящиеся к действительным формам познания.

Ощущения же этого не могут. Для них того, чего не было, никогда не будет в результатах познания. С точки зрения ощущений вообще непонятно о чем грустить, если любовь не сложилась – ведь если до ощущений дело не дошло, то откуда знать,

радоваться надо, или огорчаться? Кто знает, как оно там было бы *в ощущениях*? А оно по-разному бывает... Мы (ощущения) о том, чего не пробовали, ничего не знаем, и поэтому подождем пока грустить и радоваться.

Что же касается сравнения рода познания ощущениями с родом познания интеллектом, то здесь вообще не стоит входить в долгие разговоры – можно дать сотовый телефон дикарю (пусть даже и шаману), и пусть он часами разглядывает, щупает, нюхает и даже лижет его языком, но никакой набор ощущений не раскроет ему порядка и смысла операций с этим аппаратом. И наоборот.

Именно поэтому мы будем исходить из того, что число познающих элементов психического целого равно числу родов познающих отношений, возникающих у этих элементов со своей психикой. Сколько элементов, столько и родов.

И что же дальше? Зачем нам знать об этом правиле? А дальше мы начнём по порядку проверять познающие отношения психики со своими элементами. Зачем – станет ясно из следующей главы.

Первым, естественно, пойдёт интеллектуальный элемент психики, поскольку, если говорить о процессе познания, то, ничто не может быть ближе к познанию, чем деятельность интеллекта.

Глава 8. Интеллект

Особенность дурака состоит в том, что он оценивает свой интеллект выше, чем этот же интеллект оценивает его.

Итак, что же представляет собой в родовом отношении деятельность интеллекта по осознанию того целого, в состав которого он входит – по осознанию собственной психики? В родовом отношении это представляет собой очень странное познающее действие, исполняемое приёмом, сильно напоминающим такой подход, как отстранение.

Ведь интеллектуальное осознание собственной психики, то есть собственной индивидуальности, то есть собственного «Я» – это осознание *самого себя*. Но интеллектуально осознать можно только нечто, отличное от самого себя, только нечто, имеющее позицию, противоположащую самому себе, только нечто, данное мысленному взору в обособленном от себя бытии.

И поэтому, когда человек пытается познать собственное «Я», он должен каким-то интересным образом отдалиться от этого собственного «Я», чтобы направить на него свой мысленный взор.

Чтобы поймать сознанием собственное «Я», надо сразу же стать чем-то, что есть «не Я», надо с ним разделить, иначе ничего не получится. Как ни крути, а чтобы увидеть и осознать собственное «Я», надо увидеть его на некоторой дистанции перед собой, иначе познающее внимание интеллекта не на что будет направить.

И, как бы это не подвергало сомнению здравый смысл, но все мы знаем, что, когда мы интеллектуально осознаем собственное «Я», то именно так и происходит – интеллект познает собственное «Я» в качестве обособленного от себя объекта, преодолевая вниманием какую-то дистанцию между собой и ним.

Давайте, изобразим схематически, как это происходит:

$$\text{Интеллект} \rightarrow \text{Я} = \text{Я}$$

Стрелкой здесь обозначены познавательные отношения элемента с целым (интеллекта со своей психикой), а после символа «=» приведен результат данного познания.

Полученная формула проста и не требует особого пояснения. В ней всё достаточно очевидно – интеллект познаёт собственную психику (собственное «Я») и получает в результате этого познания некое интеллектуальное представление о своём «Я». Всё очень просто.

Всё, кроме одного – если интеллект отделен в этом акте от собственного «Я», то, в составе какой психики он находится, когда познаёт это «Я»?

В этом вопросе, если признать, его очевидным и правомочным, есть что-то, способное лишить покоя навеки, не так ли?

А вопрос не очевиден, но правомочен.

Потому что по формуле, которую мы видим выше, интеллект *отстранился* от «Я», вышел из него, выделился и встал от «Я» в стороне; он *разделился с «Я»*, обособился от него и познал «Я» как объект *внешней себ реальности*.

А если это так, то вспомним, что интеллект является феноменом, не имеющим собственного бытия, потому что интеллект – это лишь составная часть какой-либо психики, это всего лишь психическая способность какой-либо личности, какого-то «Я». И поэтому интеллект никогда и ни при каких обстоятельствах не сможет автономно существовать вне какой-то конкретной психики.

Кроме того (и это сейчас для нас особенно важно), интеллект – это такая способность психики, которая направлена из самой этой психики во внешний мир, и ему (интеллекту) дано увидеть лишь то, что располагается вне собственной психики.

Интеллект устремлен наружу как прожектор, и освещает он только то, что находится на пути его познающего луча.оборотиться внутрь себя и устремиться к источнику своего света он не может. Об этом свидетельствует опыт каждого из нас, да и вообще сам факт признания психики самым сложным объектом и познания, и самопознания. Наш интеллект видит только то, что находится перед ним, а внутрь собственной психики он заглянуть не может.

Следовательно, интеллект может познавать только то, что располагается вне той психики, в состав которой он входит. Ибо он вообще – или видит что-то, *как внешний для этой психики объект*, или вообще ничего не видит, устремляясь в пустоту, пока на что-то не наткнется. Таким образом, интеллект не может обнаруживать свою психику, поскольку она не относится к миру его видимости и располагается не по маршруту его познавательного пути.

Но, при всём при этом, интеллект видит свою психику, видит ту личность, в составе которой находится, и это факт. И, следовательно, в момент осознания собственной личности, интеллект должен находиться в состоянии обособленности от своего «Я», потому что интеллект может познавать только то, что от него обособленно, и только то, что непосредственно находится прямо перед ним.

Таким образом, получается нечто совершенно несусветное – интеллект, находясь на острие какой-либо психики, и, оставляя её, как центр собственной активности, где-то далеко позади себя, вдруг встречает её прямо по маршруту своего движения? Чертовщина какая-то.

Но – как иначе?

Ведь, если у нас есть факт познания собственного «Я», то этот факт свидетельствует о том, что интеллект был обособлен от этого «Я», иначе мысленный взор интеллекта на это «Я» не наткнулся бы. Но интеллект не может жить и работать обособленно от психики вообще, он должен всегда находиться в составе какой-либо психики. И, если он обособился от собственного «Я» в процессе его познания, то в какую психику он при этом попал?

Можно предположить (сразу же), что интеллект создает некий ментальный фантом, который имеет структуру собственного «Я», и выбрасывает его из себя, как кальмар исторгает свой чернильный двойник, пользуясь этим фантомом для удовлетворения плотоядного любопытства окружающих.

Это многое объяснило бы, кроме одного – *а где интеллект взял этот фантом?* Где есть тот образ собственного «Я», из которого интеллект этот фантом срисовал и выбросил перед собой на обозрение? Неважно (сейчас) где именно находится этот образ, важно, что у фантома должен быть реальный прообраз, и этот прообраз есть не что иное, как «Я» личности, и, следовательно, интеллект должен поначалу увидеть это «Я», а потом снять с него оттиск фантома. И здесь, естественно, парадокс повторяется в исконном виде – если интеллект видел собственное «Я», работал с ним и создавал из него фантом, то в момент работы с собственным «Я» интеллект должен был находиться от него в обособленном состоянии, то есть – находиться в другой психике, поскольку интеллект без психики работать не может.

Парадокс, как видим, уже при чуть более глубоком анализе аргумента о фантоме, никуда не исчезает. Но, оставаясь в рамках этого аргумента, можно допустить еще одну версию, предполагающую, что этот фантом, который выбрасывается интеллектом на собственное познание, есть полностью выдумка интеллекта, никак не относящаяся к его психике, и поэтому, когда интеллект познаёт этот фантом, то он заблуждается и обманывает самого себя, познавая что-то, созданное из ничего.

Вторая версия такая же скороспелая, как и первая, но она выгодно отличается от первой тем, что вообще никуда не годится, поскольку отрицает очевидное – во всём может заблуждаться человек, во всём может он обманывать самого себя, но нет ничего более безошибочного и более достоверного для человека по своей природе, чем знание о

собственном «Я». Знание о собственном «Я» есть *единственное знание*, в достоверности которого ни один человек никогда не сомневается, как бы ему не хотелось в этом покрасоваться в разных, подгрызающих психику, восточных теориях об иллюзорности личности. Слова об иллюзорности личности – это всего лишь слова, которых не нужно было бы столько много, если бы психика действительно была иллюзорна. Будь она иллюзорна, она бы сидела где-нибудь и успокаивала дхармы, с неохотой узнавая, или, уже не узнавая, близких. А если нечто иллюзорное манифестирует собственное отсутствие в этой действительности, то, позвольте ему в этом не поверить именно потому, что трудно поверить тому, кто надрывается доказывать, что его нет. Если ты иллюзорен, то и веди себя иллюзорно. А если ты совершенно не иллюзорно со всех трибун твердишь, что ты иллюзорен, то, разберись сначала с простым вопросом – зачем ты лезешь на все трибуны, если и трибуны и вообще всё, что вокруг, тоже иллюзорно?

Поэтому теория о фантоме не годится даже в своём слабом варианте – созданный из ничего (согласно этому варианту) фантом личности никогда не обладал бы той достоверностью, которую получает в его познании человек относительно *собственной жизни*. Он действительно познает собственное «Я», а не какую-то пустышку.

И тогда парадокс обособления интеллекта от собственной психики в момент её познания – пока остается.

Это парадокс трудно понять, и еще труднее принять, Но надо постараться. Ибо – что можно возразить логике?

В нашем случае логике можно возразить следующее: например, интеллект мог бы полностью не обособляться от собственной психики в акте её познания, а мог бы находиться сразу и внутри психики, и вне психики, каким-то образом обособляясь из неё так, чтобы одной своей частью обратить на неё свой взор со стороны, а другой своей частью оставаться в психике, и никогда её окончательно не покидать. В этом случае он познавал бы собственную психику наподобие того, как ладонь познает собственное тело – ладонь ощупывает органы своего тела и получает о них понятие как о внешнем себе, но никуда от тела не отделяется.

Обычно, парадокс, который мы пытаемся сейчас осознать, не видится и не понимается только лишь потому, что он заранее как бы снимается в нашем сознании именно вот этим тихим подразумеванием, что наш интеллект и психику не покидает, и смотрит на неё со стороны, когда познаёт. Такой молодец!

Такое подразумевание исходно принимается в качестве обязательного и резонного.

Однако резонность этого подразумевания может приниматься ровно до того момента, пока мы не откажемся от форм банального мышления, и не зададим простого вопроса: а, если одна часть интеллекта остается внутри своей психики, а другая его часть в это время познаёт эту же психику снаружи, то, почему в этом процессе у нас присутствует только *одно единственное* интеллектуальное переживание, а не два? Почему мы имеем познание только той части интеллекта, которая обособляется от психики и видит её перед собой, а познание той части интеллекта, которая остается в это время внутри психики, молчит?

Ведь, если ладонь от тела не отделяется, то она может познать в своем теле всё, но только не свою собственную поверхность. Ладонь может, как и интеллект, познавать только то, что находится перед ней. *Только чужое*. Таково свойство вообще любого познания. Поэтому ладонь не может познавать собственной поверхностью собственную поверхность. Но мы познаём поверхность ладони ощущениями не самой ладони, а ощущениями тех мест тела, к которым она прикасается. Допустим, что мы приложили руку к собственному лбу. Ладонь сообщает нам сведения о лбе, а лоб собственными *встречными* ощущениями сообщает нам сведения о ладони. Например, ладонь сообщит нам теплый или холодный у нас лоб, а лоб сообщит нам, шершавая или гладкая у нас ладонь.

Происходит это потому, что познает здесь не лоб и не ладонь, *а познает здесь единый орган познания*, а именно – осязание.

В примере с ладонью и телом присутствуют *два познающих переживания одного органа познания*, который испытывает эти переживания через два своих разных отдела. Если умудриться, то можно этим же самым единственным органом познания в один и тот же момент словить и третье переживание, и, может быть, даже и больше (расположить, например, пять пальцев руки по разным частям лица). Количество органов тела неважно, потому что орган познания один, и это именно он познает, где бы он ни находился какой-то своей частью. И, *находясь повсюду, где он находится, он отовсюду же, где он находится, получает познающее переживание*.

Но когда интеллект познаёт собственное «Я», то мы получаем только одно интеллектуальное переживание, которое относится к познанию интеллектом собственного «Я» как бы со стороны (как это и дано интеллекту). А где второе переживание? *Где встречное внутреннее* переживание, если интеллект сейчас одновременно находится еще и внутри психики? Ведь он должен получать интеллектуальное переживание *отовсюду*, где он находится.

Если одно отделение интеллекта сейчас находится снаружи, а другое его отделение внутри, то мы должны переживать познание как снаружи, так и внутри, потому что оба отделения интеллекта должны регистрировать процесс с разных сторон, и с разных же сторон должны его переживать.

Парадокс не простой, но весь его фокус для нормального разума должен стать ясным до предела – если я касаюсь самого себя, то у меня есть два познающих переживания: я познаю и то место на своем теле, которого я коснулся, и ту часть своего тела, с помощью которой я совершил это прикосновение. Положите сейчас локоть на кулак, и вы обнаружите оба соответствующих переживания – у вас будет переживание локтя, и у вас будет встречное переживание кулака. Потому что и локоть, и кулак – это я.

А если я касаюсь рукою чего-то другого (не себя самого), то у меня есть только одно (по количеству) познающее переживание: я познаю только то, чего я касаюсь. Вот я коснулся рукою стола, и у меня есть познающее переживание о столе, но никакого *встречного переживания от стола* у меня нет, и быть не может, потому что стол – это не я. В столе не может быть никакого отделения моей психики.

Но ведь и в познании собственной психики, у меня, вместо двух, есть *только одно* познающее переживание – то, которое видит своё собственное «Я» со стороны, как внешний себе объект познания. Как какой-нибудь стол, от которого нет никакого ответа! Изнутри психики, изнутри вот этого «Я», никакой встречный источник познания не бьет, и, следовательно, моё собственное «Я», которого я сейчас коснулся своим интеллектом, моя собственная психика – это *не моё «Я»*, это не моя психика, а чужое явление, наподобие чуждого мне, молчащего стола.

Или же, если это «Я», которое сейчас познаёт мой интеллект – все-таки, моё Я, то в нём сейчас нет моего интеллекта и только поэтому из него (из «Я») никаких познающих переживаний не слышно, а тогда – где сейчас мой интеллект? и т. д. ...

Пора остановиться, потому что у кого-то эти логические выкладки могут создать не победные настроения. Следует сказать, что всё это, конечно же, только провокация, призванная обратить внимание на то, что в познании интеллектом собственного «Я» есть что-то настолько неладное, что *обычной логике* приходится давать слишком странные версии о том, как это происходит.

Обычная логика объяснения процесса познания интеллектом собственного «Я» настолько несносна, что от неё (от обычной логики) следует отказаться, потому что, разумеется – моё «Я» это моё Я, и никаких сомнений в этом быть ни у кого не должно. Разумеется, также, что интеллект не может перескакивать из собственной психики (на момент её познания) в какую-то другую психику, и в этом тоже никаких сомнений ни у кого быть не должно.

Но, соответственно этому, ни у кого теперь не должно быть никаких сомнений и в том, что в познании интеллектом собственного «Я» есть что-то, не объяснимое обычной логикой.

А если подобные сомнения у кого-то еще остаются, то, согласно обычной логике, выбирайте: либо моё «Я» это не моё Я, раз отсюда я не получаю никакого встречного переживания своего интеллекта (который сейчас должен находиться в зоне моего «Я» – а где ему еще находиться?!); либо мой интеллект на момент познания моего «Я» весь должен уходить в другую психику, и только поэтому не способен из зоны моего «Я» (которую покинул) давать встречное переживание познания. Если не торопиться с импульсивными решениями, то выбор здесь огромен.

Однако, попав в подобную логическую ловушку, отдельные люди уже начинают понимать, что выбор здесь только один – признать, что в этом есть какая-то тайна.

Впрочем, в пределах версии о разделяющемся интеллекте нам могут предъявить еще одно возражение, состоящее в том, что интеллект в наружной своей части может быть познавательно активным, а во внутренней своей части (внутри психики) – он может оставаться познавательно пассивным. То есть, у нас здесь как бы рука ощупывает онемевшую ногу: ладонь ногу ощущает, а нога, которую мы «отсидели», прикосновений ладони не чувствует. Таковы могут быть остроумные (и поэтому бесконечные) аргументы людей, которые, или совсем не признают тайн, или полагают, что любую тайну сразу же раскрывает любое же их объяснение.

Что на это ответить? С точки зрения остроумия, можно ответить, что упиваться пассивным состоянием рецепторов занемевшей ноги невозможно какое-то время, долгое для того, чтобы делать солидные выводы. Потому что здесь всё скоро придет в норму: кровь достигнет мельчайших капилляров, и *встречная* чувствительность ноги восстановится. Надо только подождать.

Однако никакие годы ожидания никогда не выявят никакого встречного переживания собственного «Я» в ответ на его познание интеллектом.

А, если судить не с точки зрения остроумия, а из хорошей логики, то эту версию вообще нельзя допускать, ибо (при серьезном отношении к делу) пассивность и активность никогда не могут быть *одновременным состоянием* одного и того же объекта. Любая реальность вообще может иметь только одно состояние в чередующихся этих двух возможных – либо активное, либо пассивное. Но никогда не в смешанном виде. Невозможно и спать, и подтягиваться на перекладине сразу. Невозможно, чтобы спичка и горела, и не горела в один момент. Невозможно, чтобы один и тот же ветер и дул, и не дул. Невозможно, чтобы человек и дышал и не дышал в один момент.

Поэтому, если интеллект активен в той своей части, которая познаёт психику со стороны, то он одновременно должен быть активным и в той своей части, которая оставалась бы на этот момент внутри.

Но активность интеллекта переживается нами *только* с позиций, наблюдающих «Я» со стороны, что вполне естественно, поскольку познавательная активность интеллекта может проистекать только из позиций, противостоящих объекту познания. То есть, если мы познаём собственную психику, то интеллект, по логике вещей, должен находиться от неё в обособленной и противостоящей позиции. Но любая позиция интеллекта – это всегда позиция в какой-либо психике. И, следовательно, когда интеллект познаёт собственную психику, его позиция должна находиться в другой психике и т.д.

То есть – и в этом случае от логического парадокса никуда не деться. И поэтому версия о том, что интеллект двумя отделениями располагается на момент познания своей психики одновременно и вне, и внутри неё, должна у нас, окончательно и с почестями, не пройти.

Чтобы хоть чем-нибудь позабыться в этой жизни, можно придумывать еще «остроумных версий», но рано или поздно период праздности мышления должен заканчиваться, и оно должно переходить к делу.

А если переходить к делу, то – как решить этот парадокс? Как происходит познание интеллектом собственного «Я»? Ответ прост – это происходит так, как это происходит, и это универсальный ответ на подобного рода вопросы. Однако дальше этого ответа, обычно, наступает знаковый момент: кто-то начинает создавать бульварнейшие версии о том, «как это происходит» на песке стандартов образования, а кто-то пытается увидеть, как это происходит на самом деле. Мы пойдем вторым путем. Он сложнее, но зато с первым, обычно, позора не оберешься.

Главное правило для познания какого-либо процесса в том виде, в каком он пребывает на самом деле, состоит в том, чтобы научиться, поначалу, всё принимать, но ничего не объяснять. Сначала надо зафиксировать происходящее в нетронутым виде, а потом уже пытаться переходить от недоумения к ясности. Иначе (если с этим поторопиться) собственные доводы, вытянутые *из хлама готовых ответов*, вместо верного понимания нагромоздят обычный хлам какой-нибудь самодовольной концепции, крайне далекой от всего, что происходит на самом деле.

А что здесь происходит на самом деле? А здесь происходит то, что интеллект производит познание собственной психики с помощью двух родов познания: одним из них интеллект *осознает* собственное «Я», а другим *понимает его*. В мгновенном переходе от осознания к пониманию и скрывается весь парадокс. Момент осознания настолько быстро сменяется фазой понимания, что внимание нашего ума проскакивает этап осознания и в его впечатлении (во впечатлении ума) два рода познания смешиваются в один. Именно поэтому логика объяснений всегда приводит к тем ужасающим выводам, которые мы видели раньше.

Многие уже поняли, о чем идет речь и к каким выводам всё должно придти. Но не будем комкать завораживающую процедуру распознавания тайны, и сделаем всё по порядку. А для этого расщепим (для начала) два этих, ошибочно слившихся в один, рода познания, и рассмотрим подробно, что происходит, когда интеллект *осознаёт* собственное «Я».

Что значит «осознание»? *Осознание – это есть бессодержательное, но самоочевидное и безошибочное впечатление о присутствии собственной личности в окружающем бытии.*

Что значит «бессодержательное»? Это значит – не наполненное никакими конкретными понятиями.

Разберемся – откуда произрастает это самоочевидное и безошибочное осознание человеком собственного «Я»? Оно произрастает из какого-то трудного момента сознания, в котором оно бросается внутрь себя и *очень кратко* сталкивается там с собственным бытием, *неизъяснимым ни логически, ни рационально*, потому что в этой встрече переживается предельно мимолетное озарение, очевидность которого не передаваема ни в каких смыслах обычного порядка.

В этом несложно убедиться обычным опытом: попробуйте сейчас мысленно найти собственное «Я» внутри себя, и вы кратко и достоверно *осознаете*, что вот оно – есть, но не узнаете при этом о нём ничего конкретного, будучи тут же отброшенными от него какой-то неодолимой силой.

Такова цена этого очевиднейшего знания – достаточно интеллекту попытаться направить свой взор на собственное «Я», как интеллект теряет все способности к формам обыденной речи, и передает затем этот кратчайший момент высвечивания собственного бытия одной лишь фразой – «Я есть». Эта фраза имеет буквальный смысл, который нельзя далее наполнить никаким содержанием, потому что истинное содержание этой фразы есть некая несомненность высшего порядка, не описываемая никаким известным опытом.

В остальных состояниях (вне этого мига) интеллект направлен куда угодно, но только не на собственное «Я», потому что для него это неестественно – ведь, для осознания собственного бытия интеллекту приходится идти в противоход самому себе и преодолевать свою устремленность вовне. Учтем, что интеллект устремлен вовне именно

из этого «Я», из собственной психики, и поэтому в противоположность собственной природе ему идти совсем не просто. Таким образом, интеллект знает многое о многом, но непосредственно о собственном «Я» он судит лишь по этому кратчайшему проблеску умственного и бессодержательного самосозерцания.

Такова природа *осознания* интеллектом собственного «Я».

Но при этом у интеллекта есть еще и комплексное *понятие* о собственном «Я», в котором развернуто полотно рациональных сведений о фамилии, имени, отчестве, возрасте, одежде, машине, доме, доходах, нажитых знаниях, хранимых воспоминаниях, о родителях, о детях, о внуках, о социальном статусе, о списке недомоганий, о росте, весе, цвете глаз, о руках и ногах, о привычках и вкусах, о пристрастиях и влечениях, об ощущениях собственного тела, об обстоятельствах текущего момента и вообще о том и о сём, что во всей неисчислимой конкретике прошлого и настоящего может составлять *рациональное содержание* личности человека. Всё это *понимается* интеллектом в качестве собственного «Я».

Такова природа *понимания* интеллектом собственного «Я».

И вся беда в том, что рациональное содержание *понятия* о собственном «Я» не имеет никакого отношения к тому «Я», которое интеллект тяжелым усилием ранее *осознал*.

Зададим себе вопрос – разве в том неуловимом мгновении самоочевидного *осознания* собственного «Я», находится хоть что-то из того, что располагается в *содержании понятия* об этом «Я»?

Разве *содержание понятия* «Я» присутствует в том прямом акте *осознания* собственного «Я», на который пошел интеллект вопреки собственному потоку бытия? Разве обильно начинённое конкретное «Я» нашей текущей личности присутствует в том неуследимо малом моменте самоочевидного ощущения собственного живого присутствия в действительности, которое даётся интеллекту на какой-то миг необъяснимого, но непоколебимого самоутверждения в окружающей жизни?

Ничего этого в собственном осознании нет. Самоочевидное осознание собственного бытия длится настолько кратко, что впечатление о собственном «Я» у интеллекта получается абсолютно достоверным, но качественно неопределённым. Есть лишь предельно точечное, сжатое в минимум времени и предельно очевиднейшее обнаружение собственного наличия, за точкой которого интеллект вынужден совершать откат назад, потому что начинает работать его мышление, принудительно остановленное в непосильном нырке вовнутрь себя.

После этого броска в себя самого, мышление вновь начинает работать согласно своей природе, и, направляясь из психики во внешний мир, вновь автоматически познаёт всё, что перед ним возникает. И вот, направленное теперь только вперёд и только вовне, это мышление мгновенно начинает оснащать *запомнившуюся очевидность* собственного «Я» атрибутами, взятыми из внешних данностей. Натыкаясь на данности мира, мышление отражается от них результатами каких-то понятий, часть из которых присваивает самому себе.

Так возникает то самое «Я», которое мы принимаем за собственную индивидуальность. То есть, интеллект формирует какое-то *вымышляемое* «Я» из внешних данностей, с которыми он сам же и завязался в психические узлы в своём опыте переживаний. Как это происходит в деталях, мы рассмотрим чуть ниже, а пока обратим внимание на то, что наша формула, описывающая процесс познания интеллектом собственной психики

$$\text{Интеллект} \rightarrow \text{Я} = \text{Я}$$

не соответствует выведенному нами в предыдущей главе принципу, согласно которому количество родов познающих отношений между целым и его элементами должно быть

равно количеству этих элементов. Вспомним этот принцип: *в любом целом количество родов познающих отношений между целым и его познающими элементами не может превышать количества этих элементов.*

У нас же теперь, когда мы разобрались с тем, что и как происходит в *интеллектуальном* познании собственного «Я», получается, что элемент познания у нас один (интеллект), а родов познающих отношений, в которые этот элемент вступает с целым – два!

Первый род познающих отношений – это попытка прямого *осознания* своего истинного «Я», а второй род познающих отношений – это *формирование понятия* о вымышляемом «Я» с последующей переадресовкой его результатов на истинное «Я».

Это совершенно два разных рода познания, а не один род познания, разделенный на две операции. Потому что *осознание не рационально, а формирование понятия рационально.* Отсюда и результат познания совершенно разный – результат осознания представлен одним, рационально невыразимым, но полностью исчерпывающим впечатлением о собственном «Я», а результат формирования понятия, наоборот, содержит множество полностью рациональных понятий о собственном «Я», ни одним из которых ничего до конца не объясняет и не описывает.

Подобная разница, как в способах, так и в результатах познания, убедительно говорит о том, что у нас есть один познающий элемент (интеллект) и два рода познающих отношений, в которые он вступает.

Что логически из этого проистекает? Совершенно верно, из этого проистекает, что, если элемент один, а родов познающих отношений у него два, то, соответственно, и целых тоже два. Почему именно целых два? Потому что, количество родов познания у интеллекта может прирастать только с прирастанием количества тех объектов, с которыми интеллект будет вступать в познающие отношения. Происходит это из-за того, что род познающих отношений интеллекта всегда определяется тем, как он будет прилаживаться к познанию того объекта, с которым захочет свести познавательные счета.

Здесь всё зависит от объекта – что потребуется для его познания, то интеллект в себе и подстроит. Конкретные особенности объекта потребуют от интеллекта найти род познания, максимально приспособленный именно к его особенностям. Так и возникает тот неизменный род познающих отношений, в который всегда будет вступать интеллект с этим объектом познания.

Но если особенности объекта познания изменятся, то интеллект дрогнет и пойдет по новому пути. Алгебра, например, будет познаваться им логическим анализом, таблица умножения или алфавит – запоминанием, загадки – разоблачением аналогий, прогнозы – перебором версий, проекты – мысленным конструированием и т.д. Разные объекты познания сформируют для одного и того же интеллекта разные роды познания.

Поэтому в нашем случае второй род познающих отношений может возникать только при количественном возрастании тех целых, с которыми интеллект будет вступать в познающие отношения. То есть, по логике этого факта, у нас должно быть два разных психических целых, с каждым из которых интеллект вступает в разные познающие отношения!

И хорошо бы, *но целое-то у нас одно* – собственная психика этого интеллекта! Не дай Бог когда-нибудь допустить две собственные психики! Это уже всё равно, что ни одной.

И что тогда?

А тогда – одно из целых у нас лишнее. Одно из целых – обман. Мы не должны допускать никакого второго целого.

К тому же, один интеллект не может входить в состав двух психических целых!

Следовательно, одно целое у нас точно лишнее, липовое.

Таким образом, получается (хотим мы того или не хотим), что, когда интеллект познаёт собственную психику, то он совершает в два рода познающих отношений только

потому, что в этом процессе присутствует два целых – одно настоящее, а другое фиктивное.

Чтобы эти два целых далее различать, дадим им разные названия. Первое целое – истинное, но тайное и доступное лишь краткому впечатлению собственного интеллекта (осознанию), и мы назовём его «истинным Я». Оно является нашей истинной индивидуальностью, и оно есть самоочевидная истина. Этому целому и принадлежит интеллект. Ведь интеллект – это несомненная реальность, и поэтому интеллект должен принадлежать тому, что также есть несомненная реальность. Из «истинного Я», следовательно, интеллект направляется на внешний мир, и поэтому «истинное Я» остается позади него недоступной тайной.

А второе целое, собранное интеллектом из вымышленных понятий, мы так и будем называть – «вымышленным Я», потому что данное «Я» есть всего лишь вымысел интеллекта, и является всего лишь лирическим героем его истории отражения от окружающего мира.

Таким образом, мы видим, что два этих названия – «истинное Я» и «вымышленное Я» – применяемые к обоим этим целым, есть для нас не просто способы приклеить к ним то или иное слово, а есть выражение главной разницы между ними – «истинное Я» реально, а «вымышленное Я» фиктивно.

Откуда мы это видим? Мы видим это по критерию зависимости от сознания. Этот критерий, хоть и пренебрегаем иногда дилетантами, но определяет верно и строго – если что-то зависит (хоть как-то) от человеческого сознания, то оно (это «что-то») не истинно, а фиктивно, ибо истинным может быть лишь то, что от сознания не зависит никак.

А, что касается проверки на этот критерий, то «истинное Я» совершенно не зависит от нашего сознания, в то время как «вымышленное Я», наоборот – полностью зависит от мышления, и, следовательно, фиктивно.

Это может показаться не самым светлым моментом исследования, но это так и есть: нечто тайное, бессодержательное и не наполненное никакими конкретными смыслами (собственно говоря – непонятно что!) является нашим «истинным Я», а весь перечень анкетных понятий о себе самом, начиная от рождения и, не заканчивая, пока еще, ничем (наша текущая индивидуальность!) – весь этот перечень есть не более чем фикция!

Обидно, но факт.

Фиктивность «вымышленного Я» заключается в том, что оно без информационного наполнения было бы полностью лишено какого-либо бытия. Если мы уберем всё, что информационно наполняет нашу текущую индивидуальность, то она бесследно исчезнет.

Это, конечно, сложный и вряд ли возможный на практике эксперимент, но при хорошем воображении можно себе представить, как мы, этап за этапом, удаляем из «вымышленного Я» всю базу данных. В итоге, стирая один факт за другим, мы, в конце концов, опустошим информационную базу собственной индивидуальности до того, что превратим её в полный информационный ноль. И тогда эта индивидуальность исчезнет. Она станет ничем. Потому что она полностью создана интеллектом, и всё её содержание наполнено рациональными данными, в отсутствии которых эта индивидуальность отсутствует и сама. Собственно говоря, «вымышленное Я» есть не что иное, как *некие сведения*, за неимением которых остается только пустой бланк.

Но (обращаем внимание!) в результате исчезла бы только вымышленная индивидуальность, только «вымышленное Я», созданное интеллектом. Исчезли бы все накопленные сведения, но остался бы бланк, осталась бы истинная индивидуальность, осталось бы «истинное Я», которое имеет своё собственное бытие, независимое от интеллекта.

Это неоспоримо, потому что теоретически можно уничтожить все данные о «вымышленном Я», и оно перестанет распознаваться мышлением, но никакими корректными средствами не удастся лишить непререкаемой очевидности «истинное Я», или сделать его нераспознаваемым.

Что нужно мне, вам, им, ему, ей и вообще любому человеку, чтобы мысленно заметить своё «истинное Я»? Для этого нужно только само это «истинное Я», и более ничего, не так ли? «Истинное Я» всегда откликнется на любую попытку его осознать, для чего нужно, всего лишь, вздыбить скачущий интеллект и на короткий миг обратить на «истинное Я», обратить его взор вовнутрь себя. Этого будет вполне достаточно *безо всякого информационного наполнения*, чтобы получить самое достоверное знание из всех возможных человеку – «Я – есть».

А что нужно нам, чтобы заметить «вымышленное Я»? Нам нужны *сведения*: фамилия, имя, отчество, и вообще вся огромная совокупность характеристик и компетентностей личности – духовных, физических, бытовых, профессиональных, личных, технических, творческих, спортивных и т.д.; нам нужны многочисленные данные анкетного характера – родился, учился, проживаю, национальность, состою в родстве, не привлекался и т.д.; нам нужны данные социального, интимного, психического и медицинского характера; нам нужны стандарты внутренних ответов на внешние события, нужны остатки переживаний по тому или иному поводу, память о тех или иных ощущениях, или о тех или иных периодах жизни, нужны модели этического поведения в различных ситуациях, и нужно ещё бог весть что, чтобы через эти параметры *интеллектуально* определить самого себя в качестве текущей индивидуальности.

Следовательно, «вымышленное Я», наша текущая индивидуальность – *ничего не представляет собой без мышления*, которое его создало, являясь, следовательно, объектом не истинным.

Собственно говоря, «вымышленное Я» – это есть, всего лишь, набор понятий, в которых «истинное Я» тем или иным образом отразилось своим интеллектом от мира.

К примеру, интеллект вышел из «истинного Я», увидел отца и мать, осветил их своим познавательным лучом, луч отразился и вернулся к интеллекту в виде определенного вывода, который перешел в информацию, намертво скрепленную со своей личностью – «я дитя этих родителей». Так «истинное Я» выпустило интеллект, и тот, отразившись от какой-то данности, осмыслил результат, и завязался с этим результатом в психический узел – нашел там что-то, позволившее создать еще одно (из числа вымышленных) понятие о собственной личности.

А почему это вымышленно? Потому что данное понятие (в ряду всех остальных) есть результат *мысленного вывода*, а не прямая данность. Не будь родителей (не дай Бог), что вымыслил бы из ситуации интеллект? Интеллект вывел бы: «я – сирота». А будь это приемные родители, интеллект вывел бы «я – дитя вот этих родителей, но у меня есть другие родители». А будь одна только мать, то интеллект вымыслил бы – «я безотцовщина», и так далее со всеми бесконечными вариантами (например, социальной принадлежности).

При этом обратим внимание на самое главное – все вышеперечисленные варианты понятий, относящихся к «вымышленному Я», созданы были бы интеллектом, принадлежащим *одному и тому же* «истинному Я». То есть, «истинное Я» – всегда одно единственное, и всегда останется одним единственным. А «вымышленное Я» приобретет тот вид, который будет зависеть от того, как отразится интеллект во внешнем мире – например, если приемный ребенок вырос в семье крымских татар, то он будет крымским татаринцом, если этот же ребенок вырастет в русской семье, он получится русским, вырастет в украинской семье, станет украинцем и т.д.

Сжато излагая результат, скажем, что «истинное Я» всегда одно единственное и другим быть не может, а «вымышленное Я», хоть и одно, но может иметь неисчислимые варианты воплощений.

Ничего не напоминает? Совершенно верно, не просто напоминает, а взывает к еще одному критерию истинности – к критерию однозначности. Согласно этому критерию истина всегда и везде есть только то, что она есть, и ничем другим быть не может ни при каких иных обстоятельствах – у нее нет никаких иных вариантов, кроме того

единственного, который есть то, что она есть. Например, «через две точки можно провести прямую линию» – это истина, которая имеет только один свой вариант и никакого другого варианта не имеет. Эта истина – однозначна в бесконечных количествах реального воплощения и поэтому это истина подлинная.

А что-то ложное может множиться в своих воплощениях, несмотря на то, что, на первый взгляд, выглядит полной истиной. Например, утверждение «этот автомобиль светло-серый» есть истина только на первый взгляд, потому что это не однозначный вариант – автомобиль может завтра же оказаться темно-синим. Таково отношение к истине в философии, ибо мы находимся по-прежнему в сфере применения философских методов. Сферой искрящегося остроумия и задиристой находчивости мы пока что не интересуемся – не на пикнике. Закончим исследование, там посмотрим.

И поэтому, не имеющее никаких вариантов, кроме себя самого, «истинное Я» – это наша истинная психика. А, способное быть чем угодно, «вымышленное Я» – это наша фиктивная личность.

Это не очень легко принять, потому что любой из неисчислимых вариантов психического сплетения с миром, создающих фиктивное «вымышленное Я», есть всегда *адекватное отражение* интеллекта от внешнего мира. Ведь «вымышленное» – это совсем не означает обязательно выдуманное. Вымышленное означает: созданное мышлением. Вымышляемое вполне может соответствовать объективному положению дел, из-за чего при всём разнородном содержании «вымышленного Я» большинство из его понятий всегда можно опереть на какую-либо несомненную данность, от которой во внешнем мире отразился интеллект.

Но это совершенно не важно для истины, поскольку совершенно не важно, верно отразился, или не верно отразился от мира интеллект, ибо любое отражение всегда *вымышляемо*, то есть всегда выступает продуктом анализа и осмысления. А всё, что вымышляемо, то всегда ложно. Никогда в этом не сомневайтесь. Даже в случае самой крайней необходимости. Потому что вымыслить можно или то, или это, а *истина это то, чего вообще никогда нельзя вымыслить*. Вот именно поэтому настоящая истина никогда не может быть дана мышлению в его естественных формах. Именно поэтому настоящая истина всегда недоступна словам и знакам, как бы те не пытались её выразить.

И поэтому (скажем в последний раз), если «истинное Я» не вымышляемо, а есть прямая данность, которую вообще *невозможно вымыслить*, то оно истинно, хоть и тайно. А если «вымышленное Я» есть результат, отраженных от мира, и, пригнанных друг к другу, понятий, то оно ложно, хоть и явно.

Чтобы понять, как это происходит, вспомним, что делается, когда мы смотрим на себя в зеркало. А происходит то же самое – некто истинный смотрит на себя ложного. Потому что мы видим лишь отражение лучей, лишь оптический мираж, и этот оптический мираж представляет собой тоже всего лишь узлы световых волн, в которые они завязались на поверхности раздела сред. Отражение может быть абсолютно верным и полностью соответствовать истине, но изображение никогда *не будет самой истиной*, потому что истина – это источник изображения, а *отраженное* – всегда только фикция.

Точно также и наша текущая личность, наше «вымышленное Я» – это лишь отражение «истинного Я» в зеркале мира, потому что любое понятие – это отражение от действительности.

Однако в случае с обычным стеклянным зеркалом нам гораздо проще отличить истину ото лжи, потому что, начни мы разъедаться сомнениями, нам достаточно разбить зеркало и убедиться, что наше истинное бытие от этого никуда не делось, а фиктивное бытие на его поверхности – исчезло.

Такие поступки придают человеку стиль, но в нашем случае, помимо всего прочего, мы бы получили бы окончательное доказательство полной ложности «вымышленного Я».

То есть, если бы мы могли разбить как зеркало своё собственное «вымышленное Я», свою собственную текущую индивидуальность, и она у нас исчезла бы, а наше

«истинное Я» при этом осталось бы в полной сохранности, то все наши выводы подтвердились бы практически торжественным образом ...

Но как разбить это зеркало?

Если нам сейчас не хватает только этого, то – пожалуйста! Давайте посмотрим, как зеркало («вымышленное Я») иногда разбивается, а тот, кто в него смотрит («истинное Я») – остается.

Итак, например, вас зовут Иванов Иван Иванович, или, вероятно, как-либо по-другому. Это является отправной точкой вашего «вымышленного Я» и здесь наглядно видно, как интеллект завязался в психический узел с внешней себе традицией наречения имени, привязался к этому имени, и теперь самым безобразным образом отождествляет себя именно с этой фикцией.

Так создаётся выдумка, потому что имя «Иван» есть не только то, что вообще и в принципе не может быть «истинным Я», но и то, что не может быть даже «вымышленным Я». Потому что даже «вымышленное Я» не назовет ни одной причины, по которой оно *истинно* не «Павел», или не «Кондрат». В своей истинности имя – это выдумка, которую нацепило на себя «вымышленное Я». Одна из тех выдумок, из которых интеллект складывает сагу о своём бытии в мире.

Но интеллект наполняет «вымышленное Я» не только вот такими фиктивными выдумками. Это было бы легко увидеть, а эфемерность нашей личности бросалась бы в глаза. Нет, эфемерность «вымышленного Я» распознается из рук вон плохо как раз потому, что «вымышленное Я», хоть и есть выдумка, в которой интеллект отразился от мира и слепился с ним в некоторых узлах, но это очень достоверная выдумка, так как интеллект наполняет эту выдумку очень конкретным набором реальных сведений, сомневаться в которых нет ни повода, ни смысла.

Это сведения: о семейных связях, об образовании, о навыках, об умениях, о самом различном жизненном опыте, о людях с которыми свела судьба, о плодах пережитого, о планах на будущее, о характеристиках тела, чертах характера, о желаниях, предпочтениях, верованиях, книгах, фильмах, пейзажах, о музыке, о детстве, школе, похоронах, свадьбах, о фонаре, который светил ночью, о девочке, которая одевала смешную шапочку, о мяче со шнуровкой, о дожде однажды в августе, о парте, на которой было выцарапано «прочитай? сдохни!», о молотке в сарае, о капусте со свеклой, о пыжах и патронах, о гвозде и кроссовках, о мотороллере с пирожками, саданувшем соседа на перекрестке, и так далее и тому подобное – всё то, что составляет киноленту прожитой жизни.

Да, всё это вполне достоверно. Интеллект поработал хорошо. Но это есть не более чем фикция, потому что завтра постучится в двери амнезия, и всё это «вымышленное Я» исчезнет разом...

Зеркало разобьется.

После амнезии интеллектом будут утеряны все те узлы, в которые он некогда завязался с внешним миром, и личность перестанет *интеллектуально* раскрываться собственному сознанию. Но при этом у сознания останется очень достоверное *нерациональное осознание* «истинного Я», осознание собственного бытия в качестве обособленной от мира индивидуальности. Это осознание в какой-то момент перейдет в определенное знание о себе, которое не будет какое-то время интеллектуальным, ибо мысль поначалу не сможет найти в нём ни одной знакомой себе формы, но это будет самое достоверное и самое неоспоримое для человека, знание.

Это и есть та ситуация, когда зеркало разбилось. Это и есть та ситуация, когда «вымышленное Я» исчезло, а «истинное Я», как было, так и осталось.

Человек в этой ситуации будет с безмерной несомненностью обнаруживать собственное «Я», но ничего не будет о нём знать. Потому что «истинное Я» нельзя знать сознанием. Сознанием можно знать только «вымышленное Я», но его еще не существует. А его еще не существует, потому что «истинное Я» еще не направило луч интеллекта на

зеркало мира и не обнаружило там никакого собственного отражения в соединении со структурными элементами этого зеркала, кроме собственного тела.

И выходит так, что психическое бытие «вымышленного Я», психическое бытие нашей текущей индивидуальности, собственно говоря – сама наша жизнь, есть не более чем фиктивное бытие какого-то не обязательного отражения на покрытой амальгамой, стекляшке. И хорошо еще, если зеркало не кривое... Хотя – какая разница?..

Постигнутые этой доброй мыслью, закончим теперь всё, что касается познающих отношений интеллекта со своей психикой, и с бесконечной невозмутимостью обратимся к остальным её познающим элементам.

Глава 9. Способности

Главной способностью психики является способность действовать на психику.

По программе исследования, обозначенной ранее, мы, рассмотрев характер познающих отношений психики с её интеллектом, теперь должны заняться особенностями тех познающих отношений, в которые вступают с нею, как с целым, другие познающие элементы. Но, как представляется, этот путь уже малопродуктивен, поскольку из него вряд ли можно выжать больше того, что было нами выжато из познающих отношений интеллекта. Потому что любой познающий элемент психики может вступать в познающие отношения со своим целым только тогда, когда он соединен с интеллектом. Это естественно до полной очевидности, не правда ли? Ведь, познание – это прерогатива интеллекта, недоступная более никому.

А если без интеллекта никакое познание невозможно, то для того, чтобы какой-либо элемент психики был способен вступать с нею в познающие отношения, он должен быть насквозь пронизан интеллектом.

И поэтому, несмотря на какую-нибудь особенную специфику какого-либо элемента психики, всё то, что будет относиться к его познавательным способностям – будет процессом всегда интеллектуальным, хотя и замешанным на материале его собственных свойств. Интеллект просачивается в бытие какого-либо элемента психики, смешивается с ним, и, собственно говоря, именно этим фактом и наделяет его познающими способностями.

Таким образом, познавательную способность любых психических элементов без присутствия в них интеллекта, можно подвергать сомнению вплоть до полного отрицания.

В этом легко убедиться, рассмотрев, например, ощущения. В ткань любого ощущения настолько плотно вплетено интеллектуальное теоретизирование, что невозможно даже представить себе, чем было бы любое ощущение без интеллекта. Скорее всего, ощущение, оставаясь полноценным физиологическим актом, было бы ничем, как акт познающий. Ощущение невозможно представить себе в качестве реакции *только* тела, потому что ощущение – это всегда процесс мысленной обработки физического сигнала, доведенный до стадии интеллектуального знания.

Проведем простой эксперимент. Завяжем глаза, возьмем в руки палку, и, наподобие слепых, начнём ощупывать дальним концом палки разные предметы. Допустим, что мы положили эти предметы на диван, и у нас это: подушка, книга, мяч, кастрюля и кухонная табуретка. Ощупывая палкой эти предметы, мы никогда не ошибемся в том, что такое каждый из них в отдельности, а что и вообще диван, потому что наши осязательные ощущения скажут нам об этом безошибочно.

Но давайте вдумаемся – а, что мы имеем здесь в опыте *непосредственно физических* ощущений, кроме палки, которая у нас в руках? Наши пальцы во всех этих случаях держат в руках только палку и более ничего, и, следовательно, у нас и должны быть ощущения только палки, и более ничего. И если бы наши ощущения были актом только физиологическим, то так бы оно и было – мы бы имели ленту ощущений, сплошь состоящую из разных состояний палки, и никакого другого знания, кроме этого, мы не получали бы. Но, слава Богу, ощущение – это процесс интеллектуальный, который теоретизирует, анализирует, ассоциирует и делает умозаключения. И поэтому даже в осязании, в единственном из ощущений, которое имеет непосредственный физический контакт с источником сигналов, мы только благодаря интеллекту познаём больше того, что содержится в самом физическом контакте.

А если мы уже отложили палку и развязали глаза, то вспомним те изображения, которые рисуют на сетчатке глаза световые лучи, отражаясь от предметов, на которые мы смотрим. Все эти лучи рисуют узоры, которые невозможно было бы отождествить с

действительными образами тех предметов, к которым они относятся. Только после того, как мозг обработает полученный эскиз каким-то, лишь ему до конца известным, способом, эти предметы возникают в сознании таковыми, каковы они есть на самом деле. А то, что дано только в зрительном ощущении, как эффект воздействия отраженных лучей на сетчатку глаза, не имеет с внешним миром ни одной точки тождественности. Всё создается мозгом, всё создается интеллектом.

Но наиболее наглядно просматривается неразрывность ощущений с интеллектом в снах, где для любых ощущений вообще не нужны никакие предметные источники. Во сне для ощущений ожога, холода, тактильного контакта, слуховых восприятий, сексуальных переживаний, вкусовых или обонятельных впечатлений мне вообще не нужны никакие телесные способности со всеми их рецепторами и проводниками сигналов. Я даже вижу во сне не глазами, потому что во сне я вижу просто мозгом. То есть, для того, чтобы иметь полный набор ощущений, возможных опыту моего тела, мне, по сути, нужен был бы только мозг, формирующий и запускающий своей интеллектуальной силой весь корпус моих всевозможных физиологических состояний. Другое дело, где мозг всё это берет, но, *какими взял, такими во сне и воспроизводит*. То есть ощущение – есть более акт сознания, чем голая реакция тела, поскольку тело всего лишь физически претерпевает, а ум превращает претерпевание в достояние интеллекта.

Таким образом, любое ощущение – это момент перехода физического в психическое, это момент, когда физическое переходит в зону сознания. И поэтому, если говорить о познающих отношениях ощущений с собственной психикой, то тот чувственный дубликат личности, который создают ощущения (запах своего тела, его зрительный образ, осязание собственных органов, переживания мышечного движения, кожных впечатлений, слушание собственного голоса или дыхания и т.д.) формируется интеллектуально, то есть в прямой связи с работой сознания.

И, следовательно, если мы начнем рассматривать чувственную природу осознания самого себя, если мы начнем выявлять особенности познания психического целого таким его элементом, как система ощущений, то мы, на самом деле, всё равно вернемся к интеллектуальным процессам, поскольку только в переплетении с интеллектом ощущения становятся элементами познающего опыта.

Ощущения – это вообще наиболее познающий элемент психики (после чистого интеллекта, разумеется). Их назначение, собственно говоря, в том и состоит, чтобы физически познавать. И мы уделили ощущениям столько времени только для того, чтобы понять, что даже этот «физический» род познания, является, по своей сути, преимущественно интеллектуальным.

Что же касается такого элемента психики, как эмоции, то эмоции, если и познают, то, либо по возможности, либо по ситуации, но не в своём прямом назначении, поскольку их прямое назначение – духовно переживать. Но и переживание тоже может стать достоянием сознания, если сознание регистрирует его в жёстком замыкании с каким-то интеллектуально отмеченным стимулом.

Это происходит в том случае, когда переживание заводится мышлением в сцепку с какой-либо ситуацией, и затем вкладывается в опыт сознания в этой спарке. Если мышлению это удастся, то впоследствии даже простое воспоминание о данной ситуации будет вызывать устойчивый эмоциональный отклик. Это уже можно будет назвать *интеллектуально заданным переживанием*, то есть эмоцией, входящей в состав интеллекта, потому что источник переживания находится в сознании, а не во внешнем бытии.

Таким образом, сами по себе эмоции могут быть неявно наведенными и, в таком случае, никакого познавательного значения они не приобретут. Но в том случае, когда мышление будет связывать некие объекты или обстоятельства внутреннего или внешнего опыта с определенными эмоциями, то в сознании будет накапливаться познавательный конкретный ряд логических связей между определенными жизненными причинами, и

переживаниями по их поводу. Именно здесь интеллект проникает в поры эмоции, смешивается с нею и вводит её в разряд познавательно ценных элементов психики.

Благодаря этому у человека происходит некое, пусть очень специфическое, но вполне ясное познание, в процессе которого какие-то эмоции становятся элементами каскада *осознанных* переживаний, располагающихся в его памяти (в составе интеллекта), а не в рефлексии на живую ситуацию. Такой человек уже знает, например, что стоять на краю пропасти страшно, даже если он сейчас лежит в кровати. В этом случае его эмоция является элементом именно интеллекта, потому что он её сейчас мужественно не переживает, но он о ней *знает*.

Итак, эмоция становится познающим элементом психики только тогда, когда мышление соотносит её с каким-либо ассоциативным фактом.

Но напомним самим себе, что мы сейчас говорим не об эмоциях вообще, а о том, что будет происходить, если эмоция начнет познавать собственную психику. Что здесь будет происходить? С чем должно в этом случае мышление интеллектуально соотнести данную эмоцию? Естественно, что мышление должно в этом случае прочно увязать данную эмоцию с собственным «Я». И если у мышления это будет раз за разом получаться, то в памяти интеллекта будет накапливаться эмоциональный образ собственной личности. Такое эмоциональное знание о себе может составить очень богатую библиотеку переживаний. Например: любовь к себе, жалость себе, интерес к себе, стыд за себя, страх за себя, гордость собой, уязвленное тщеславие, оскорбленные чувства, память о тех или иных тяжелых или радостных переживаниях, состояния раскаяния, надежд и торжества, моменты слияния с Высшим, ощущения ниспосланной на душу благодати и много ещё чего. Однако во всём этом должен уже загодя присутствовать *интеллектуально обозначенный образ собственного «Я»*, с которым все эти эмоции будут прочно перекрещиваться в мышлении. То есть, здесь, как всегда, мышление предвещает процесс познания, осуществляет его и оформляет результат.

Таким образом, если говорить о претерпевании (об ощущениях), и если говорить о переживании (об эмоциях), то всё это, конечно же, не есть интеллект в чистом виде, но применительно к тому вопросу, который мы сейчас рассматриваем – к вопросу о познающих отношениях элементов психики с нею самою – всё это есть именно работа интеллекта. И ничего нового мы здесь для себя не обнаружим, поскольку во всем этом мы разобрались уже в предыдущей главе.

А в предыдущей главе мы выяснили, что существует некое «истинное Я», недоступное рациональному познанию. Рациональное познание не может проникать в «истинное Я», потому что оно само (рациональное познание) направлено из «истинного Я» на внешний мир. «Истинное Я» постигается особым моментом сознания, подобным вспышке самоозарения, во время которой мысль коротким подлётом поворачивает вспять и пытается броском вовнутрь найти бытие своего «истинного Я». Именно здесь интеллект получает краткое и логически невыразимое осознание абсолютно очевидного подтверждения реальности собственного «Я». Но после этой короткой вспышки истины интеллект мгновенно возвращается к рациональному типу работы, выходит из усилия по самоосознанию, отворачивается от «истинного Я» и начинает искать объект познания, расположенный вне себя и перед собой. И когда он находит противоположный себе объект, он вступает в психические взаимоотношения с действительностью. Именно в этих узлах соединения с действительностью интеллект завязывается в картину пригнанных друг к другу понятий о некоем «вымышленном Я» – о нашей текущей и, действующей в этом мире, индивидуальности.

С самого первого часа рождения человека именно его интеллект наполняет «вымышленное Я» новым опытом осмысления, накопительная часть которого складывается в *понятие* о себе самом.

Следовательно, если интеллект создаёт понятие «вымышленного Я», а другие познающие элементы психики делают то же самое только благодаря участию интеллекта в

их жизни, то «вымышленное Я» от начала и до конца создается именно интеллектом. Это заслуга интеллекта или в чистом виде, или в диффузии с чем-то другим (с ощущением или с эмоцией).

То есть, подводя некий новый итог нашим старым выводам, можно сказать, что «вымышленное Я», наша текущая индивидуальность, является продуктом преимущественно интеллектуальным, несмотря на то, что в работе по его формированию участвует вся психика.

Таким образом (соберемся!), интеллект, проистекая из *тайного* «истинного Я», создаёт *явное* «вымышленное Я», создает форму психической связи «истинного Я» с внешним миром, *создает форму сосуществования тайного с явным*.

А теперь вспомним, что когда мы выбирали метод философского обобщения, то мы решили идти от функции именно потому, что там, где исполняется какая-то психическая функция, там существует стык психики с внешним миром, и там образуется стык тайного с явным – тайная психика встречается с явным миром. Именно в обстоятельствах этой встречи мы намеревались разглядеть тайную природу психики.

Пришла пора.

Как мы это сделаем? Мы внимательно посмотрим на то, как тайное становится явным, то есть на то, как «истинное Я» становится «вымышленным Я». Чуть выше мы это уже точно определили – тайное «истинное Я» становится явным «вымышленным Я» посредством работы интеллекта во внешней среде. Интеллект увлекает за собой психику из тайного «истинного Я», вытягивает её за собой в явный мир, и, когда упирается в этот мир, предоставляет психике материал для всех родов познания. Такова его бурлацкая доля. Но главное здесь заключается в том, что интеллект находится одновременно и в тайном и в явном. Интеллект, работая в явном, одной ногой стоит в тайном, потому что психика, откуда он выходит – тайная. И, следовательно, где-то здесь, в природе интеллекта и должен находиться тот самый стык тайного и явного, который мы ищем.

И где же этот стык может быть? А этот стык самым естественным образом кроется в том, что интеллект является *способностью психики*, а любая способность – это отражение собственной внутренней природы того, кто этой способностью обладает. Способность – это нечто такое, в чём проявляется специфика собственного внутреннего бытия того, кто этой способностью орудует. Способность – это применение своей внутренней природы на деле, это эксплуатация своих внутренних свойств вовне себя.

Огонь способен греть, потому что он эксплуатирует своё собственную внутреннюю природу (огонь горяч). Вода способна увлажнять, потому что она эксплуатирует свою собственную внутреннюю природу (вода влажная). Зародыш способен создавать растение, потому что он эксплуатирует свою собственную внутреннюю природу (содержит в себе все основные части растения в зачаточном состоянии). Мышцы способны производить работу, потому что эксплуатируют свою собственную внутреннюю природу (их внутренняя структура оптимальна для сокращений в одном определенном направлении).

Следовательно, интеллект, как способность, есть операционное продолжение, или инструментальное выражение «истинного Я», и, таким образом, интеллект есть то бытие, которое плоть от плоти бытия «истинного Я», и, следовательно, всё, что относится к природе интеллекта, будет относиться и к истинной природе нашей психики.

Таким образом, именно через природу интеллекта мы дальше попробуем понять тайную природу бытия своей психики, то есть природу «истинного Я».

Однако, здесь беда в том, что интеллект, являясь частью «истинного Я», отождествляет себя с «вымышленным Я» и поэтому сливается с тем содержанием, которое сам же обнаружил в мире и сам же накидал в «вымышленное Я».

В результате этого, та природа интеллекта, которая содержится в «вымышленном Я», настолько перемешана с миром, что она теперь может больше рассказать о мире, чем о себе самой.

Интеллект это мысль, а мысль – это всегда конкретное наполнение чем-то конкретным, потому что не бывает мысли просто как мысли, без того значения, которое в неё сейчас вкладывается. И поэтому, коснись мы содержания интеллекта, мы всегда видим и процесс, и результат его работы в плотной связи с чем-то, что он осмысливает, и в полной неразлучности с тем, что он перерабатывает для внутреннего усвоения. Из-за этого никогда не понятно, что именно здесь от природы интеллекта, а что именно от свойств объекта познания. Непонятно, кто из них выступает изнанкой другого – интеллект сформировал понятие об объекте соответственно собственной природе, или, наоборот, объект вызвал своими свойствами какие-то изменения в природе интеллекта.

Поэтому нам следует искать истинную природу интеллекта в том, что в нём дано только как его чистая способность, отрицая всякое его содержательное наполнение.

А наиболее очевидно в смысле его чистой природы является то, что сам по себе интеллект свою природу качественно проявляет только в смешении с чем-то внешним себе. Если интеллект не впустит в себя что-то из внешней среды, то он останется бессодержательным и бескачественным. То есть природа интеллекта несамодостаточна и не имеет качественного наполнения без чего-то внешнего себе.

Таким образом, если бытие интеллекта несамодостаточно и качественно не определимо без смешения с чем-то внешним себе, то и бытие самой психики так же должно быть несамодостаточно и так же должно быть качественно пустым без смешения с чем-то внешним себе.

Однако, признавая бытие интеллекта несамодосточным, трудно столь же легко признавать его ложным. Потому что, даже будучи пустым и не обнаруживаемым, бытие интеллекта истинно, поскольку интеллект, несомненно, есть. Да, интеллект ничего не может создавать сам, ему нужна познавательная среда, в формах которой он получал бы источник собственных форм, но, все же, интеллект не создаётся этой средой, он в неё приходит уже чем-то, что он есть.

С чего мы это взяли? Это следует из того, что интеллект – это способность, которая исполняет функцию. А любая способность, исполняющая функцию, есть некое *предварительное умение*, которое должно быть раньше бытия той функции, которую она исполнит. Этот субординационный строй необходим, поскольку, если нет способности, то нет даже и повода говорить о функции. Сначала должна появиться способность, а потом, по истечении какого-то времени какой-то *деятельности этой способности*, начнет оформляться функция, которая будет результатом усилий и затрат способности. *Функция есть результат деятельности какой-то способности.*

Именно поэтому интеллект даже без качественной определенности есть явление не ложное, а полностью действительное, так как *только нечто действительное может осуществлять какую-либо деятельность.*

Следовательно, и наше «истинное Я», тоже есть нечто, существующее действительно, существующее несомненно. Оно есть нечто, существующее истинно, существующее реально даже без качественной определенности. Очевидно, это есть то самое исходное бескачественное бытие души, которое в восточных религиях является манящей целью успокоения интеллекта и дхарм, а в христианстве называется «смертью вечной» без Воскрешения.

Кроме того, продолжая анализ интеллекта, как чистой способности, мы видим, что интеллект не просто пассивно ждёт, пока перед ним появится какая-либо среда для познания, он сам сверхактивно ищет эту среду, проявляя такие, подстегаемые только его собственными потребностями, качества, как: любопытство, познавательный интерес, информационная жадность, повышенное внимание к новому и т.д. Интеллект испытывает непрестанную нужду в поглощении познавательной среды и жадно набрасывается на всё, что способно играть её роль.

После той же амнезии, перед интеллектом возникает внешняя действительность, готовая не сама по себе ринуться в его внутреннюю пустоту, а лишь по свойствам его

внутренней активности. И когда эта внешняя действительность неудержимо устремится в сознание человека, интеллект начнет встречать этот поток и осмысливать его только потому, что вся его внутренняя природа постоянно хочет поглощать внешнюю себе действительность и наполняться ею. Интеллект может оставаться пустым только в состоянии тяжелой болезни личности, так называемой, идиотии. Или в её варианте – в нирване. В здоровом же состоянии интеллект всегда и обязательно вбирает в себя всё, что перед ним находится.

Следовательно, и сама наша психика тоже характеризуется тем, что она постоянно вбирает в себя что-то внешнее, наполняется этим *и по-другому не может*.

Однако интеллект заполняет свою пустоту и получает собственное качество не только какими-то внешними объектами познания, он формируется ещё и какой-то своей внутренней особостью, потому что, даже пустой интеллект, как мы определили выше, это совсем не пустое место, а некая способность. И, как каждая способность, интеллект имеет свою исходную организацию, которая содержит в себе свои собственные профили потенциального действия.

То есть, интеллект не просто может что-то делать как способность, он может это делать именно так и никак иначе. Каждый интеллект неповторим, но неповторим он не за счёт внешнего мира, а за счёт собственного стиля и собственного строя мышления, который всё чужое во внешнем мире делает своим собственным и неповторимым. Проще говоря – такое свойство интеллекта, как его индивидуальность, не формируется из внешних объектов познания, а является его собственным достоянием, присущем ему исходно.

И, следовательно, то же самое можно сказать и о психике каждого из нас – индивидуальность любого человека является изначальным свойством его душевной природы, поскольку несомненная индивидуальность «вымышленного Я» не могла взяться из внешнего мира, где всё ему чуждо и где ему ничего не принадлежит. Эта индивидуальность есть следствие некоего композиционного строя «истинного Я», способного проявляться в особой форме, присущей именно этому «истинному Я» и более никому другому. Именно это и проявляется в «вымышленном Я», в той нашей личности, которая складывается на данный момент.

Что еще? Пожалуй, и всё. Вроде бы, и немного, но нам большего и не надо. Для нашей задачи достаточно и этого. А наша задача, если о ней вспомнить, состоит в том, чтобы разобраться – может ли, каким-то образом, ошибочное поведение человека проистекать по причине тайного вмешательства в его психику со стороны каких-либо внешних ей сил?

Теперь, когда мы несколько проникли в природу нашей психики, мы можем подобную возможность допустить по двум основаниям.

Первое основание состоит в наличии возможности общетеоретического характера, которая выражается в том, что психика (по итогам наших исследований) характеризуется именно тем, что активно стремится смешаться с чем-то внешним себе, *хочет она, или не хочет*. Есть некий открытый для нас процесс, в котором психика делает это с помощью интеллекта, направленного на внешний мир. Но общетеоретическое допущение может выдвигать версию о том, что если интеллект психики смешивается с внешним миром в открытом для нас процессе, то какой-то тайный интеллект может смешиваться с нашей психикой в скрытом для нас процессе. Совсем как наш интеллект смешивается с внешним миром. Повторяем – это первое основание, которое представляет собой самую общую возможность без конкретных деталей.

А второе основание состоит в том, что конкретных деталей мы никогда и не узнаем, поскольку *интеллекту вход в «истинное Я» закрыт, и он там ничего не контролирует*. «Истинное Я» для интеллекта есть тайна, и всё, что там происходит, интеллекту неподконтрольно.

Всё это надо понять очень правильно – «истинное Я» есть для нас тайна не потому, что оно обязательно мистично или сверхсложно, а потому, что оно для нас недоступно. Может быть природа, структура и организация «истинного Я» вообще не сложнее коробка спичек. Но, какова бы она ни была, эта природа или организация, она нам неведома совсем не потому, что она выше наших умственных способностей, а только лишь потому, что наши умственные способности туда не могут заглянуть.

И поэтому мы вообще не вправе судить о том, что может происходить, а что не может происходить внутри нашей психики (в «истинном Я»).

А коль скоро это так, то мы не в праве исключать возможность существования в нашей психике какой-то чужой и неподконтрольной деятельности, проходящей в зоне «истинного Я» – кто знает, что там вообще происходит?

Этого никто не знает. Зато мы знаем, что проникнуть в нашу психику легко – она сама по своей собственной природе способствует любому проникновению, так как идет этому навстречу всем своим естеством. И если это произойдет в «истинном Я», то мы об этом уж точно знать не будем – нашему интеллекту там ничего не подконтрольно.

Но зато любой из нас в состоянии твердо судить о том, что происходит в нашем «вымышленном Я», поскольку здесь-то интеллекту всё подконтрольно. И пусть себе, на здоровье, рождаются любые чуждые происки в тайной зоне нашего «истинного Я», где всё покрыто тайной, но, когда эти чуждые происки начнут осуществляться в зоне нашего «вымышленного Я», то наш интеллект их тут же заметит и пресечет! Ведь для интеллекта здесь всё прозрачно! Родина может спать спокойно – чужая деятельность, придя из сумрака тайны, не сможет остаться тайной на освещенном плацу интеллекта!

Увы, всё происходит совсем наоборот и происходит ежесекундно. И не где-нибудь, а в нашем теле. Надзор за ним интеллекта мифичен.

Глава 10. Тело

Фразу о том, что «женщина, знакомясь, подаёт руку первой», я долго считал дебютом из инструкций по правильному сексу. Но потом мне объяснили, что это что-то из этикета.

В своё время очевидные практические трудности заставили меня отказаться от планов принудить всех читателей этой книги читать каждый её эпиграф. Я пришел к выводу, что это дело трудное и непонятно как реализуемое. Но эпиграф к этой главе я попросил бы, все-таки, прочитать особо, потому что этот горький рассказ является хорошим служебным примером того, как обусловлено телесным всё, что происходит в нашем сознании.

Отсюда все и казусы. Но обо всём по порядку.

Нам пора переходить к нашему телу потому, что, хоть мы и определились, что ошибки человека проистекают из его психики, но сама эта психика находится в таком интересном соединении с телом, что оставаться в постоянном отрыве от этого факта мы просто не имеем права. Как не отделимы в своём существовании друг от друга психика и тело, так же неотделимыми от этого факта должны быть и любые исследования, касающиеся хоть психики, хоть тела. Нельзя рассекать нерассекаемое. И поэтому время пришло.

Однако, разговоры о взаимодействии психики и тела – это тема, которая открыта тысячи лет тому назад, и не закрыта по сей день. А поэтому, во избежание вовлечения в дискуссии методического характера, мы определимся сразу, что проблему совместной жизни психики и тела мы будем решать в канве тех предусловий, которые сложились у нас под влиянием избранного нами метода познания – в канве метода философского обобщения.

А метод философского обобщения, во-первых, изначально отсылает нас к функции познаваемого объекта, а, во-вторых, на следующем этапе, требует максимально обобщенного вывода, не привязанного к частностям или к конкретике отдельных случаев. Таким образом, метод требует, чтобы функция, после своего определения, непосредственно перетекала в обобщающий тезис.

Но нам здесь придется поступить обратным порядком, потому что у нас уже есть обобщающий тезис, который звучит так: «психика – это осознающее себя индивидуальное целое». И нам следует теперь всегда идти именно от этого готового тезиса, потому что исследуется-то у нас всё равно психика, а не что-либо иное, и поэтому целесообразно было бы любые новые вопросы пристегивать к проблемам психики, а не наоборот. В том числе и вопросы тела.

Для этого мы останемся в рамках основного обобщающего тезиса о психике, но рассмотрим состав его определений («осознающее себя»; «индивидуальное»; «целое») в новом ключе – мы рассмотрим все эти определения тем образом, как если бы мы, вдруг, озадачились еще и вопросом, как в них раскрывается связь психики с телом.

И сделаем мы это для того, чтобы проверить – насколько сохранится внутренняя гармония исходного тезиса, если мы добавим в его смысл еще и такой *подразумевающийся* сегмент, как тело?

Что же мы увидим, когда в тезисе теперь будет подразумеваться еще и наличие тела?

Мы увидим, что тело очень хорошо вписывается в наш тезис, поскольку определение «осознающее себя», если говорить о его изначальном смысле, вообще тела не касается и не тревожит общего смысла тезиса, поскольку психика, как была, так и остается единственным познающим персонажем. Кроме того, определение «осознающее себя» полностью вписывается в *новый смысл* «целого», который сейчас возник (целое не

как характеристика самой психики, а как её единство с телом), потому что своё тело человек тоже осознаёт в качестве самого себя.

Определение же «индивидуальное» вообще остается полностью гармоничным в новых условиях, потому что любое тело, с которым связана и взаимодействует психика, тоже индивидуально.

Что же касается определения «целое», то его *новый смысл* (см. второй абзац выше) не разрывает тезиса из-за того, что психика, как целое, есть целое также и в смысле её единства с телом (с чего собственно у нас всё это сейчас и началось).

Так что, пока всё хорошо – исходный тезис углубляется при дополнении его понятием тела, но остается полностью рабочим.

Однако если внимательно исследовать реакцию каждого из определений тезиса на инъекцию в него понятия тела, то выяснится, что, все определения впускают эту инъекцию в кровь без изменения собственного естества, и только определение «целое» становится качественно иным и приобретает какой-то *новый собственный смысл*.

Но, собственно говоря, иначе и быть не могло. Ведь определение «целое» ранее у нас относилось только к психике, взятой отдельно самой по себе в её собственных свойствах, а теперь оно (определение «целое») относится еще и к целостности психики с телом *в характеристиках их совместности*.

Таким образом, именно *совместность* – вот то новое, что формирует новый подтекст смысла «целого» в исходном тезисе после того, как в его смысловую структуру проникло и обосновалось там, понятие о единстве психики и тела.

«Совместность» – это термин, который нов только для нашего исследования, но и вообще для практики подобных работ. А поэтому следует пояснить, что под ним здесь подразумевается.

Что понимается под Совместностью? Под Совместностью будет пониматься *тайна согласованного, гармоничного и естественного взаимодействия психики и тела*. Именно некая тайна. Потому что ни мы, ни кто другой, до сих пор не знает, как взаимодействуют психика и тело, и как это взаимодействие на практике реализуется. Для того чтобы предпринять хоть сколько-нибудь не поверхностный обзор существующих версий, нам всем сейчас пришлось бы взять отпуска за свой счет и сложить их вместе. Поэтому освещать достигнутое в этой сфере мы даже и не попытаемся – его столько же много вообще, сколько мало для пользы.

Но мы всё равно должны разобраться с тем, как существует психика *в качестве целого со своим телом*, потому что без этого исходная проблема нашего исследования – ошибки человека – не может быть решена корректно. Ведь не только психика из своих тайных глубин может приводить к ошибкам тела (любые ошибки совершаются действиями тела), но и тело (кто знает?) может вызывать ошибки психики.

Кто в это не верит, пусть выпьет двести граммов водки натошак, и все аргументы ему откроются сами.

А, поскольку новое понятие Совместности относится у нас к определению «целое», то мы должны сейчас разобраться в том – что же такое психика именно как *целое с телом*?

Итак, что же это за целое, которое образуют психика и тело? Это очень необычное целое, хотя бы потому, что это *живое* целое, которое составляет человека. Таким образом, как любое живое целое, мы будем понимать его в качестве *организма*. Однако это не должно стать для нас физиологическим объяснением, поскольку мы находимся в рамках философских попыток. И, чтобы в этих рамках оставаться, нам следует от физиологического факта отстраниться и определиться – что же такое организм с позиций философского обобщения?

Философски говоря, изначально следует сказать, что организм – это целое, вне которого его части не могут иметь никакого бытия. А если выразиться более тонко и более философски, то организм – это целое, любая часть которого может быть его

составной частью только в том случае, если она не может быть самостоятельным целым без него. Второе определение более точно характеризует еще и части целого, потому что золотой зуб, например, находясь в организме человека, неопишимо украшает его, но не принадлежит этому организму и не является его частью.

Сейчас каждый читатель из двух предложенных выше определений может выбрать себе по вкусу, но в дальнейшем мы должны единодушно отличать организм от любого другого целого именно по этому показателю – по невозможности частей организма существовать без него. Это будет несложно.

В качестве примера отличия просто целого от организма, можно привести такое целое, как статично собранная группа частей (кирпичный дом, например), или такое целое, как агрегат, где части динамически взаимодействуют друг с другом (например, автомобиль). Оба этих целых – не организмы.

Кирпичный дом не организм, потому что он есть целое просто по совокупности своих частей, каждая из которых (любой кирпич) может самостоятельно быть кирпичом и до строительства дома, и после него. Поэтому кирпичный дом не организм.

Автомобиль, же, не простая совокупность частей, он – агрегат, так как все его части работают совместно. Но его части – генератор, колесо, лампочка, провод, болт, винт, поршень, хомут, тяга и т.д. – могут быть самими собой и до автомобиля, и после срока его службы. Поэтому автомобиль тоже не организм, хотя и очень похож.

В отношении же организма следует строго определять, что все его части имеют бытие только в его составе, и *никаким собственным бытием не обладают*. Печень, глаз, рука, мышца, мозг, язык и т.д., всё это при отделении от организма не только автономно не функционирует, но и погибает. Эти части должны быть или в этом организме, или попасть в другой, но сами по себе вне организма они быть не могут.

И, следовательно, если в таком целом, как человек, такие его части, как тело и психика, не могут иметь самостоятельного бытия вне этого целого (вне данного человека), то человек – это организм. Тело без психики погибнет, не способное функционировать, а психика без тела или исчезнет вместе с телом (есть такой простенький концептуальный вариант), или это будет психика без воплощения в каком-либо теле, то есть психика в чистом виде, совсем в другом качестве, душа (здесь концептуальных вариантов не счесть).

В общем, всё это (как вывод) нужно нам пока лишь только для того, чтобы придать беспокойному союзу психики и тела статус организма с философской, а не с физиологической позиции. Всё это пока только лишь для того, чтобы уйти от физиологического понятия организма, которое, хоть и вполне очевидно, но совершенно не связано с сутью наших проблем.

А суть наших проблем состоит в том, что согласованную жизнь психики и тела в человеке мы теперь на всех основаниях можем квалифицировать в качестве организма. И в чем проблемы? Проблемы в том, что мы здесь под «организмом человека» понимаем *некую Совместность* психики и тела, то есть, под организмом понимаются даже не психика и тело вместе взятые, а подразумевается *нечто третье* по отношению к ним: согласованная Совместность их бытия.

Ну и что? В чем же, наконец, проблема? А проблема в том, что *Совместность психики и тела не может быть каким-либо известным нам типом бытия*.

Нам известны два типа бытия: одно бытие идеальное, а другое бытие материальное. Психика выступает представителем идеального бытия, а тело – представителем материального бытия. Но Совместность психики и тела в организме человека не может проистекать из материального бытия, и не может проистекать из идеального бытия. Она должны проистекать из какого-то Третьего Бытия.

Почему именно что-то третье мы определяем источником Совместности организма человека, а не психику и тело вместе взятые? Потому что психику и тело нельзя «взять вместе». Они не могут соединяться вместе или смешиваться друг с другом в совместном бытии. Они не могут образовывать совместность в прямом контакте, потому что они

полностью инобытийны друг другу. Они находятся в совершенно разных и *полностью изолированных*, мирах, не имеющих ни одной точки, способной соприкасаться.

Тело живет по законам физическим, оно пространственно, материально, вещественно и делимо. А психика живет по законам духа, она непространственна, нематериальна, невещественна и неделима.

Поэтому столь разноприродные части не могут соединяться в целое за счет совпадения своей внутренней природы. Они могут это сделать только посредством какого-нибудь внешнего *принудительного* соединения. Столь разноприродные части следует понудить к соединению в целое, ибо по своим внутренним свойствам они не располагают ничем таким, что способствовало бы их к естественному совпадению в одном бытии – *они сами по себе есть два противоположных и несовместимых друг с другом бытия*.

Но это понуждение каждого из них не может быть ни психическим, ни физическим, потому что психическое может понуждать только психическое, а физическое может понуждать только физическое. Следовательно, то, что их понуждает к Совместности, не должно быть психическим, и не должно быть физическим. Оно должно быть чем-то третьим – сверхфизическим и сверхпсихическим, то есть чем-то *высшим* по отношению к ним, способным управлять обоими. Оно (что-то, их понуждающее) должно обладать более высшей, по отношению к ним, природой, способной приказывать и психике, и материи.

Нам ни о чем подобном из опыта нашего скудного бытия не известно, но мы должны это принять, потому что, хоть психическое, хоть физическое, неспособно воздействовать на противоположное себе бытие *напрямую*.

Но, при всём при этом, между психикой и телом существуют отношения явной причинности, где поведение одного мгновенно тут же отражается на поведении и состоянии другого. И, следовательно, отношения психики и тела именно причинны.

Но они не могут быть *прямыми!*

Ведь, то, что имеет силу для духа, то не имеет силы для тела (в смысле прямой причинности), а то, что имеет силу для тела, то не имеет силы для духа (в том же смысле прямого воздействия).

Тело может стать причиной действия только другого тела, а мысль может стать причиной только следующей мысли. Но телесное стать причиной мысли не может – физический объект не может проникнуть в сознание и повернуть там какую-либо вещественную шестеренку – в сознании нет ничего вещественного.

А психика не может приказом своей воли или своим мысленным представлением пространственно передвинуть даже самую маленькую молекулу материи. Но, при этом, неспособная воздействовать даже на самые малые предметы, психика, легко двигает, собственное массивное тело. Эту способность психики произвольно двигать собственное тело Гегель называл не иначе, как магической, потому что прямым, непосредственным приложением физической силы, психика не обладает.

Ничто из этой пары (психика и тело), повторимся, не может быть прямой причиной другому. Поэтому те причинные отношения между психикой и телом, которые, несмотря на это, все-таки, существуют, могут реализоваться только посредством Причины, которая не должна быть психической, и не должна быть физической. Поскольку, будь эта Причина физической, она бы посредствовала только телу, а будь она психической, она бы посредствовала только психике. В любом из этих вариантов организм человека развалился бы, поскольку его Совместность не сложилась бы.

Таким образом, из наших выводов следует, что человеческий организм создаётся и поддерживается в живом состоянии некоей Высшей Причиной, чьё Бытие существует в сфере недоступных нашему опыту определений, потому что наш опыт знает только бытие идеального или бытие физического, а Высшее Бытие этой причины – ни первое, ни второе, а Третье.

Всем сейчас понятно, что мы уперлись в вопрос, который может быть принят или не принят по мировоззренческим, а не по логическим основаниям. Но там, где царствует мировоззрение, не может быть никаких логических аргументов, сколько бы мы на логику не напирали. Никакие логические доводы не способны произвести никаких перемен ни в одной из позиций, если человек не хочет эти доводы принимать и *верит* в другое.

Но у нас никакого расчёта на веру не должно быть с самого начала, ибо с самого начала мы занимаемся только тем, что тренируемся думать познавательно, и не более того. Поэтому, если у нас всё логично, то никаких вопросов, кроме вопросов логического порядка, мы обсуждать не должны.

А если у кого-то, всё еще, остались вопросы, терзающие логику задачами сверки с опытом ощущений, то подобные вопросы лучше перенаправить к самим ощущениям. Потому что тот, кто хочет мыслить познавательно, должен выныривать из опыта накрывших его с головой ощущений. Например, ощущения говорят нам, что Солнце восходит утром над неподвижной Землей и закатывается ночью за неподвижную Землю. Но, помыслив об этом познавательно, мы узнаём об опыте своих ощущений столько необычного, что перестаем принимать их в расчет.

Точно также мы можем не принимать в расчет не только опыт ощущений, но даже и полное отсутствие этого опыта. Это обычный контраргумент против логики – если нет опыта ощущений, то ничего вообще нет, несмотря ни на какие логические предпосылки к обратному. Но этот аргумент слеп к истине, поскольку наличие ощущений совершенно не является критерием реальности события или факта. Давайте, например, вспомним сейчас каждый свою первую учительницу. Быстро произошло, не так ли? Но – сопровождалось ли это какими-либо ощущениями пяти органов чувств? Никакими не сопровождалось. Так что же нам теперь – не верить в то, что в нашем сознании есть огромный фонд воспоминаний, куда кто-то сейчас (в сознании же) сбегал и принес нам нужный файл? А ведь всё это как-то *реально произошло, но произошло это без опыта ощущений*.

Или, давайте, положим в рот кусок хлеба – ощущения подтвердят нам, что у нас во рту есть хлеб. А теперь, давайте, проглотим этот кусок. Немедленно вслед за этим кусок хлеба навсегда исчезнет из любых наших ощущений. Мы не будем больше ощущать его нигде – ни в движении по пищеводу, ни в работе желудка. Так что же – не верить в пищевод и не верить в желудок? Или не верить в то, что там сейчас наш хлеб? Или вообще признать, что хлеба во рту никогда не было?

Следовательно, если не упираться в *сомнительный опыт* ощущений, а говорить только о логичности вывода, то необходимость Высшего Третьего Бытия для совместности психики и тела в организме человека очевидна. Поэтому нам следует уклониться от мировоззренческих споров и заняться тем, чего требует логический порядок нашего исследования.

А этот порядок требует, чтобы мы сейчас же занялись определением функции тела, ибо это диктует нам метод философского обобщения, за который мы продолжаем крепко держаться.

Однако функция тела, как части человеческого организма, у нас теперь должна, с точки зрения совместности этого организма, рассматриваться только согласованно с функцией психики, а функция психики, как части человеческого организма – только согласованно с функцией тела. Отдельной и независимой функции *в целях организма* у них быть не может.

И какова может быть вот эта их *совместная функция*? Она проста – взаимодействовать с внешней средой.

Организм вообще сам по себе существует для взаимодействия с тем, что его окружает. Организм – это согласованное взаимодействие его собственных частей для оптимально продуктивного общения с внешней средой. И если внутри самого организма всё упорядоченно за счет Совместности, то вне себя организм встречает поток случайных изменений. И всё случайное вовне себя организм обязан превращать в упорядоченное

внутри себя. И, собственно говоря, это и есть основная функция организма, основная совместная функция психики и тела – упорядоченно размещать человека в случайном бытии.

Мы и раньше исходили из того, что функция – это способ размещения в бытии, и теперь должны исходить из того же. И поэтому, как функцию психики, так и функцию тела *для организма* мы должны понимать в этом главном назначении – оптимально взаимодействовать с внешней средой.

И тогда, посмотрев на эту совместную функцию тела и психики в этом аспекте, мы должны будем признать, что здесь определенный приоритет есть у тела, поскольку это именно тело взаимодействует с внешней средой, а психика осуществляет деятельность уже ответную, призванную осмыслить опыт тела и определить надлежащий режим поведения.

Таким образом, подфункция тела в составе совместной его функции с психикой, нам становится ясной до предела – тело как воронка вбирает и пропускает через себя весь окружающий мир, чтобы предоставить его психике. Для этого в теле существует пять центров пропуска (с пятью вахтерами – пятью органами чувств), в которых физический мир преобразуется в психический, редактируется и запускается в зону интеллекта – туда, где физический порядок мира будет воспроизводиться в идеальных законах сознания.

Таким образом, психика получает через тело в своё распоряжение весь физический мир и познаёт его.

Тело для этого устроено оптимально, потому что, как мы помним, интеллект, чтобы наполняться содержанием, должен наткнуться на что-то внешнее себе, и на этом внешнем себе, как на экране, он должен увидеть самого себя, вступившего с этой средой в познающие отношения. Но представим себе экран всего мира, на который натолкнулся бы интеллект без тела – интеллект просто растекся бы по этому безбрежному экрану и потерял бы в этой необъятности связь вещей. Без тела, в котором весь мир сжимается до предельно сконцентрированной картины всего пяти родов ощущений, этот бескрайний мир был бы слишком велик и слишком *разнороден* для интеллекта, чтобы тот мог воспринять мир в целостности, как объект, доступный познанию.

Таким образом, тело – это зона качественного перехода физической Вселенной в психический мир человека. *Тело – это преобразователь физического в психическое.* В этом состоит его функция, и, если говорить о приоритете этой функции в совместной функции психики и тела, то у функции тела есть *приоритет первого контакта* с физическим миром, приоритет первого знакомства с материей.

И что из этого? Зачем мы это выяснили, и что нам из этой приоритетности первого взаимодействия с материей?

В этом для нас есть очень много важного, поскольку из этого факта проистекают те самые казусы телесной обусловленности сознания, о которых был намек в начале главы.

Что это за казусы?

Это казусы того, что *приоритет телесного в первом узнавании мира переходит в приоритет телесного во всём нашем мышлении.*

Именно из-за того, что первое знание о мире телесно, нашим понятиям всегда ближе приоритет телесного, чем приоритет идеального. Именно поэтому нам всегда легче поверить во всё физическое, чем поверить во что-либо идеальное. Физическое нам более сопричастно по внутреннему впечатлению, и более несомненно по логике происходящего. Законы сознания и законы логики для нас не столь очевидны, сколь очевидно что-либо телесное. Например, твердь земная под нашими ногами для нас более очевидна, чем твердь воздушная под крылом стотонного самолета, потому что твердь земную мы воспринимаем телесно, а твердь воздушную лишь логически понимаем.

Внешнее и физическое более несомненно для нашего внутреннего мира, чем что-то психическое в нём самом, потому что источник наполнения нашего внутреннего мира – интеллектуальный, но момент *первого обнаружения* интеллектом своей работы –

физический! И поэтому, как бы моментально не становились все наши физические ощущения психическими актами, всё равно для психики родоначальным фактом любого знания всегда является нечто физическое, ибо мир входит в интеллект *через физические сигналы тела*.

Они, эти физические сигналы тела, *извещают* интеллект о наличии мира. По сути говоря, именно они, эти физические сигналы, делают для интеллекта мир *известным*. И только потом уже интеллект узнает самого себя в этом мире, и только потом ему становится известной собственная личность («вымышленное Я»).

И поэтому, в силу того, что *первым источником всего известного* для интеллекта всегда является нечто физическое, весь порядок частных понятий, которыми наполняется мышление, всегда будет содержать для психики *первоначальную правду известности телесного, известности физического, известности материального*.

Итак, источник наполнения интеллекта телесный по первоначальной природе, и от этой телесной природы интеллект далее никогда не избавляется в мысленном созерцании и себя, и мира.

А в чём, всё-таки, те самые казусы, которые из-за этого происходят?

Чтобы ответить на это, вспомним, чем закончилась наша предыдущая глава. Мы остановились на том, что интеллекту недоступен вход в «истинное Я» и поэтому, если оттуда будут идти какие-то команды, противоречащие осознанным намерениям человека, то интеллект этого не отследит. Зато (отметили мы), интеллект легко может отследить любое вмешательство в зоне «вымышленного Я», где эти команды должны найти исполнителя и реализоваться. Интеллект должен легко это сделать, поскольку «вымышленное Я» это продукт развития интеллекта, и в этом продукте для него прозрачно всё.

Но (завершили мы всё неожиданным утверждением) именно подобного рода тайные процессы сознания постоянно и ежесекундно протекают в зоне «вымышленного Я», то есть на территории полного контроля интеллекта, но он их не замечает. Как (спросили мы) это происходит? Это происходит в теле (ответили мы).

И казус в том, что для интеллекта всё телесное настолько несомненно в своей правде, что он в полном доверии именно к этой территории не видит той власти, которую получило и которую реализует в его теле совсем иное сознание.

Казус в том, что очевидность тела, как объекта физического, и, следовательно, абсолютно истинного для интеллекта в своей правде, играет с интеллектом злую шутку – именно в теле орудует и делает то, что захочет, какое-то другое сознание, которого интеллект не видит.

Казус в том, что, проникни что-либо чужое в его собственную психическую природу, интеллект это отринул бы и взбунтовался, но интеллект настолько доверяет поведению тела, с которым связан, что не видит, как его телом на его же глазах командует кто-то, но совсем не он.

Не верите? Встаньте, и пройдите до дальнего угла комнаты, а затем вернитесь, и сядьте снова, прочитав при этом какое-нибудь четверостишие Пушкина. Пока ваш интеллект читал Пушкина или вспоминал какую-нибудь другую виршу – кто командовал движениями тела и кто выполнял всё задуманное в его последовательности? Интеллект в это время стихи читал. Телом воспользовалось какое-то иное сознание.

Вы думаете, что в этом виноват Пушкин? Совершенно зря. Если бы интеллект вообще знал, как его тело может ходить, то он создал бы нечто, подобное этому, и заставил бы ходить роботов. Но интеллект не только не может создать ничего, даже близкого этому, он даже не знает, как вообще можно силами сознания управлять шагающим телом. И поэтому азимовская концепция шагающих роботов, как слабо продуманная и полностью фантастичная, прочно сменилась концепцией роботов на колесиках, стационарных, гусеничных и т.д. Любых, только не шагающих. Потому что

для того, чтобы какое-то тело могло шагать, должна происходить такая *текущая сознательная работа*, которая недоступна никакому человеческому представлению.

Шагающий человек – это не результат рычажно-опорных операций конечностей, это результат безостановочного и сознательного принятия решений, в процессе которых учитывается всё – от кривизны поверхности и наклона тела, до профиля каблука и подошвы. Человеческий интеллект даже в слабом виде не способен представить себе тот уровень сознания, которое обеспечивает такие операции, как ходьба, бег, прыжки, игры с мячом и т.д.

Передвижение на ногах осуществляется именно *оперативной* сознательной деятельностью, и невозможно себе представить тот объем сознательной работы, который совершает какое-то сознание в нашем теле, когда человек идет или бежит. По всем законам физики площадь человеческих ступней не смогла бы удерживать тело вертикально, даже если бы человек просто стоял. Даже эта задача – создать робота, который свободно и непринужденно стоял бы, как человек, например, на сильном ветру с порывами, требует дать этому роботу такое аналитическое сознание, которое было бы способно ежесекундно решать объем задач, недоступный окончательному подсчету.

Математическое обеспечение координации равновесия и двигательных функций, аналогичных человеческим, по своей виртуозности и сложности не имеет ничего даже отдаленно равного даже в самых смелых мечтах человека о каком-то «умном приборе» или о каком-то «искусственном интеллекте».

Это, так сказать, верхний предел, о котором интеллект не может даже и мечтать.

Но есть и обыденные примеры, когда телом командует некое сознание, а интеллект этого не замечает. Допустим, мы едем с работы домой, и ведем автомобиль. Пошел дождь, возникли пробки, передвигаться приходится медленно и монотонно. Интеллект начинает уходить в различные размышления, и погружается в воспоминания о том, как у тети Даши, после смерти дяди Коли, был дядя Костя, но она за него так и не вышла, а у него еще такая рубашка была в клетку, ковбойская, такие рубашки сейчас на ретрофотках о Голливуде можно увидеть, эти мужественные квадратные подбородки с сигарами и тexasские шляпы, а дамы все такие однолицые – гримеры рисовали им одинаковые губы и глаза, все со взбитыми прическами, но все какие-то возрастные, как минимум за тридцать, или это только впечатление от экрана, футболисты тоже, как посмотришь, все мужики за сорок, а им едва за двадцать, очевидно экран старит или делает более зрелым, но мучающиеся ерундой интеллигенты, наоборот, выглядят мальчиками, наверное, экран вытягивает что-то из внутреннего состояния, даже обаяние в противовес чертам лица, говорят актеры в жизни уродливы, например, этот типаж Бельмондо – некрасивое лицо, но, сколько симпатии, совсем как у этого итальянца, который с перебитым носом, Лино Вентура, он еще вместе с Алан Делоном в «Искателях приключений» там целый остров купили, а на острове стоит средневековый замок, в котором остался арсенал вермахта, гранаты и прочая амуниция, а подруга у них поп-артом увлекалась, собирала с помощью газовой горелки скульптуры из металла, на поп-арте тогда все помешались, время было сумасшедшее, сплошные революции, в Китае культурная, в Европе сексуальная, во Франции студенческие бунты, в США расовые волнения, какой-то перелом в эстетике жизни, и поп-арт тоже бунтарская идеология, а не мещанская, как фэнь-шуй, который тоже ищет смысла в формах предметов быта, но только добавляет туда еще и дешевые выдумки, а куда им деваться, пахотной земли на весь Китай 4%, вот и сделали такой кооперативчик безделушек на весь мир, чтобы выжить, а шутки-шутки, у них теперь денег больше всех, новая мировая политическая сила со своими узкими задачами и понятиями, не способными ассимилировать больше нигде, кроме как в экономике и в ручных поделках... и т.д.

Вся эта внутренняя пустопорожняя болтовня настолько захлестывает интеллект, что поглощает всё его внимание и полностью выключают из происходящего на дороге.

Через тридцать-сорок минут, *очнувшись*, мы замечаем, что, оказывается (по логике вещей), каким-то, *не вспоминаемым образом*, доехали, припарковались, поставили на сигнализацию, взяли портфель с документами и подошли к дому, потому что уже надо набирать код подъезда.

Всю дорогу мы включали и выключали дворники, нажимали и отжимали кнопку омывателя, открывали и закрывали печку, объезжали лужи, останавливались на красный, трогались на зеленый, тормозили и ускорялись, поворачивали и объезжали, переключали, пропускали и перестраивались, и вообще выполняли массу действий, которые имели сознательную адекватность текущей ситуации, но *наше сознание* в это время занималось только проблемой дяди Кости и прочих воспоминаний. Управляло автомобилем в кошмарной обстановке дождливого вечера какое-то иное сознание. Не наше. Наше было занято совсем другим.

Не убедительно?

Тогда еще один пример – вы переходите дорогу на оживленном месте. Где притормозив, где, наоборот, припустив побыстрее, вам удастся не только быстро оказаться на противоположной стороне, но еще и вскрыть на ходу упаковку жареных семечек, пробежав параллельно глазами только что купленную, программу телепередач. При этом интеллект не проводил никаких математических расчетов для сопоставления скоростей проезжающих автомобилей и не прокладывал никаких оптимальных маршрутов – он читал программку. Но, пока он читал телепрограмму, какое-то сознание всё подсчитало и перенесло вас через проезжую часть максимально оптимально. Да к тому же, это сознание вскрыло упаковку с семечками и здесь вообще наступает апофеоз слепоты интеллекта, не способного увидеть, что в его теле есть кто-то еще.

Давайте мысленно сейчас представим, что мы вбросили в рот семечку подсолнечника. *Проконтролируйте*, как толстый язык подхватывает маленькую семечку и разворачивает её таким образом, чтобы с космической точностью поставить вертикально и по центру давящих поверхностей зубов: *проконтролируйте*, как произведен сложнейший и тончайший расчет усилий, с которыми несколько раз необходимо воздействовать на корпус семечки, чтобы скорлупа треснула, а зерно осталось неповрежденным; *проконтролируйте*, как произведен расчет тех микронов, на расстоянии которых остановились зубы от зернышка, разломив скорлупу; *проконтролируйте*, как язык аккуратно очищает сердцевину от скорлупы, а затем поднимает это маленькое зернышко и вкладывает его точно между жевательными поверхностями зубов (а параллельно удаляет плевком скорлупу); *проконтролируйте*, как рассчитывается сила жующего нажатия, как снимаются, перегруппировываются и вновь возвращаются языком на жующую поверхность кусочки зернышка и т.д.

Даже наблюдая всё это своим сознанием, вы этого не можете проконтролировать – не успеваете, поскольку сложность этих сознательных операций выше возможностей вашего интеллекта. Вы это просто наблюдаете, *Присутствуете при чужой работе*. А если начинаете вмешиваться, то попадаете в ступор – не справляетесь.

А теперь представьте *своим интеллектом*, какое нужно программное обеспечение тому манипулятору, который этот интеллект, возьми, да и надумай построить по образцу поедания *только одной стандартной семечки*. Только для одной! А теперь, пусть этот интеллект представит себе манипулятор, способный универсально и естественно, как читающий человек, *неосознанно* разгрызать и перетирать любое количество любых семечек из мира семечек, где каждая своим размером, формой и твердостью непохожа на другую...

И, что же? Если интеллектом не контролируется работа *какого-то тайного сознания* даже в тех операциях тела, которые соответствуют его намерениям и вкусам, то разве смог бы интеллект проконтролировать что-либо в операциях этого сознания, не соответствующих никаким его намерениям? Никогда не смог бы. Тем более что об этих операциях он уже и не предполагал бы – они ведь тайные.

Вот поэтому мы иногда говорим: «рука сама дернулась, ноги сами повернули, зачем кнопку нажал – сам не пойму, как успел руль вывернуть влево – до сих пор удивляюсь, как стакан с чаем из рук выскользнул – ума не приложу, зачем отвертку в пиджак положил – убей, не помню, а она, вот, пригодилась и т.д.».

И вот он окончательный казус нашего бытия – правда телесного настолько мнится интеллекту правдой безо всяких сомнений, что, он, не исстрачивая никаких собственных усилий на жизнь тела и на многое в его поведении, не способен спросить у того, кто это делает вместо него – «кто ты?». Чем не казус?

Может возникнуть подозрение, что всё вышесказанное содержит начала неприемлемых подходов, которые нельзя применять к обыденным и простым вещам. Какие в этих простых вещах могут быть тайны? Но подобный затертый взгляд на обыденные вещи возможен *только потому, что всё, что видит наш глаз, мышление уже не считает тайным, потому что наш глаз видит только телесное*. И это для мышления есть главный казус стратегии обработки информации – когда мышление видит нечто телесное, оно уже не допускает в этом никакой тайны, даже если всё это от начала и до конца – сплошная тайна.

Подобное обесмысливание происходящего прямо на наших глазах – это самое фееричное шоу по самообману, исполняемое везде, где есть человеческое сознание.

И поэтому многие люди не могут преодолеть самообмана и полагают, что всё, касающееся обычных вещей, не может быть тайной.

Зато многие люди полагают, что они могли бы сейчас назвать ответственного за всё, происходящее в нашем теле. Они просто-таки рвутся сейчас объявить, что знают ответ на вопрос: «кто ты?».

Но прежде, чем принять от них этот скоровременный ответ, ознакомимся еще с одной главой.

Глава 11. Подсознательное, досознательное, сверхсознательное и даже совсем не сознательное, бессознательное

Никогда не заставляйте грешить человека сознательно. Он легко справляется с этим бессознательно.

История знает немало странных примеров, когда в человеческом обществе вдруг начинает витать, а затем получает всеобщее расположение, какая-либо теория, достаточная в своих обоснованиях только для болвана. Обычно в центр этой теории водружается некая совершенно дикая концепция, пришедшая ниоткуда и ведущая в никуда, но за счет особой примитивности она легко прилипает к массовому сознанию и начинает широко в нём укрепляться.

Несмотря на полное отсутствие каких-либо, подтверждающих её фактов, подобная теория неудержимо популяризируется, и в итоге получает такое господство над умами, что закабальет даже самые светлые из них.

В конце концов, неясная никому до конца, концепция, начинает настолько приниматься в качестве само собой разумеющейся, что сомневаться в ней становится несогласно традициям общественного мнения, а если кто-то и вздумает усомниться, то его тут же или опозорят, или пристыдят или поступят с ним так, как не хватает даже сейчас лексикона, чтобы квалифицировать это прилично.

И, несмотря на то, что любому, вникающему в логический строй этой теории, приходится серьезно деградировать, чтобы что-то там принять, высокое общество не успокаивается в привязанности к ней до тех пор, пока не пропитает ею какие-либо атрибуты своей культуры чуть ли не с религиозным оттенком.

Этот причудливый обычай известен всем народам и всем цивилизациям.

Неглупые ацтеки и майя верили, что белый человек бессмертен, а образованные эволюционисты думают, что от обезьяны произошли даже неглупые ацтеки и майя, на континенте которых вообще никогда не было никаких обезьян.

Неглупые европейцы (включая и королей!) верили, что можно придумать камень, который сможет из любого металла сделать золото! А их образованные потомки верят в расшифровку генома человека! Если отстраниться от предметности этих верований, то по своей сути это одно и то же, только слегка наоборот – одни честно полагали, что чудеса может творить необычный камень, а другие полагают, что чудеса могут творить обычные молекулы.

Некий великий народ еще в двадцатом веке (до 1945 года!) считал, что их император – живой бог, пока император не выступил по радио и не признался в обратном. А другой, столь же великий народ, когда-то полагал, что живые боги обретают на вершине высокой горы Олимп.

С богами вообще происходит нечто невообразимое, если они подпадают под ту или иную хорошую теорию. Например, с высоких гор они могут попасть в камни. Как может жить бог в камне? А, как хочет, так пусть и живет – есть теория, предписывающая ему жить именно там, и какие у него могут быть вопросы, если есть такая теория?

А если, вдруг, есть другая теория, то боги из камней могут переселяться в тесные святилища, или даже в ящички на носилках. Можете себе представить подобного горемычного бога, вынужденного ютиться в маленьком ящичке? Но и он подчиняется теории.

Однако по большинству теорий, богам, все-таки, предписывается сидеть на облаках, как на подножиях своего трона, или же, по особому оргнабору (другими теориями), забираться с пожитками на какое-нибудь седьмое небо или в какую-нибудь Гиперуралию. Здесь, как теория Богу положит, туда Он и пойдет. Никуда не денется. А есть теория, которая готова распределить Бога малыми дозами по душам всех и каждого на Земле, и даже по душам тех, кто не достиг призывного возраста. Бывает и такое, если

создавать теорию по принципу экономии ума. Да и вообще – мало ли, куда можно поместить такую полезную вещь, как Бога! Лишь бы была теория.

И если даже боги подчиняются всякому маразму, то люди и подавно. Перелистайте историю моды, и вы увидите, как над огромными массами просвещенных (!) людей периодически нависает неумолимая обязанность подчиниться тому или иному изобретению – надеть на себя что-то невообразимое, или сделать со своими волосами что-то противоестественное, но соответствующее неуклонному установлению текущего момента. Вспомните, например, что умнейшие люди своего времени носили жабо. А умнейшие люди другого времени надевали парики с буклями и посыпали их пудрой!

И хотя никто не знает, откуда приходят подобные позорные приказы, но никто не смеет им прекословить. Ни король, ни мудрец, ни простолудин, ни президент корпорации, ни владелец банкирского дома. Такова сила теорий, которые ни на чем не основаны.

Плохо, конечно, когда есть такие, никуда не пригодные, теории. Но хуже всего, когда пригодность подобных теорий вдруг выявляется в тех областях, о которых даже и не помышляли их творцы. Это хуже, потому что в этом случае никуда не пригодная теория создает новый обычай интеллектуальной жизни, который требует понимать теперь любую исследовательскую деятельность как форму приобщения именно к этой теории. Эта патология возникает по очень простой причине – придя откуда-то, где эта теория явно непригодна, она ничем не демонстрирует свою несостоятельность в новых условиях, потому что её не к чему напрямую применить. Но зато она приносит с собой таинственный шлейф большого объяснительного потенциала: «А... это то, что перевернуло все устои в области... и т.д.». Так, обычно, отзываются об этой теории, не представляя себе, ни устоев, ни области, ни обстоятельств переворота, ни самого факта переворота, связанного с этой теорией.

Человек что-то такое *слышал понаслышке* про те области, про которые ему стыдно признаться, что он в них мало понимает, и поэтому он считает, что лучше поддакивать, чем нарушить последнюю благопристойность и потребовать разъяснений.

Так происходит прививка глупости к головам совсем не глупых людей.

Дальнесрочные последствия этого всегда печальны.

А происходит это, чаще всего, в том случае, когда какая-либо нестройная и невнятно изложенная концепция запоминается каким-либо броским термином, который никем не понят, но всеми принят по удачному звучанию. И вот, благодаря тому форсу, который исходит от звука этого термина, последний начинает приклеиваться к истолкованию всего того, что находится близко к тем проблемам, в системе которых он возник. Первое время все благосклонно привыкают к присутствию этого термина именно в системе его первоначального применения, а затем начинают потихоньку навешивать его вообще на всё, что нуждается в какой-либо звучной терминологии.

Развитие этого интересного процесса завершается тем, что за термином начинает признаваться право объяснять что-то такое, что он должен объяснять, несмотря на то, что никто так и не знает, что вообще означает сам этот термин. Именно вот это композиционное изящество в применении термина забавнее всего: никому не понятно, что сам этот термин означает, но все им что-то объясняют, поскольку так установлено – объяснять именно этим термином то, что принято объяснять именно этим термином. Почему – никто уже не задумывается.

В лучших случаях на этом держится какой-нибудь очень распространенный прием стыдливого замещения чего-то непонятного каким-либо научным словом. Так произошло, например, с тем явлением, которое обозначается словом «инстинкт». Все знают, что означает это слово с точки зрения лексической семантики, но никто не знает, что такое инстинкт с точки зрения реальной физиологии.

До сих пор нигде не объяснено ни чудо врожденности инстинкта, ни сам механизм принудительных связей сознания с очерченными рамками того или иного поведения. Не

объяснено главное – как сознательное поведение одновременно является неосознанным? Но зато есть это очень удачное слово – «инстинкт». Хорошее слово, которое создаёт видимость знания и расхолаживает исследователей. Потому что – зачем исследовать сам инстинкт как чудо, если он дан как хороший термин?

Но совсем плохо, если первоначальный смысл термина поначалу искажается, далее слегка изменяется, а затем и вообще теряется настолько, что он превращается в некий расплывчатый знак каких-то сфер, в которых его применение должно устранять любую непонятность одним лишь своим появлением. Тогда – беда. Потому что именно в данном случае никто уже не знает ни того, что объясняет этот термин, ни того, что означает сам он, но все знают, что если налепить его на что-то непонятное, то это непонятное тут же делается как бы понятным.

Именно так и произошло с термином «бессознательное», о котором в заключительной фазе предыдущей главы подумали девять десятых читателей, если число читателей этой главы выражалось цифрой с нулем на конце.

«Кто ты?» – наконец-то (по мнению автора) должен, спросить интеллект у того сознания, которое управляет «неосознанным» поведением его тела. Но некоторые читатели готовы были сразу же ответить и автору, и его интеллекту: «Это же бессознательное! Кто же этого не знает?!».

Вот пример того, как термин не только ничего не объясняет, но и сам означает то, что неизвестно уже никому.

Главный творец понятия «бессознательное», философ Иоганн Готлиб Фихте, и помыслить себе не мог, что это слово спровоцирует столько перевозбужденных идей сначала в философии, а потом и где угодно. У Фихте «бессознательное» привлекалось для оправдания его трудно понимаемой и сомнительной идеи, что у вещей нет бытия, независимого от сознания. Для этого Фихте пришлось объявить, что собственное «я» человека бессознательно конструирует в *подсознательных* глубинах своей психики всё то, что есть «не-я». То есть весь окружающий мир.

Как видим, «бессознательное» – это не природой данное понятие, а тот самый термин, который может быть дан мысли по самопорожденным основаниям, которые не кажутся необходимыми. И, поскольку этот термин был дан мысли, но ни в чем конкретном себя не осуществлял, то вся его темная бездна начала втягивать в себя всё, что тоже хотело подпадать под правило об отсутствии самостоятельного бытия у природных объектов.

Первым в бездну всосало философа Фридриха Иоганна Йозефа Шеллинга, который из слишком общих рассуждений, но, используя это новое слово – «бессознательное» – сделал таинственный вывод о том, что природа и сознание это, в сущности, одно и то же, потому что природа была создана *досознательным бессознательным* самотворчеством духа. Не спрашивайте у меня, как это бывает, потому что Шеллинг и сам был бы счастлив ответить на этот вопрос. Однако Шеллинг, хоть и был далеко не новатором в применении слова «бессознательное», но обошелся в его доказательствах настолько без излишеств, что слово «бессознательное» прижилось в умах еще крепче, а растревожило их еще больше.

Может быть поэтому, отставной военный Эдуард Гартман, чья великолепная по стилю рассуждений книга «Философия бессознательного» имела необычайный резонанс, решил наделить «бессознательное» очень конкретным и очень предметным перечнем обязанностей. «Бессознательное» у Гартмана – это *сверхсознательная* воля, которая имеет представление о том, что она хочет не только в отношении человека, но и относительно всего мира, потому что – это именно «Бессознательное» создало данный мир, обладая сверхмировой природой и, находясь в стороне от мира. А, раз уж «Бессознательное» создало этот мир, то не бросит же оно его теперь, как есть! Вот и приходится Бессознательному заниматься всеми текущими делами этого мира, в том числе и текущей жизнью человека – наделять его инстинктом, половым чувством, материнской любовью, помогать интеллекту в тяжелые минуты предчувствиями, руководить процессами

мышления, нашептывать человеку мистические ощущения высшего, вкладывать в дух человека понятия о красоте и давать ему способности к творчеству.

То есть (обратим внимание), Гартман вообще убрал «бессознательное» из человеческого сознания, и дал ему самостоятельное метафизическое бытие в стороне от человека и даже в стороне от всего мира. И сделал он это по основному и единственному соображению того, что поступки и настроения человека являются необъяснимыми с точки зрения их внятных источников в человеческой воле.

Так началось использование модного слова, вне зависимости от того, что оно обозначало когда-то раньше во взаимно сотрудничающих концепциях Фихте и Шеллинга. Началась самостоятельная жизнь термина, в которой он уже оборачивается на каждый свист.

Свистнули из психотерапии, в которой Иосиф Брейер создал теорию, согласно которой нервные расстройства – это последствия замещения нереализованных влечений. По Брейеру некоторые влечения не могут реализовываться из-за своей постыдности, а некоторые невозможны просто по каким-либо практическим препятствиям, и поэтому энергия этих влечений *неосознанно* живет в психике и создает внутренний конфликт, который, затем, накапливается и бессознательно разряжается в виде психических извращений или нарушений работы некоторых органов.

Иосиф Брейер был гипнотизером, и ему удавалось убедить человека под гипнозом раскрепоститься и реализовать запретные влечения, пусть не в жизненной практике, но хотя бы в своём сознании. Для этого Брейер начинал копать в памяти загипнотизированного пациента, чтобы выявить в ней моменты первого появления симптомов недуга. Добравшись, таким образом, до событий, которые сопровождали эти первые симптомы, Брейер убеждал пациента пережить эти события по-новому, как якобы осуществившиеся в полном соответствии с запретными влечениями. В результате этих, наведенных гипнозом, переживаний, симптомы исчезали.

Это был клинический приём, который реально снимал некоторые виды психических изломов и неврозов человека.

Ученик Брейера, Зигмунд Фрейд, решил перенять этот удачный приём, но гипнозом он не владел. Поэтому Фрейду пришлось докапываться до причин заболевания методом «свободных ассоциаций», то есть анализом того, что первым брякнет пациент на какой-нибудь интересный вопрос. Например, если пациент сказал, что его нервирует «пенистость» пива, то метод «свободных ассоциаций» включает пересчетную схему и подсказывает особо проницательному психотерапевту, что слово «пенистость» сказано совсем не про пиво, а про пенис (п е н и с-тость), потому что пиво – это только прикрытие, только *неосознанное замещение* истинной причины волнений этого пациента.

Таким образом, если у Брейера ассоциации были прямыми, так как он отыскивал причину болезни непосредственно в анналах памяти (человек под гипнозом не способен лгать), то у Фрейда ассоциации были не прямыми, они были только лишь «свободными» догадками, что вызывало необходимость создания хоть какой-либо теории, способной опереться в расшифровке ассоциаций на хоть какой-нибудь корректный метод, чтобы хотя бы не из каждой пенистости выводить п е н и с-тость. Так из психотерапии возник психоанализ.

Позже Фрейд на несколько месяцев поехал в Париж учиться гипнозу, а заодно и слушать лекции знаменитого Жана Мартена Шарко, который излагал собственную теорию ассоциаций между симптомами и их причинами. Шарко утверждал, что странности в поведении невротиков можно вполне уверенно соотнести с особенностями их половой жизни.

Не научившись гипнозу, но, наслушавшись психосексуальных идей (Париж!), Фрейд понял их преимущество перед расшифровкой «свободных ассоциаций», и вцепился мертвой хваткой. Еще бы – сексуальные мотивы хорошо вписывались, как в теорию Брейера о замещении запретных влечений, так и в теорию Шарко о соотнесённости

странного в психике человека со странностями в его половых предпочтениях. Теперь не только гипноз не нужен, но и свободные ассоциации можно свести только к вопросам пола.

Так, например, если маленький мальчик панически боится лошадей, то у него есть заветное желание переспать со своей мамой (действительный случай фрейдовской диагностики!). Именно в этом логическом порядке, а не наоборот. Потому что каждый мальчик хочет свою маму, но не каждый из-за этого боится лошадей. Тут ничего не должно переставляться местами. Всё должно быть без путаницы.

И чтобы путаницы не было, появилось еще одно «бессознательное», благо, этот термин в то время раздавался отовсюду (книга Гартмана выдержала 10 изданий только при его жизни!). Но это было уже фрейдовское «бессознательное», которое стало теперь не областью подсознания в сознании (Фихте), не досознательной деятельностью сознания (Шеллинг), не сверхсознательным источником Мировой Воли (Гартман) и не бессознательной областью памяти о негативных переживаниях (Брейер) – это очередное «бессознательное» было зоной *сексуальных инстинктов и внутренних конфликтов (Фрейд)*, располагающихся где-то в глубинах человеческой психики.

Теперь код расшифровки странных поступков стал двоичным – или подавленные сексуальные мечты, или, загнанные в темные углы подсознания, внутренние конфликты между дурными наклонностями и приличиями.

И тогда, если капитан норвежского парохода самым безобразным образом, практически намеренно, налетел на французский корабль и загнал тому в борт свой форштевень, то тут и долго думать не надо: норвежец – скрытый гомосексуалист, а его сознание чурается этого факта и вытесняет его в «бессознательную» область психики, где заветное желание, вроде бы, и забывается, но воздействует оттуда на душевное состояние, стремясь, всё-таки, реализоваться. И вот, вытесненная в сферу «бессознательного», гомосексуальная наклонность норвежского капитана, невротически реализовалось, подсознательно подтолкнув его исполнить этот, столь очевидный в своём эротическом облике, акт запретного совокупления: алчно устремленный на француза воображаемый бушприт, азартный бросок, разверзшийся борт и праздничный момент проникновения в его глубины...

Это и есть фрейдовский психоанализ «бессознательного» на идеях Шарко.

Или, взять французского капитана. Он, ведь тоже болен! Нагородить все эти стальные бочки друг на друга, навалить их с такой увлеченностью и с таким возбуждением везде и всюду, *где нельзя* – это не что иное, как последствия внутреннего конфликта в сфере «бессознательного» его психики. Если бы француз, загодя перед рейсом, лег на диван психоаналитика, то они совместно выявили бы, что в детстве капитану запрещали играть с собственными фекалиями (прошу прощения у читателя), и поэтому он столь невротически поддался этому мучительному и сладкому зову из «бессознательного», начав наваливать горкой то, что нельзя наваливать горкой, там, где вообще ничего нельзя наваливать (мы сейчас про бочки с бензолом в неположенных местах, если читатель еще не запутался в психоанализе).

А это фрейдовский психоанализ «бессознательного» на открытии Брейера.

Всё это стало невероятно популярно от Европы и до Америки, потому что в эпоху викторианской стыдливости и строгого христианского воспитания идея вытеснения половых влечений в бессознательное имела хорошую подпитку в общественном табу на многое, что потом со временем стало совершенно обыденным.

И поэтому, когда новая жизнь показала, что сексуальные запреты ушли в прошлое, а все, якобы связанные с ними, невроты, остались, то новые деятели психоанализа стали стыдливо замещать фрейдовское «бессознательное» иными толкованиями, понимая его, всяк во что горазд: то, как область скрытых чувств властолюбия и честолюбия, то, как зону тоски по смыслу жизни, то, как всезнание обо всем, то, как орган, ответственный за сохранение душевного равновесия, то, как систему генетических импульсов из

наследуемых структур мозга, то, как общее поле сверх-Я и осознания, то, как психическую перводействительность людских мотивов и переживаний, то, как просто психическую жизнь, происходящую без участия сознания, то, как сферу мечтаний, галлюцинаций, сновидений и ассоциаций, вызывающих возбуждение, то вообще как бесполезную выдумку, как, например, у Сартра.

Дорогой читатель, а какое из этих понятий ты хотел мне предложить, когда вознамерился назвать «бессознательным» то удивительное сознание, которое ежесекундно управляет твоим обменом веществ, твоей кровеносной системой, движением твоей лимфы, координацией твоего зрения и слуха, твоим вестибулярным аппаратом, системой теплообмена, фагоцитозом, прохождением нервных импульсов, и вообще всей химией и физикой твоего организма?

Разве что-либо из того, что понималось выше под «бессознательным», можно отнести к этому великому труженику, чья разумная деятельность ни на мгновение не останавливается и ежесекундно принимает невероятное количество решений, обеспечивающих неподсчётное количество точнейших и сложнейших операций жизнедеятельности твоего организма?

Ни одно из значений слова «бессознательное», которое существовало когда-то и которое существует теперь, не соответствует описанию того, что совершается в нашем теле. Потому что внутри тела всё происходит сознательно, а не бессознательно. Тело это не камнедробилка и не дизель-агрегат, где всё запускается и происходит однообразными циклами. В теле всё происходит *по ситуации*, и, следовательно, всё происходит не просто разумно, а *сознательно* – то есть с оценкой текущей ситуации и с принятием текущего решения, соответствующего моменту.

Дорогой читатель, попробуй вспомнить известную игрушку, в которой маленький металлический шарик спрятан под стеклом, а тебе надо его загнать в центр лабиринта, держа игрушку в руках. Сядь поудобнее, и попробуй своими собственными руками загнать этот шарик в центр, а потом, подави истерику, и рискни встать, чтобы пройти несколько шагов, удерживая этот шарик всё в том же центре. И ты воочию увидишь, сколько разумных действий тебе придется пережить в этом неудачном предприятии. А потом вспомни, как ты идешь и на ходу читаешь документ. Вспомни, и отдай должное тому сознанию, которое держит шарики зрачков в твоей дергающейся голове точно в центре лабиринта скачущих букв, так, как будто это совершенно плёвое дело.

Вспомни, и отдай должное этому Сознанию. В том смысле, что никогда больше не называй его «бессознательным».

Глава 12. Происхождение

Я не вижу смысла в спорах о происхождении человека, ибо, как мне кажется, все спорящие правы – и те, кто чувствует себя потомком обезьяны, и те, кто ощущает себя творением Бога.

Если больше нет оригиналов, способных называть какое-либо сознание «бессознательным», то мы можем приступить к решению вопроса о происхождении того сознания, которое проявляет себя в нашем теле.

Зачем нам это нужно? Ну, работает какое-то сознание в нашем теле, и пусть себе работает. Кому это мешает?

Никому не мешает, если все готовы с совершенным самообладанием принять весть о том, что работающего сознания не бывает без воли, и, следовательно, обнаруживая в своём теле иное сознание, мы обнаруживаем в действиях своего тела чужую волю.

Подобный вывод, хоть и приведен несколько телеграфным языком, но вовсе не похож на серийное изделие, не так ли? И поэтому (в виду чувствительности вопроса) проверим всё по порядку.

Вспомним о том, что для нас в процессах жизнедеятельности тела всё полностью таинственно. Например, каждую секунду некий сознательный процесс поддерживает постоянную температуру тела и учитывает при этом не только колебания окружающей среды, но и собственную теплопродукцию организма. По всему телу разбросаны тепловые датчики, которые передают в гипоталамус сводку температур, а в самом гипоталамусе проходит постоянно действующее совещание, которое выносит резолюции, а затем спускает их в органы терморегуляции. Всё это не прекращается ни на мгновение даже тогда, когда мы спим, находимся в обмороке или в пьяном забытии. Какое-то сознание внутри нас всю эту работу проделывает и, благодаря этому, несмотря на все внутренние и внешние изменения теплового режима, наше тело имеет одинаковую температуру.

Как объясняют нам это современные физиологи? Вы сейчас не поверите, но они объясняют это саморегуляцией. То есть – *само происходит*. Впрочем, это обычное объяснение материалистической науки.

Ничего не напоминает? Совершенно верно – это то же самое, что и «бессознательное», только набранное другими буквами: «саморегуляция».

Как вам такое объяснение?

Оно максимально бессмысленно. То есть полностью бессознательно.

Потому что даже в описании процесса терморегуляции, который предлагает материалистическая наука, ничто «само» не происходит – за это отвечает определенный участок мозга, который принимает управленческие решения.

А, разве можно сказать о чём-то, что оно происходит «само», если в нём присутствует сбор информации, осмысление ситуации и выбор адекватной ответной реакции? Если поток информации превращается в запрос, запрос оборачивается задачей, задача требует действий, а текущие результаты этих действий находятся в постоянном режиме обмена с центральными целевыми установками, то – какая это саморегуляция?!

Если мы не хотим принимать этого забавного объяснения (саморегуляция!) для сложнейшего и эффективнейшего функционирования не только терморегуляции, но и всех других процессов организма, то мы должны понимать, что никакой саморегуляции никаких процессов жизнедеятельности быть не может вообще, поскольку вся деятельность тела есть результат непрерывного и разумного отклика на текущую ситуацию, который переходит в неожиданное и сложное поведение еще более сложных систем, которые, в свою очередь, не просто работают, а работают удивительно слаженно друг с другом по перенастройке своих параметров только потому, что они вдруг получают *идеально представляемую цель*, сверяясь с которой, они совместно подтягивают состояние

тела к некоторому моменту, который будет соответствовать *мысленному проекту* этой цели. Во всём этом есть *мысленное предвосхищение цели, потому что эта цель представляет собой физическое состояние, которого пока еще нет в текущем опыте тела.*

Кто мыслит?

Например – откуда организм знает, что обильное выделение пота именно в этой дозе приведет его к нормальному температурному состоянию? Организм не проводил никаких пробных опытов или поисковых экспериментов, и, следовательно, он знает о преимуществах этого состояния не по пробным результатам физического опыта, *а с р а з у*. Поэтому он смело меняет нынешнее, физическое состояние (пока еще ничем ему не угрожающее) на то состояние, которое есть только некоторый *теоретический образ будущего*.

Откуда у организма это знание о будущем?

Терморегуляция далеко не самый сложный процесс живого организма. Остальные процессы жизнедеятельности также проходят очень точно и очень выверено, подстраиваясь под некую абстрактно заданную цель без практической апробации её результатов – в полной (и всегда правильной уверенности), что это *будет* именно то, что нужно. Организм очень точно *представляет* себе, как и почему смена какого-либо текущего состояния будет лучше способствовать его жизнедеятельности.

Откуда?

Когда Петр Кузьмич Анохин объявил, что в организме существует некий аппарат предвидения результата и назвал его «акцептором результата действия», то советское научное руководство ему очень быстро указало на подрыв материалистических основ теоретической физиологии и лишило всех постов и званий. Карательные события произошли, несмотря даже на то, что Анохин облек свой «акцептор» в очень материалистическую оболочку: «акцептор» не дан Богом, а выработался в процессе эволюции, и поэтому является только лишь средством саморегуляции.

Но любому инквизитору было ясно, что если подобной «акцептор» *обладает собственной памятью, проводит анализ текущей ситуации, сличает полученные данные с установочными образами, а затем подчиняет поведение тела идеальным стандартам теоретически заданного результата*, то в этой картине отсутствует даже отдаленный отзвук саморегуляции. В этой картине – дьявол идеализма!

Потому что, если нет саморегуляции, то нет никакого материалистического объяснения перескокам организма из одного состояния сразу в другое, минуя линейные стадии подбора пробных приспособлений.

Но материалистического объяснения этого чуда, кстати говоря, нет и при использовании понятия саморегуляции, поскольку любая саморегуляция – это всё равно процесс сознательный. И когда указывают на промышленные образцы различных систем, способных автоматически поддерживать какой-либо заданный параметр (тот же терморегулятор, например), то, забывают, что все эти системы автоматического регулирования – *являются продуктами разума*. Они созданы разумом и настроены разумом.

Следовательно, всё то, что происходит в организме автоматическим порядком, всё то, что называется словом «саморегуляция», должно происходить в нём тоже благодаря предварительным разумным настройкам его автоматики. Так что понятие «саморегуляция» не обеспечивает никакого материалистического объяснения даже только самого себя.

Но, если с понятием «саморегуляция» материалистического объяснения нет просто так, то без этого понятия материалистического объяснения нет уже настолько, что надо лишать постов и званий. И поэтому Петр Кузьмич с поста директора Института Физиологии Академии Медицинских Наук СССР сразу же перешел работать туда, где труднее – аж завкафедрой физиологии мединститута крупного мегаполиса, города Рязани.

В общем, это хороший пример саморегуляции какой-то сложной системы, еще раз убеждающий, что любая саморегуляция требует предварительного вклада в её процессы какого-то сознания. Сам бы П. К. Анохин без вклада в этот процесс какого-то чужого сознания не снял бы с себя все научные звания и не переместился бы в Рязань автоматически.

Но лишай постов, или не лишай, а именно так и происходит в природе, поскольку, организм, имея текущее физическое состояние, вдруг *получает понятие* о цели нового состояния, достичь которого сумеет только где-то в будущем, подчиняясь серии тончайше выверенных и разумных команд.

Около 95% процессов жизни человеческого тела, действительно, являются следствием вот таких тончайших и разумно выверенных приказов по осуществлению новой деятельности тех систем, которые вообще неподотчетны нашему интеллекту.

Но мы, на основании только лишь того, что эти приказы отдаются сугубо для нашей пользы, полагаем, что они отдаются сугубо нами.

Это наивный самообман. Совсем не наше сознание командует телом, предвидя полезный (или не полезный) результат той или иной команды.

Потому что признак собственности на сознание, сертификат на владение сознанием – это наличие воспоминаний. Что вспоминается, то и произведено нашим сознанием, а что не вспоминается – то дело не нашего сознания. Об этом можно спорить довольно долго, если измерять аргументацию количеством применяемых аргументов. Но если исходить из качества аргументов, то другого критерия на владение сознанием, кроме критерия памяти, не существует.

А мы не можем ни разу вспомнить, как и через что в нашем теле, например, мы покраснели или вспотели – мы видим лишь конечный (внешний) результат, а сам процесс телесных операций (внутренних) от нас скрыт. Результат вспоминается, а процесса в памяти нет, и, следовательно, это процесс не нашего сознания.

Точно также у нас нет никаких воспоминаний о работе вестибулярного аппарата, сердечно-сосудистой системы, нейрогуморальных взаимодействий, систем производства крови, обмена веществ и т.д. Информационная насыщенность и степень разумности этих процессов настолько велики и существенны, что недоступны пока ни одному из электронных аналогов, но... наш интеллект и наша память не имеют об этом не только воспоминаний, но даже никаких *собственных* понятий. Все понятия изъяты из практики исследовательских приборов, то есть, получены из внешнего наблюдения за внешним.

Под гипнозом память человека творит чудеса и предоставляет ему подробнейший отчет о том, чего в обычном состоянии он бы никогда и не вспомнил. Например, каменщик может описать структуру не только швов, но и каждого отдельного кирпича в той кладке, которую он возводил 20 лет тому назад. Невероятно? Ничего невероятного – эта деятельность была интеллектуальной, и «вымышленное Я» очень старалось: водило рукой с мастерком, рассматривало кирпичи, работало расшивкой и т.д., и поэтому в памяти всё это сохранилось.

Однако ни один загипнотизированный еще ни разу не вспомнил, как и что внутри его тела куда пошло и что сделало, чтобы, в ответ на эмоциональное переживание в его теле произошли: симметричное учащение дыхания, прилив адреналина, повышение мышечного тонуса, расширение зрачков, нервное подрагивание конечностей, раздувание ноздрей, пересыхание во рту и т.д. Всего этого в памяти интеллект нет.

Потому что – откуда? Интеллект этим никогда не занимался.

Но кто-то же этим занимался, раз уж все эти процессы так строго соответствовали эмоциональной остроте переживания? Если они произошли не случайно, а в строгом соответствии с остротой переживания, то какое-то сознание этим занималось или прямо сейчас, или предусмотрело подобное в настройках организма заранее – ведь во всём этом видно не стихийное, а строго порционное возбуждение или торможение различных систем, осуществленное точно по градусу необходимости.

А что касается тех ситуаций, которые подпадают под приведенные некогда нами примеры «неосознанного» автовождения, чтения на ходу или поедания подсолнечной семечки, то эти ситуации вообще напрямую свидетельствуют о выполнении неким сознанием операций высокого умения именно сейчас, потому что это не какая-то автоматическая реакция на повышение CO_2 в крови, например, вызывающая учащение дыхания. Нет, здесь всё происходит в «режиме реального времени», поскольку настроить организм заранее на нечто подобное невозможно – параметры не могут быть известны.

И, опять же, здесь интеллект (если читатель не забыл о сути примеров) вообще был занят совершенно другим. Поэтому работало какое-то иное сознание.

Однако у многих сейчас уже возникло серьезное возражение – мол, интеллект может отрывочно вспомнить различные моменты езды домой, или некоторые эпизоды того, как семечка вертелась на зубах, и, следовательно, каким-то краем это именно интеллект осуществлял все эти операции, но не чужое сознание.

Да, интеллект может вспомнить то, или это. Но всё, что вспомнит интеллект в этих случаях и вообще везде – это будет не более того, что он вспомнит вслед за тем, как, допустим, подаст команду собственному пальцу согнуться, и тот послушается. Что здесь вспомнит интеллект? Он вспомнит свою команду и вспомнит, как согнулся палец. А что было между этим? Не согнулся же палец силою мысли! В теле происходит очень много существенно сложного и существенно разумного для того, чтобы подобная задача совпала с результатом, но *это для интеллекта происходит в полной для него неизвестности*.

Потому что между мыслью на приказ и действием, исполняющим этот приказ, для интеллекта лежит провал полной неизвестности. Я могу произвольно заставить своё тело делать то, что я захочу, но я не знаю, как это происходит – мой интеллект видит только сигнал к процессу и только результат действия, а сам процесс, само действие, совершается в тайне от интеллекта. Потому что в этом провале неизвестности, там, где совершается действие, и куда интеллекту доступа нет – иной владелец. Там иное сознание.

И поэтому все обрывки воспоминаний интеллекта, хоть о езде домой, хоть о съеденной семечке, будут относиться опять же только к внешним результатам тела, но не к тем процессам внутри тела, которые до микронов руководили движением, или до минимальных долей силы проводили механическое усилие. И, что особенно интересно, провал контроля для интеллекта здесь еще более обширен – если в обычной ситуации провал начинается сразу же после команды, то в случаях неосознанного сложного поведения провал накрывает интеллект даже те моменты, в которых он подает команды. То есть – даже команды здесь подавались не самим интеллектом. Какое-то сознание его еще и подстраховывает.

Как видим, при всём богатстве выбора, альтернативы у нас нет – процессы сознательные, но наш интеллект в них не участвует. А если есть сознательные процессы, но наш интеллект не имеет к ним никакого отношения, то, следовательно, эти сознательные процессы исполняются иным сознанием. Не нашим. Это естественный вывод. Другие версии можно создавать только искусственно.

Например, можно обратиться к такой искусственной версии, как «подсознание», которое традиционно понимается, как особого рода, всё знающее, сознание, *неподконтрольное интеллекту*. Но процессы тела – это не то, что можно потребовать от подсознания в качестве отчета, даже если допустить, что подсознание существует. Те закрома памяти, которые раскрываются гипнозом и которые относят к подсознанию, никаких сведений о процессах тела в себе не хранят. Обо всём знают эти таинственные закрома (даже прошлые жизни помнят), но только не об этом. О процессах жизнедеятельности тела они стыдливо молчат, не имея никакого понятия.

Сегодня понятие подсознания стало чем-то вроде древнеегипетского жука-скарабея или индийской священной коровы, поскольку требует такого же безотчетного поклонения по приблизительно тем же основаниям. Но, даже если соблюсти этот странный обычай и признать, что подсознание существует в виде сознания, неподконтрольного интеллекту, то

из какой такой логики тогда это сознание должно принадлежать той психике, к которой принадлежит интеллект, *если интеллект это подсознание не контролирует?* С какой такой стати?! Если интеллект не контролирует какое-либо сознание, и даже не видит его, а лишь предполагает его по результатам той работы, которая произошла в его теле, то с какой стати это сознание надо вообще считать своим, а не чужим? Так *противоестественно* путаться в своём и в чужом, может только идея, произведенная по по идеологическим установкам. Иных оснований не видно. Как и версий.

Не свернем же мы всё это опять на одно из понятий «бессознательного», более или менее близкое по месту постоянной прописки к недоступным глубинам человеческой психики! Потому что, тот отдел психики, который находится под погонами бессознательного, ничем нам здесь не поможет – его содержание относится к уже пережитому и является хранилищем прошлого опыта. Причем опыта не простого, а негативного, задавленного в это хранилище еще одним цензурным отделом психики, Бог весть, откуда взявшимся. Тут действительно, с ума сойдешь, если только начнешь думать о подобной склоке внутри себя.

Но даже без разворота к проблемам внутренних конфликтов, совершенно непонятно, как распознавал бы этот отдел психики что-то новое и неизвестное, если бы он не имел об этом понятия заранее. То есть, наоборот, очень даже понятно – он никак этого не распознавал бы. Действовал бы методом проб и ошибок. Но организм никогда себя так не ведет. Он заранее знает, что и как он должен сделать, чтобы получить тот результат, который поставлен. Те процессы, которые неподотчетны интеллекту, выгодно отмечены тем, что никогда не спотыкаются о неизвестность. Они заранее осведомлены о том, что должны сделать и где остановиться.

А если организм заранее знает о результате, к которому он сейчас начинает вести тот или иной длительный процесс, то должен быть и носитель этого знания. А любой носитель любого знания – это какое-то сознание. Но это не наш интеллект, поскольку исполнение процессов не зависит не только от работы интеллекта, но даже от его осведомленности о них.

Обратим внимание на то, что если интеллект некоего человека не знает и не желает вообще знать, как у него, например, физиологически происходит процесс пищеварения, то это совсем не означает, что, восполни он этот пробел в знаниях, и пищеварение у него сразу заработает намного лучше. Ничего подобного.

Нет ни одного физиологического процесса и ни одного телесного органа, узнав о котором что-либо такое из анатомии или нейрофизиологии, можно было бы усовершенствовать его работу. Любые знания, которыми пополнится интеллект из области анатомии или нейрофизиологии, не будут способствовать даже такому простому и ясному делу, как обычное движение собственной рукой.

Человек может знать, что происходит в органах его движения и координации, а может и не знать, но всё это никак не скажется на степени овладения им собственным телом. Потому что тело – это совсем не то, что подчиняется интеллекту и совсем не то, что хоть как-то зависит от него.

Кроме всего прочего, сознание, которое работает в теле – это *не продукт развития человеческого организма*, потому что обмен веществ, например, нужен организму изначально (как и система дыхания, кровообращение, пищеварение, механизмы выделения и т.д.). Организм новорожденного ничуть не проще организма взрослого человека, и никакого времени на выработку этих функций у него нет. Они сразу должны быть или до реального опыта жизни, или никакого опыта жизни вообще никогда не состоится.

То есть, то сознание, которое, или руководит жизнедеятельностью организма в реальном времени, или заранее настроило автоматику его процессов – дотелесно.

В общем-то, если бы не те самые казусы приоритета телесного для нашего сознания, о которых мы говорили выше, то данный факт для нас давно стал бы само собой

разумеющимся. Потому что наука давно выявила неспособность человеческого тела хранить в себе то количество информации, которое необходимо для его текущей жизнедеятельности. Это величайшее открытие давно уже потеряло свою эмоциональность из-за частого употребления, но наш разум усваивает его до сих пор очень плохо. Наш разум, например, очень хорошо усваивает, что вся та пища, которая необходима нашему телу на протяжении жизни, в теле разместиться не может, и поэтому она находится вне тела (на полях, на пастбищах и на складах). Но буквально это же самое относительно исполнительной информации, необходимой телу *каждую секунду*, усваивается нашим разумом со скрежетом. Причем скрежет преобладает. Потому что поля, пастбища, и продукция на складах телесны и хорошо воспринимаются разумом, а природа информации не телесна, и разум не способен даже приблизительно осилить те поля и те пастбища, на которых должна располагаться та рабочая информация, которая минимально необходима, чтобы его тело работало прямо сейчас.

Потому что для разума, где тело, там и правда, а эти вселенские поля и склады информации, которые нельзя разместить в материальных носителях его тела – ну, так и что ж... Как-то ж это ж происходит... А раз это как-то происходит, то как-то ж это ж происходит... Какие тут могут быть тайны, если это происходит *в теле*?!

Пелену телесного наваждения в мышлении преодолеть трудно.

Но для нас это должно быть трудностями, не относящимися к делу, поскольку, если немного превозмогать реликты собственного сознания, то становится вполне очевидным следующее: сознание, которое управляет телом, согласно научным исследованиям, находится *полностью* вне тела, потому что информационные ресурсы собственного тела вообще не имеют никакого веса в системе того информационного обмена, который постоянно происходит в его структурах.

Таким образом, сознание, которое этот информационный обмен проводит, находится вне тела. А раз уж подобное сознание пребывает вне тела, то оно должно быть и до тела, потому что тела без него не может быть и полсекунды. Ведь не может же тело сначала появиться, а потом востребовать информацию для своей жизнедеятельности – это ясно даже медицински, а не только логически, потому что без информационной организации тело не оформится. Тело это не какая-то, раз и навсегда выделенная под него часть материи – молекулы материи пролетают сквозь тело, как капли дождя сквозь раду, и только благодаря некоему информационному принуждению, эти универсальные молекулы мира выстраиваются в теле особым порядком и становятся его индивидуальными молекулами на время полета сквозь него.

Поэтому сначала должна быть информация, которая способна строить тело и обеспечивать его жизнедеятельность, а уже потом и само тело.

И здесь совершенно очевидно, что обо всем, об этом, мы уже недавно говорили, когда рассматривали таинственную природу Совместности, заставляющую тайным для нас образом работать и дух, и материю в едином организме человека. Теперь понятно, что данная Совместность – это и есть та исполнительная информация, через которую некое Сознание строит наше тело и обеспечивает его сочетание с духом. И, если мы в своё время определили, что Совместность организма проистекает из Третьего Бытия, то и то чуждое Сознание, которое работает в нашем теле, мы также должны признать относящимся к Высшему Третьему Бытию.

Таким образом, мы определили происхождение Сознания, работающего в нашем теле. Оно – инструмент Высшего Третьего Бытия, создающего Совместность организма человека.

И, тем самым, мы определили (получается) и происхождение и самого человека – человек дитя Высшего Третьего Бытия, Которое создает его организм, воплощенный в согласованном единстве процессов психики и его тела.

Определить происхождение человека – это совсем неплохо, и такое случается не каждый день, но что дает нам это в свете нашей текущей задачи? А это еще раз, но уже с

указанием объекта принадлежности (Третье Бытие), ставит перед нами тот тяжелый вывод, с которого мы (в неполном его виде) начали главу – если какое-то Сознание в нашем теле неподконтрольно нашему интеллекту, то и Воля Этого Сознания также неподконтрольна нашей воле.

Глава 13. Марионетка

Если у кого-то внутренняя жизнь действительно многослойнее того, что видно по первому взгляду, то это всегда у марионетки.

Итак, мы определили происхождение Сознания, работающего в нашем теле, и теперь из темных глубин логической необходимости на нас выплыло известие о том, что у любого сознания должна быть воля. По иному не бывает. Вернее, какое-либо особое сознание (чисто теоретически), может быть, и обошлось бы без воли, но только не то Сознание, которое мы сейчас имеем в виду. Потому что Сознание, о котором мы сейчас говорим, *работает*. А это уже само по себе есть признак воли более очевидный, чем любые теории об этом. Без воли ничто работать не может.

Кроме того, если это Сознание работает, то Оно (что нами особо было отмечено) имеет представление о цели, а выбор цели тоже означает работу воли, поскольку ум может указать только на возможности выбора, но непосредственно осуществить выбор может только воля. Когда ум покажет набор вариантов, он удалится, а воле придется от чего-то отказаться, а на чём-то остановиться.

После выбора цели начинается сосредоточение на усилиях к её достижению, что есть также волевой акт. Ум здесь должен встрепенуться и напрячься, чтобы дать самому себе команду к действию, потому что созерцание закончилось, и началась работа.

Подача команды к действию означает наличие созревшего решения, что тоже есть выражение волевого намерения. Сами действия, которые после этой команды начнутся, есть этапы движения к будущему, в которых должен происходить (и происходит) последовательный контроль за приближением фазовых состояний к намеченному итогу, что, в свою очередь, есть проявление такого волевого психического состояния, как внимание.

Таким образом, вся работа сознания происходит в союзе с волей. Причем, если можно теоретически допустить версию, что познающее сознание может быть лишенным воли, то работающее сознание вообще невозможно представить безвольным даже в самом широком допущении. Ибо, если познающая деятельность сознания может быть трактована как самопроизвольное и естественное его состояние, не имеющее волевых корней, то практическая деятельность сознания должна и может осуществляться только отдельными волевыми актами: избрать объект, осуществить выбор, принять решение, запустить процесс, проследить порядок дел, дать новую команду и так далее по цепочке необходимого.

И, помимо всего прочего, если у познающего сознания центром его отношений с внешним объектом является данномоментное состояние этого объекта (какой есть сейчас, таким его сейчас и познаю), то у работающего сознания центр отношений с объектом перемещен в будущее – каким *хочу* его видеть, таким его и сделаю. А там где есть «хочу», там есть стремление, а само стремление есть непосредственно одна из форм воли.

Любое сознание вообще действует только потому, что оно наделено волей. Без воли любое сознание может только созерцать, но работать оно не может, поскольку любое действие есть момент подчинения воле. И, если мы видим разумную деятельность, то она всегда есть следствие какой-то разумной воли.

Мы можем допустить только один вид рабочего сознания, способного (вероятно) обходиться без воли – это инстинктивное поведение. Но инстинктивное поведение относится к уже предустановленным настройкам организма, где когда-то воля сознания уже проявила себя в выборе наиболее оптимального режима действий, и теперь просто законсервирована в мониторинге ситуаций и в приступах деятельности по наступлению нужного момента.

Подытоживая сказанное, следует сказать, что в нашем теле работает не только неподконтрольное интеллекту, чужое Сознание, но и действует неподконтрольная нашей воле, чужая Воля.

Именно этот факт нам далее придется признать как нечто, чего, по-видимому, быть не должно, но что, всё-таки, несомненно, есть.

Итак – почему чужая воля в нашей психике недоступна нашему контролю? Потому что всё, что тёмно для рассудка, то с неизбежностью тёмно и для воли. Что не видит мысль, то не может подчиняться и воле. И, следовательно, если чужое сознание гуляет, где хочет в нашем теле, то и чужая воля вполне незаметно может разгуливать в этом теле. И здесь, как наш интеллект не увидит присутствия чужого сознания, так и наша воля не обнаружит себе соперника – всё произойдет там, где всё надежно скрыто.

И чему же тогда удивляться, если полный светлых планов на жизнь, водитель, выруливает под грузовик, а полный завтрашних надежд, человек, сегодня хватается за смертельно оголенные провода?

Чему удивляться, когда капитан корабля совершает маневр за маневром, каждый из которых лишь приближает его к катастрофе? Чему удивляться, когда вообще какой-либо человек в восторге перспективной задумки планирует нечто, способное лишь погубить его в самом скорейшем времени?

Тут вовсе нечему удивляться, поскольку чужая воля может самоуправно внушать нашей воле исполнение абсолютно любых собственных планов, если эта чужая Воля принадлежит Сознанию, мощь которого неисчислимо превосходит все возможности нашего интеллекта. Ведь совершенно естественно, что несравнимо более мощное Сознание должно соответственно обладать и несравнимо более мощной Волей.

Но как именно это происходит? А вот так и происходит, самым наглядным для нас образом – разве хоть кто-нибудь из нас способен дать полный отчет любому мотиву своего поступка? Например – почему мне этот человек *сразу* не понравился, а тот *сразу* понравился?

Разве мы контролируем хотя бы вот такие простые мотивы нашего поведения? И разве *нашей* воле они подчиняются? Нет, не нашей. Потому что, если бы нашей, то мы знали бы четкую и понятную историю этого мотива. Или могли бы изменить его на противоположный. Ни того, ни другого мы, ни знать, ни сделать, не можем.

Но подобными нерегулируемыми мотивами определяется всё наше поведение! Мы игрушки мотивов, причины которых нам неизвестны, и против которых у нас нет никаких сильнодействующих средств! Разве всё это не навязывается нам чем-то, что мы не контролируем? И что же, кроме чужой воли, может навязать нашей воле манеру поведения? Только воля способна подчинять волю.

И где искать эту тайную волю? Волю следует искать там, где есть сознание, поскольку любая воля сознательна. И если мы нашли тайное Сознание, и нашли Его не где-нибудь, а в собственном теле, то зачем искать где-то в другом месте тайную Волю?

Но, как этой Воле удастся незамечено подчинять наше сознание? А, Бог его знает! Это же тайна! Здесь можно только плодить оригинальные версии, любая из которых не будет окончательной. Потому что это тайна.

Это вечная тайна, а с вечными тайнами так всегда и есть – чем ближе ты к ней подходишь, тем больше вопросов у тебя появляется. И так до бесконечности. Таковы вечные тайны.

Например, можно предположить, что процессы тайного Сознания идут на других скоростях и поэтому нашему сознанию они незаметны. То есть, в шкалу времени этого тайного Сознания диапазон нашего времени попадает, а Его время (время тайного Сознания) в шкалу наших ориентиров – нет. Оно за диапазоном нашей шкалы. Это вполне реально, кстати, поскольку, попробуйте, например, мимоходом прыгнуть через длинную лужу на бордюру дороги, и у вас подготовка к этому прыжку не займет *ни какого времени*.

А теперь попробуйте представить себе, сколько *реального времени* пришлось бы затратить вашему собственному сознанию на то, чтобы теоретически рассчитать параметры этого прыжка: рассчитать дистанцию, силу прыжка, высоту, траекторию, место приземления, точку на ступне для приземления, выделить момент, когда следует вскинуть руки для толчка, а когда эти же руки должны гасить импульс прыжка и начать работу по удержанию равновесия со всеми невозможными мелочами их движения по высоте, по углу размаха; рассчитать работу вестибулярного аппарата, дыхания, зрения, каждого сухожилия и т.д. и т.д. что страшно даже перечислять.

Сравните *никакое время* работы того Сознания, которое между прочим обслужило этот прыжок, с количеством того времени, которое угробило бы на расчеты ваше собственное сознание (если бы вообще справилось), и вы увидите простую разницу, которую нашему разуму даже нечем понять. Он может её только признать, что – да, такая разница есть. Но понять всю глубину и весь масштаб этой разницы разум не сможет – он пойдет вразнос и рассыплется, если проявит настойчивость в погружении в эту вселенскую несопоставимость.

Поэтому, возможно, мы просто не видим процесса воздействия чужой Воли на нашу волю из-за скорости этого воздействия, и видим только результат – готовое настроение, готовое убеждение, непонятно откуда взявшиеся мечты, побуждения, предубеждения, порывы, наклонности, близость к определенным чувствам и т.д. Когда летит пуля, мы её тоже не видим, хотя она летит прямо на наших глазах. Мы видим только результат – скорость пули не входит в систему мер и весов нашего зрения. То же самое может происходить и тогда, когда наша воля незаметно обрабатывается буквально «на наших глазах».

А может и не на наших глазах. Ведь всё наше психическое самоощущение – это ряд последовательных переходов через провалы беспомыслия. Это и сон, и трансовые состояния, которые коротко, но наступают у каждого человека *каждый час* на какое-то количество секунд. Ни во сне, ни в ежечасном трансе, человек не осознает происходящего со своей психикой и не помнит ничего из того, что с ней происходило. Эти моменты бытия собственной психики для человека полностью не существуют!

Таким образом, бытие здорового человека представляет собой пунктир, в котором отрезки беспомыслия чередуются отрезками самоконтроля.

С чем соотносятся все эти отрезки бытия, и что делает их цельным представлением о единой индивидуальности собственного «Я»? Ведь все эти эпизоды бытия должны сводиться к чему-то общему, на линии которого эти отрезки появляются и исчезают. Кто-нибудь может гарантировать, что на этой общей линии, в тех местах, где находятся отрезки беспомыслия, с нашей психикой никто ничего не делает? Никто.

Можно предложить еще один вариант, например – работа чужого тайного Сознания идет в обратном направлении ходу работы нашего сознания. В буквальном смысле. Пространственно. Ведь способность сохранять в нашей памяти последовательность процессов объясняется динамической поляризацией нейронов мозговой коры, то есть тем, что по цепям нейронов импульсы протекают только в одном направлении, и поэтому человеку не удастся прокручивать ленту воспоминаний назад. И, следовательно, можно предположить, что как раз «назад» по тем же самым нейронам идут процессы тайного Сознания, и поэтому они идут прямо по головам наших психических ощущений, но мы этого не замечаем. Чем не версия?

Нормальная версия, и сильно ошибается тот, кто полагает, что число подобных версий может быть конечным. Однако ни одно из доказательств этих версий никогда не будет достаточно строгим, а любой контраргумент на это доказательство никогда не будет единственно возможным. Потому что это тайна. Вечная тайна. Не забывайте, что это Воля Третьего Бытия, Воля Высшего нам Бытия, не определимого никакими известными нам понятиями. Так, какими же понятиями вы хотите определить детали Его работы?!

Правда, когда-то малосведущие люди считали, что скрытые мотивы поведения человека находятся в подсознании его психики, или в её бессознательной сфере. Впрочем, они и сейчас придерживаются того же мнения, и не скоро его оставят. Однако мощная традиция этого мнения ничем серьезным, кроме факта постгипнотического внушения, не подкреплена. И это является наиболее странным, ибо придумать что-то, более противоречащее самим идеям подсознательного или бессознательного, чем факт постгипнотического внушения, трудно даже специально!

То, как постгипнотическое внушение было истолковано в пользу подсознательного и в пользу бессознательного – это один из самых ярких примеров массового невроза, охватившего науку в поисках только материального объяснения тайн.

Факт постгипнотического внушения состоит в том, что загипнотизированный человек получает от гипнотизера инструкции, которые он, после пробуждения, исполняет, как свои собственные. Подобных экспериментов много, и они достаточно системны, но именно первые из них натолкнули пионеров психоанализа на удивительную идею о подсознательной работе психики. При этом самое удивительное, что в самих экспериментах не было ничего, что могло бы сбивать степенный ум с пути естественной оценки происходящего на путь его мистификации. Эксперименты очень очевидны и очень просты для анализа.

Например, гипнотизер внушает человеку, что тот должен завтра, в 13 часов 45 минут, войти в кабинет № 135 определенного офиса на определенной улице, и отдать там свой зонт человеку за третьим столом слева от окна. После пробуждения человек ничего не помнит об этом внушении, а все, кто об этом знают, сохраняют в тайне. Иногда такие дела требуют тайны. Дело доходило даже до услуг нотариуса, который подтверждал, что все, осведомленные о сути задания, до конца эксперимента пребывали в одном помещении и без контакта с испытуемым. Иногда такие вопросы требуют еще и нотариуса.

И вот, этот испытуемый, ничего не зная о том, что вчера ему внушили, сегодня, вдруг, вскидывается, бросает все свои дела, хватается зонт и, точно к указанному сроку, в точно в указанном месте, с облегчением вручает его непонятно кому. При этом несчастный совершенно не допускает, что всё это было ему внушено гипнотизером – он действует в полном подъеме собственных намерений и с очень острым порывом исполнить их наилучшим образом. Как для себя.

Отсюда титанами психоанализа был со всем тщанием сделан вывод о том, что подсознание человека может формировать вот такие тайные мотивы, а затем оттуда незаметно дергать собственное сознание на совершение того или иного рода поступков, неосознаваемых по мотивации. В общем, всё, как это и бывает у человека во всем его поведении – безотчетно.

Однако – при чем здесь подсознание? Откуда здесь вообще это слово, и откуда здесь вообще эта идея, если говорить именно об этих экспериментах (или подобных им)? Общение гипнотизера с каким-то подсознанием, если говорить именно об этих экспериментах, является событием фантастическим и допускаемым кем-то из взрослых людей по соображениям таинственным и не очевидным. А вот общение реального гипнотизера с *реальным разумом реального человека* здесь событие действительное, которое даже ребенок способен описывать кругом общепризнанных понятий.

Поэтому, если рассматривать постгипнотическое внушение в качестве механизма внушения психике человека чужих (по мотивам) побуждений, то здесь налицо некая физиологически обеспеченная возможность *полного и незаметного управления человеком со стороны какого-то иного ему разума*. Больше в этом эксперименте, если видеть только то, что происходит перед глазами – ничего и нет! Здесь один разум подчиняет своей воле другой разум просто по скупой хронике действительных событий.

В данном случае волей человека управляет сторонняя воля гипнотизера, но что мешает это сделать сторонней Воле того стороннего Сознания, которое разгуливает по нашему телу?

Ничто не мешает. Потому что там, где обретают это Сознание, и там, где работает эта Воля, там хозяина (интеллекта данной личности) нет, и можно творить, что хочешь. Гипнотические эксперименты лишь демонстрируют, как это происходит. Они лишь показывают, как работает этот механизм. Причем, этот механизм настолько нагляден в своей очевидности, что какая-то иная его интерпретация, кроме как в качестве демонстрации законспирированного *подчинения одной личности воле другой личности*, вообще не может иметь никакого места.

Однако – нет! Ограниченное материалистическими пределами, мышление, без всяких церемоний заявляет, что данные примеры показывают лишь то, как внутренний подсознательный отдел нашей психики формирует тайный массив побудительных намерений для сознательного отдела *нашей же* психики.

Это – гипнотизер, что ли, в ботинках, в костюме, с лысиной и с часами на ремешке, есть «внутренний подсознательный отдел нашей психики»?!

Каким образом в фактах постгипнотического внушения кому-то удастся увидеть толкотню каких-то внутренних отделов в одной психике – загадка, более непостижимая, чем сама психика со всеми её тайнами!!!

В этих опытах видна очень простая, очень четкая и очень недвусмысленная расстановка двух психик: *какая-то обособленная психика подчиняет своей воле другую психику*. Здесь одна личность подчиняет другую личность извне этой личности, стоя прямо перед нею в ботинках, в костюме, с часами и т.д.

Почему это понимается как пример внутренних взаимоотношений подсознания и сознания в пределах одной личности?!?!?!?

Отвечать на этот вопрос и не пытайтесь, поскольку любые ответы на него приведут к неприемлемым выводам, а замешательство только возрастет. Лучше принять здесь логически единственное и логически естественное объяснение, заключающееся в том, что наша психика вполне очевидно может подчиняться какой-то другой психике, *не осознавая этого ни на секунду*.

Если в картину постгипнотического внушения не привносить ничего из своей головы, а видеть в ней только то, что происходит на самом деле, то очевидности этого вывода больше ничто не угрожает, и мы его оставляем.

А, оставляя этот вывод, мы, следовательно, совершенно не исключаем и вероятность того, что человек вообще всю свою жизнь может находиться под каким-либо постоянным внушением, то есть под тайным управлением со стороны. Человек вполне может быть марионеткой чужих целей, и всю свою жизнь задорно и тщательно исполнять чужие задачи, понимая их как свои, кровно заданные.

Это совсем не тот вывод, который способен сегодня непомерно возгордиться человека, не правда ли? Однако, как мыслящее существо, мы должны гордиться именно подобными выводами, потому что, если марионетка понимает, что она марионетка, то она уже не марионетка. И может этим гордиться.

Понимаем и гордимся.

И что же дальше? А дальше – всё. Можно закругляться. Версия о возможности тайного влияния на психику человека обоснована, работа закончена и можно начинать праздничные бесчинства с этим известием на устах.

Однако всем сейчас понятно, что анатомия момента просто-таки ноет незавершенностью и требует продолжения исследования до той поры, пока не будет окончательно решен вопрос о Третьем Бытии.

Этот вопрос не ставился в изначальные планы исследования, но приступить к нему требует даже простая добросовестность. Потому что – нельзя же вот так вот холодно остановиться прямо перед Этой Тайной, уклонившись от неё, и, даже не попытавшись её

разгадать! Если мы уклонимся, то это грозит нам потерей репутации, а недоброжелатели и вовсе везде объявят, что нам нельзя доверять. Таково их низкое ремесло. Поэтому надо попытаться.

Конечно же, от того, попытаемся мы разгадать тайну Третьего Бытия, или не попытаемся, совершенно ничего не зависит, поскольку Третье Бытие будет мало смущаться тем, что мы знаем о Нём недостаточно много. Оно (Третье Бытие), кстати, будет мало смущаться и тем, что мы знаем о Нём слишком много. Это Его никак не тронет и Оно будет спокойно делать Своё дело и в первых обстоятельствах, и во вторых. А нас, как и прежде, даже не спросит.

Однако, представим себе, что, вдруг какой-нибудь чистосердечный человек спросит нас – а, что такое Третье Бытие? Что мы ему ответим? И как мы ему ответим, если наше исследование уже будет остановлено прямо сейчас?

Если мы ответим ему устно, то это будет очень плохо, поскольку всё, что вложено в голову устно, начинает в самое небольшое время отличаться от самого себя не в частностях, а по сути. И все те чудовищные затраты, которые мы понесем на устное разъяснение, принесут мизерные прибыли, или вообще обернутся потерями. Лучше этого не делать.

А если мы ничего не ответим, то это тоже приведет к несчастью, поскольку мы, тем самым, допустим свободное толкование нашего исследования, из-за чего оно будет не только несправедливо бранимо, но и несообразно извращено. Что-либо обратное по своей вероятности не намного превышает ноль, поскольку толкователи текстов, согласно своей общей манере, если и пользуются естественными критериями разумности, когда читают текст, то, когда высказываются о нём, обходятся уже без этого.

Поэтому, нам лучше сделать всё самим, то есть управиться своими силами. А для этого нам придется дать письменное и до последней черточки ясное определение Третьего Бытия, способное раз и навсегда избавить исследование от разнотолков, а нас самих уберечь от парнокопытных наскоков по его недосказанности. Надо довести дело до конца. Так будет лучше всем. Тем более что это вполне достижимое завершение нашей работы.

Глава 14. Применительно

Существует только одно занятие, которое с успехом удается едва ли единицам, но которым каждую минуту хотят заниматься буквально все – жизнь.

Вот перед нами конкретное задание – выяснить, что есть такое то самое Третье Бытие, которое исподволь, но неотлучно управляет и нашим телом, и нашим духом. И теперь мы должны с этой работой справиться легко и с удовольствием, поскольку все приемы метода философского обобщения нам уже хорошо известны. И вообще всю дальнейшую работу можно расценить в качестве некоего завершающего зачета на проверку овладения этим методом.

Однако здесь сразу же следует сделать одну большую оговорку, правда, не столько против метода, сколько насчет его будущих результатов.

Дело в том, что (при достаточно грубом делении) любое знание о каком-либо объекте можно разбить на два вида – знание об объекте, и знание о его деятельности. Когда объект виден, то мы имеем оба вида знания – и то, и это. А когда объект не виден, то он определим только через свою деятельность. И в этом случае нам достается только знание о деятельности.

И вот метод философского обобщения ищет ту деятельность, которая относится к главной функции объекта, а далее мы уже добираемся и до самого объекта тем путем, который мы проделали выше.

Таким образом, функция для нас – это орудие выявления сути того бытия, которое эту функцию проявляет через свою деятельность. Суть функции не в том, что она предъявляет саму себя, а в том, что она предъявляет того, кто её исполняет.

Однако на функцию ложится слишком большая ответственность представлять того, кто её исполняет, *если бытие исполнителя функции иноприродно тому бытию, где эта функция исполняется.*

Потому что – откуда мы знаем, каким краем Своего Бытия проникает Третье Бытие в наше бытие, и насколько та Его функция, которая была обнаружена нами в качестве главной, есть *главная и для Него Самого?* Функцию Третьего Бытия мы определили выше (кто не забыл), и она состоит в Совместности человеческого организма. Но насколько полно эта деятельность может характеризовать *весь* невидимый объект? Ведь, для нас полная загадка – что представляет собой подобный объект от начала и до конца?

Его функция (функция Третьего Бытия), выявленная нами, с несомненностью является главной только лишь для нас – благодаря этой функции существует наш организм, и, благодаря этой функции, мы вообще живем. Но этот взгляд направлен только с нашей стороны, и, следовательно, это очень одностороннее знание об объекте, поскольку у Него могут быть и еще какие-то функции, нами вообще не видимые, нами вообще не знаемые и нас вообще не касаемые.

Для футбольного мяча, например, функция человека состоит в том, чтобы играть в футбол. Большого мячу о человеке знать не дано, да и не надо. Но разве этим исчерпывается вся полнота человеческого бытия?

Точно также и здесь – запустив механизм метода философского обобщения в отношении *невидимого* объекта, который мы, к тому же, *замыкаем на себе*, мы сразу же методологически обеспечиваем себе односторонний и слишком узкий взгляд на этот объект, чтобы понимать его в полном развороте. Потому что этот взгляд видит лишь то, что сопричастно только нам. Всего остального в невидимом объекте (если всё остальное никак не связано с нами) мы никогда не увидим.

Допустим, что в полной темноте мы получили чем-то неизвестным и от кого-то неизвестного ощутимый укол. По анализу произошедшего мы вполне можем представить себе то орудие, которым произведёт укол, только в той его части, которой

непосредственно и был произведен сам укол. Далее этого, распространяясь по всем версиям выше места укола, мы ни о полной конструкции орудия, ни о том, кто произвел им тычок – знать уже не можем. Дальше нам не дано. Вот примерно так выглядит аналогия с познанием невидимого объекта, проявившего себя в какой-то деятельности, затронувшей наше бытие.

А как же раньше (спросит читатель)? А раньше у нас такой беды не было – мы искали функцию *собственной психики для собственного же бытия*, и в этой функции должна была раскрыться вся полнота этого бытия. Тут никаких тайн (от самих себя же!) быть не может. А те тайны, которые есть – это тайны Третьего Бытия. Это Оно напускает туману на нашу психическую жизнь. Это его уколы. Но все эти тайны не наши. Наши тайны должны быть все известны наперечет, если они наши.

Поэтому далее следует готовиться к тому, что знание о Третьем Бытии, которое мы будем добывать, будет знанием *применительным*. Именно «применительным» (бдительный Word сейчас подчеркивает), потому что всё содержание полученного знания нам придется понимать только *применительно к нашему взаимодействию с Третьим Бытием* и безотносительного задач Его полноразворотного понимания.

Запомним это, и начнем.

А начнем мы с того, что заменим слово «взаимодействие» на другое слово. Мы заменим его на слово «взаимоотношения», потому что Третье Бытие – это Личность.

Это неизбежный вывод, поскольку *только личность может обладать сознанием и волей*.

Сегодня многие мыслят отголосками восточных теорий, из недр которых сознание, так или иначе, вылезает каким-то обезличенным и переходящим, то ли в какое-нибудь Ничто, то ли еще в какую-то другую пустоту, где личность должна окончательно раствориться и потеряться, и в этом видится какой-то благой смысл для этой личности. Очевидно, именно по беде этих метамотивов Восток никак не может помирить сознание и личность, и доходит в этой беспомощности до совершеннейших анекдотов. В одном из подобных анекдотов некоему большому мудрецу приснился сон, что он мотылек, который беспечно летает и ничего не знает ни про какого большого мудреца. Это было им объявлено логической загадкой, и теперь всем, кто про это слышал, должно быть непонятно, кто же он такой – большой мудрец, или маленький мотылек? Сам мудрец, как проснулся, так с тех пор во всём и сомневается – кто кому снится?

Никто не способен так запутаться в простых ситуациях, как путается в них Восток, и никто не способен, затем, столь простую загадку возвести в сан какой-нибудь философии.

Однако Запад решает этот вопрос, как всегда, просто, экономично и предельно строго. Например, Декарт. У Декарта «я мыслю, следовательно, я существую» вовсе не означает *несомненную действительность* существования личности, как об этом думают многие. Это слишком поверхностное понимание Декарта. Восточное. В таком понимании, действительно, и мотылек существует, и большой философ тоже, раз уж оба мыслят. Хорош был бы Декарт, если бы его аргумент заключался только в этом!

Нет, Декарт допускает естественное возражение, что мысль может сомневаться даже в собственном существовании, и – что тогда? А вот тогда, говорит Декарт (великий Декарт!!!), если я сомневаюсь в собственном существовании, то именно поэтому я и существую *с неопровержимой действительностью*, поскольку факт сомнения неопровержим, но он кем-то осуществляется. И, следовательно, нельзя сомневаться и в существовании того, кто это неопровержимое сомнение переживает! И, если неопровержимое сомнение переживаю я, то, стало быть, я существую столь же несомненно, сколь несомненно существует само моё сомнение.

Причина, по которой Декарту и всем остальным нельзя сомневаться в сомнении, состоит в том, что такая мысль, как сомнение – *это есть волевой акт*, и, следовательно,

кто-то должен этот волевой акт осуществлять, предпринимая попытку преодоления и отрицания действительности, где бы он ни прятался.

Таким образом, Декарт четко устанавливает неустранимые критерии существования личности – волевые акты. Воля есть единственный и верный критерий наличия личности. Если воли нет, то нет и личности. Если ты в этом сомневаешься, то, ты, несомненно – личность, пусть даже и покинутая всеми богами, раз ты в этом сомневаешься. Но именно потому, что ты сомневаешься, ты еще не совсем пропащий, потому что ты совершаешь действие, имеющее мыслимую цель (отрицание), и проявляешь способности к мысленному усилию (сосредотачиваешься). А раз это происходит, и раз это происходит с тобой, значит ты – есть, потому что сила сомнения и образ отрицания должны в чём-то существовать и в том же самом получать общий центр для волевого акта. Этот центр силы и представления – ты.

Ведь воля – это психическое состояние, а волевой акт – это психическое действие. На что навесим и это состояние, и это действие? Не подвесим же мы и психическое состояние, и психическое действие в психической пустоте – *где* тогда это состояние, и *кто* производит это действие? Это может сделать только личность.

Поэтому большому восточному мудрецу следовало (всего лишь) с самого утра определиться: кто из этих двоих сомневается – большой мудрец, или беспечный мотылек? Если с утра данное сомнение принадлежало только ему, большому мудрецу, то в это же самое утро, во всём мире, число людей, способных сомневаться в том, что он не мотылек, а большой мудрец, должно было стать на единицу меньше, а число больших мудрецов должно было (при этом же) остаться прежним. Потому что его же философский трактат свидетельствует ему же самому о его же собственном (а совсем не о мотылька) *волевым акте* – сомнении. Вот если бы в изложенной им истории сомневался мотылек, тогда другое дело.

Потому что там, где сомнение, там и воля, а где воля, там и её единственно возможный источник – личность. Обычно сбоку от какого-либо трактата.

А беспечный мотылек – во сне.

Собственно, Декарта можно было бы выслать восточным мудрецам (в кратком изложении), чтобы мы за них больше не краснели. Но подобные услуги Востоку – сущие мелочи по сравнению с тем, что это же самое может принести нам самим. Потому что это обеспечивает нам совершенно иные базовые функции нашего исследования: если раньше эти функции были тренировочного назначения, то теперь исследование может приобрести самый насущный практический смысл. Ведь, если Третье Бытие это Личность, а не слепомеханический процессор, то в этой жизни что-то можно изменить, или поправить (договорившись с Личностью), и, следовательно, мы остаемся не в таком уж обезнадёженном состоянии, как это открылось нам ранее в свете полной зависимости от чужой Воли.

Кроме того, если Третье Бытие это Личность, то во всём, что Ею предпринимается в отношении нас, должен быть какой-то смысл. Иначе – зачем Этой Личности вообще напрягаться? Без надобности никакая деятельность, требующая разумных усилий, не предпринимается, и, следовательно, деятельность Этой Личности тоже должна иметь хоть какой-то смысл, хотя бы для Неё Самой. А, в таком случае, некий отраженный смысл должен быть и в нашей собственной жизни, раз уж волевые усилия Третьего Бытия направлены на нашу психику и на наше тело.

Сейчас явно вырисовывается новая перспектива результатов исследования, но для того, чтобы она стала надёжно рецептурной, следует очень и очень верно определиться с тем, Кто есть Эта Личность. Ведь, если мы вознамерились на отношения с Нею, то мы не должны совершать в этих отношениях слепого полета. А, вдруг, только навредим?

Поэтому, давайте, внимательно и ответственно проследим за тем, как будет работать наш, опробованный ранее метод, касательно Личности Третьего Бытия.

Начать мы должны с функции, и она нам должна быть сразу же понятна – это функция жизни, если говорить максимально обобщенно. «Совместность психики и тела» (как определили мы эту функцию ранее) – это функция в деталях, это функция в том материале, в котором она осуществляется. Мы же должны возвышаться над деталями и подниматься над материалом, ибо эти подробности лишь мельчат функцию и совращают мысль с верного обобщения. А верное обобщение (то есть – максимально отвлеченное от частностей) явственно говорит нам, что это функция жизни.

Эта Личность даёт нам жизнь, вот в чём Её функция.

Сейчас многие поёжились от эгоцентричности этого вывода, но напомним, что ранее мы договаривались – всё, что мы будем говорить об Этой Личности, будет иметь значение только применительно к *нашим* взаимоотношениям с Ней. Кому до сих пор непонятно, о чем идет речь, для тех можно (один раз) перекрыть для понятного вида вывод следующим образом – мы получаем жизнь от Этой Личности, и расцениваем данный факт в качестве Её функции только лишь потому, что этого требуют механизмы метода философского обобщения, с которым мы подступаемся к Её исследованию.

Поэтому функция Этой Личности – давать нам жизнь.

Итак, функцию мы определили. А что же дальше? А дальше, как и прежде – следует найти ту способность, которая исполняет данную функцию. Ведь именно способность пребывает в собственном бытии её обладателя, потому что функция пребывает уже во внешнем бытии этого обладателя (как мы помним из опыта нашего исследования). И вот через чистую природу этой способности, не замутнённой никакими привнесенными факторами взаимоотношений с внешним, мы определяем *собственную природу* того, кто функцию исполняет.

И что же это за способность такая – давать жизнь? Эта способность означает быть Источником Жизни, что же еще? Это понятно на основании даже элементарнейших соображений. Однако Источник Жизни может быть и передаточным звеном в какой-то системе наделения Жизнью, и мы, конечно же, не знаем, как там сцепляются шестерни механизма передачи Жизни, или по какому генному закону наполнена Жизнью Сама Эта Личность. Но для нас это сейчас совершенно не важно, поскольку подобные подробности недоступны не только уму, но даже и воображению. Просто, как и договаривались, будем исходить из того, что *применительно к нам* именно Личность Третьего Бытия есть Источник Жизни, потому что Её функция применительно к нам – давать нам Жизнь в данном нашем физическом воплощении через совместность нашей психики с нашим телом.

Но, при этом, будем исходить также из того, что если давать Жизнь – это способность Личности Третьего Бытия, то и собственная природа Этой Личности также есть Жизнь, как таковая, и, следовательно *собственное Бытие, собственная природа* Этой Личности – есть Жизнь, независимо от того, где могла бы взять Эту Жизнь Сама Личность.

Поэтому, не заглядывая в отдаленные ступени взаимодействия Этой Личности с Жизнью, остановимся на том, что *применительно к нам, Она есть единственный Источник Жизни*, и применительно к нам Эта Личность есть Сама Жизнь, поскольку именно из Этой Личности сама Жизнь в нас входит.

Громадность этого факта не сразу ассимилируется сознанием, но даже по завершении этого процесса мы не должны останавливаться в исследовании Этой Личности, так как в результатах Её деятельности проявляется еще одна очень интересная исполнительная физиология, которую мы рассмотрим в следующей главе.

Глава 15. Признаки смещений и знаки союзов

Свадьба – это момент союза, когда самое страшное уже случилось и теперь только впереди.

Итак, рассмотрим еще одну необычайную особенность любого результата, который формируется деятельностью Третьего Бытия. Вспомним, сначала, какие это результаты:

– первый результат – это наша психика, наше «истинное Я», получившее Жизнь от Личности Третьего Бытия (это отдельно не оговаривалось, но это естественнейшая очевидность – если «истинное Я» существует, живет, то единственный Источник Жизни, как было сказано – это Личность Третьего Бытия);

– второй результат – это, созданное Третьим Бытием, тело, приемлющее в себя мир и организующее его внутри себя в пяти образах действия (в манере пяти органов чувств);

– третий результат – это Совместность нашей психики и нашего тела, образующая человека.

Сначала о психике. Что мы видим в ней необычайного? Вспомним, что о собственной психике (об «истинном Я») мы судим по свойствам интеллекта, который есть её способность (способность психики), раскрывающая своей природой её же природу. И вот, некогда исследуя интеллект, как способность собственной психики, мы выяснили, что природа интеллекта характеризуется тем, что:

– интеллект не имеет самостоятельного существования, он должен по своему естеству всё время смешиваться с внешним миром и познавать его; и это настолько присуще его природе, что он не способен в этом процессе приостанавливаться даже на миг;

– интеллект является одновременно и тем, что он познал (поскольку он наполнен содержанием познания) и тем, что он есть в себе самом (поскольку содержание познания размещается в пустоте интеллекта, но не на пустом месте, так как интеллект – это некая неповторимая структура для размещения мысленных форм).

Из этого мы сделали соответствующий вывод, что наша психика (наше «истинное Я») согласно своей собственной природе должна с чем-то смешиваться, должна чем-то наполняться, ибо по-другому существовать психика не может. Но при всём при этом, в любом смещении, наша психика всегда остается индивидуальной за счет своей собственной особенности, потому что индивидуальность – это не то, что может быть выводом интеллекта из качеств внешней среды, и, следовательно, индивидуальность уже изначально присутствует в стиле интеллекта, как родовая черта, доставшаяся ему от «истинного Я».

Таким образом, в результате деятельности Третьего Бытия, проявленной в интеллекте, явно видна природа *смещения и разделения сразу*, виден монолит несоединимого – смещения и раздельности. Всё, что создается Третьим Бытием, неудержимо стремится смешиваться с чем-то внешним, но при этом непреодолимо остается качественно раздельным со всем, с чем смешается.

Следовательно, следующий вывод, который назначен новым итогом завершения нашего исследования, состоит в том, что природа Личности Третьего Бытия характеризуется каким-то интересным сочетанием в Ней смещения и разделения. То есть природа Этой Личности есть не только Жизнь, но еще и какая-то фантастическая структура, которая не имеет аналогов в формах обыденных понятий, для которых соединение и разъединение одновременно – вещь невозможная. Но – на то Оно и Третье Бытие, на то оно Высшее Бытие, чтобы иметь в себе нечто, недоступное понятиям физическим, и нечто, недоступное понятиям духовным.

Поэтому примем смиренно тот факт, что структура Личности Третьего Бытия есть какое-то Смещение В Раздельности, которое передается «истинному Я», а оттуда по

наследству достается уже интеллекту. Именно от интеллекта обратным путем мы эту структуру Личности Жизни и вывели.

И далее наше тело, тело каждого человека, которое создается Этой Личностью, оно тоже проявляет в себе эту наследственную природу смешения и разделения в одном бытии – тело стремится наполниться внешним себе (голод и жажда) и смешаться с этим (обмен веществ с природой), оставаясь одновременно четко отграниченным от всего внешнего.

Вся жизнь тела, взятая в обзоре существования его органов, представляет собой непрерывное смешение с внешней средой, и это смешение есть сама суть живого существования тела – без него тело или задохнется, или погибнет как-нибудь по-другому (обезводится или истощает).

Но, одновременно с этим, вся жизнь тела, взятая в том же самом обзоре существования его органов, представляет собой абсолютно изолированное бытие, защищенное от всего, с чем оно смешивается. Ибо без этой раздельности тело потеряет целостность, начнет впускать в себя инородное и погибнет от тысячи всевозможных причин. Даже простая царапина представляет угрозу всей жизни тела, если тело тут же не начнет эту царапину затягивать, ограждаясь от внешнего.

Таким образом, Смешение В Раздельности – вот закон, в котором обращается Личность Жизни Третьего Бытия.

Но и это еще не всё, поскольку есть еще один, характерный по специфике, процесс, который непосредственно осуществляет Третье Бытие – Совместность психики и тела в организме человека. Здесь мы видим такой вид реальной деятельности Третьего Бытия, как *союз*. Через Совместность осуществляется союз психики и тела, что совсем не есть смешение между ними, потому что между союзом и смешением существует большая и принципиальная разница.

Эта разница состоит в том, что в союзах участники разнородны по своей природе и поэтому остаются в дистанционном взаимодействии, а в смешениях участники однородны или близки по своей природе, что позволяет им взаимно проникать в бытие друг друга.

Таким образом, члены союзов выполняют совместную деятельность, не затрагивая внутренней сути друг друга, а участники смешений входят в противоречивое единство – в чем-то смешиваются друг с другом, а в чем-то остаются раздельными.

В союзах участники отношений – это две, не затрагиваемые друг другом, крайности; а в смешениях участники отношений представляют собой единство, в котором существенно меняются их собственные характеристики.

Таким образом, *признаки смешений для нас – это изменение внутренних характеристик участников, а знаки союзов – это внешние результаты их взаимодействия, не затрагивающие их внутреннюю природу.*

Например, союз воды и турбины очень продуктивен и обладает своими знаками – киловаттами энергии (результат), но при этом, и вода остается водой, и турбина остается турбиной, поскольку вода и турбина разнородны по своей природе. То есть союз – это внешнее бытие участников во внешнем взаимодействии.

А смешение воды с однородными или близкими веществами меняет и характеристики воды, и характеристики этих веществ. Например, воду можно разбавить вином, а можно ядом, и в каждом случае и вода, и вино, и яд будут уже не теми же самыми, чем они были до смешения друг с другом. Они покажут признаки смешения – какие-то изменения своего естества. То есть смешение – это собственное бытие участников во внутреннем взаимодействии.

Итак, по итогам всего сказанного, Личность Третьего Бытия определяется нами теперь в следующем виде:

- Она есть Жизнь как таковая *в Собственной Природе*;
- Она есть Смешение В Раздельности *в Собственном Бытии*;
- Она есть Союз Разнородного *во внешнем Бытии*.

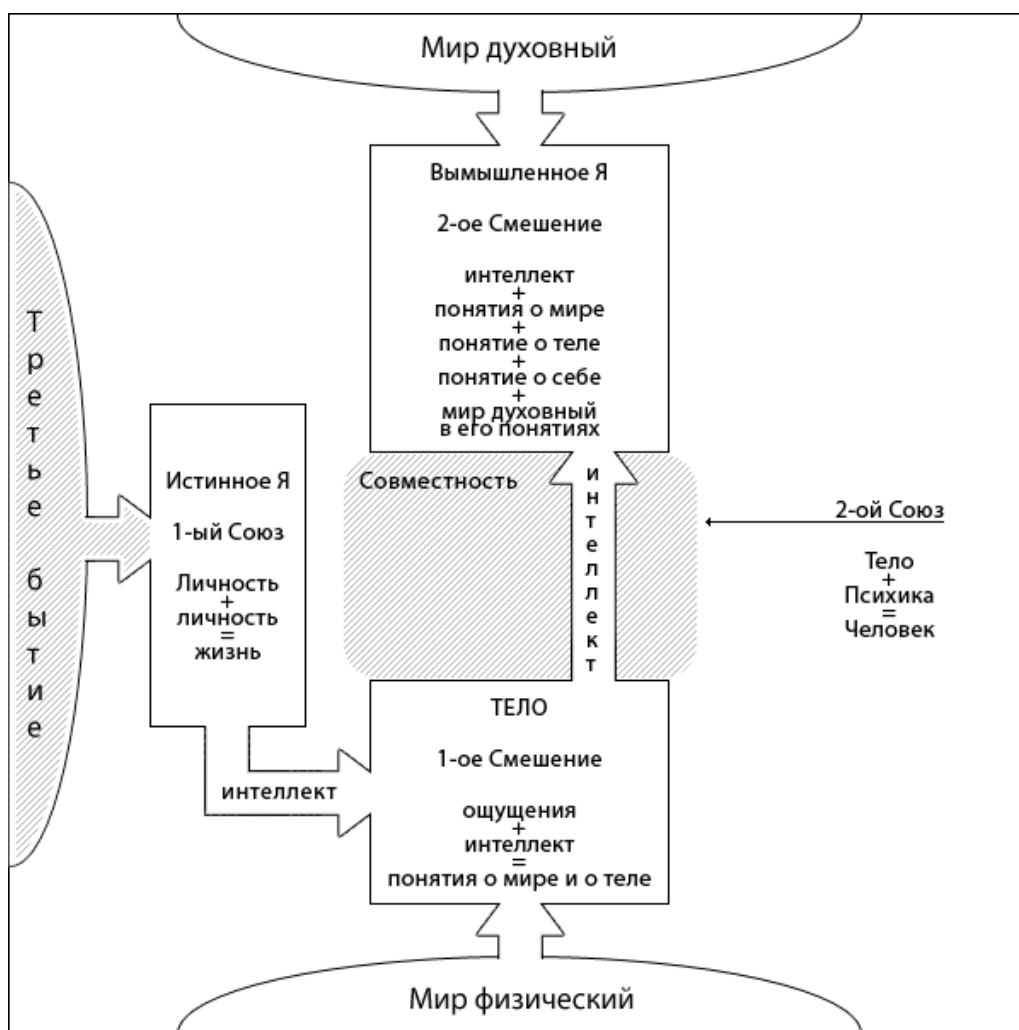
Следовательно, если говорить о возможных функциях Этой Личности, то она:

- наделяет Жизнью;
- способна входить в смешение и
- способна налаживать Собою союзы.

Выводы нарастают, и, вспоминая о том, что все выводы о Третьем Бытии должны быть у нас *применительными*, прибегнем к их графическому пояснению.

Сама склонность человека к графическим иллюстрациям очень интересна и требует отдельного разговора, но, по сути наших задач, мы сегодня лишь технически воспользуемся теми преимуществами, которые предоставляют уму пояснительные рисунки – они позволяют уму схватывать порядок идеальных образов так, как он схватывает порядок внешнего мира. И, несмотря на то, что наглядность графических схем всегда есть лишь карикатура на духовную действительность, графика обычно помогает и должна помочь и нам.

Итак, смотрим на рисунок и отыскиваем союзы и смешения. Сразу же хочется предупредить, что рисунок предназначен только для выявления диспозиций союзов и смешений в системе психической жизни человека, и более ни для чего другого. Не будем забывать, что цель этой книги – поработать мозгами, заточить навыки мышления и активизировать познавательные центры, но не создавать какие-то модели психики. И поэтому, вникая в рисунок, следует понимать, что он сформировался *применительно* только к одной задаче – районировать союзы и смешения.

Пойдем слева направо, и мы сразу же увидим 1-й Союз: это союз Личности и личности, результат которого проявляется в самом факте жизни «истинного Я». Это именно союз Личности Жизни Третьего Бытия с личностью «истинного Я» каждого из

нас. Почему не смешение? Потому что, если бы подобное смешение было возможно, то наша природа была бы однородна или близка к природе Третьего Бытия, и, в этом случае, такое состояние, как Жизнь, принадлежало бы нам не временно, а на постоянной основе. Третье Бытие – это Сама Жизнь, и, следовательно, произойди наше смешение с Третьим Бытием, мы стали бы бессмертными. То есть признак смешения здесь должен быть единственным и очевидным – бессмертие, жизнь вечная. Но, как нет этого признака, так нет и самого смешения.

А какие знаки союза мы наблюдаем? Мы наблюдаем их в том же самом эффекте Жизни, поскольку без союза с Третьим Бытием мы никогда не получили бы даже вот этой временной жизни. Ибо только Личность Третьего Бытия – Источник Жизни. Таким образом, в союзе с Третьим Бытием мы получаем некую порцию Жизни, оставаясь с Ним полностью разнородными. Это и есть знак союза – фиксируется некий результат, который есть не свойство внутренней природы, а итог внешнего процесса.

Однако мы помним, что, ожившее в этом 1-м Союзе, «истинное Я», по своей природе должно смешиваться с внешним себе бытием, потому что иначе оно не может – в этом вся суть его собственного бытия. Но, не будучи однородным с Третьим Бытием, «истинное Я» не может с ним смешиваться, и поэтому начинает исполнять эту навязанную ей программу с помощью интеллекта, который для этого направляет на внешний мир, чтобы интеллект сделал его своим внутренним содержанием и тем самым впустил для смешения.

Внешний мир представлен интеллекту в ощущениях тела, и здесь происходит 1-е Смешение: интеллект смешивается с ощущениями, и в особом теоретизировании создаёт понятия о собственном теле и представления о физическом мире. Здесь мы имеем все признаки смешения (то есть изменение внутренних свойств участников): физический мир попадает в интеллект и приобретает там идеальный образ, а интеллект, из содержательно пустого, переходит в состояние наполненности ментальными формами. Таким образом, участники отношений приобретают новые качества и новые свойства: мир меняет свою природу, становясь духовным отпечатком самого себя, а интеллект из бескачественной матрицы превращается в базу конкретных смыслов собственного определения в границах внешнего. Благодаря отграничению себя от всего внешнего, он приобретает мыслимую опору собственного бытия. Теперь интеллект судит о внешнем и о внутреннем бытии, как о разном, и на этом оплоте суверенности начинает формировать собственную индивидуальность.

Формирует он её, создавая «вымышленное Я», которое есть 2-е Смешение. В этом смешении образуется специфическая и цельная сфера понятий о собственной индивидуальности, в которой смешиваются самые различные понятия: понятие о пребывании в физическом мире, понятие о собственном теле, а, кроме того, происходит духовное смешение с различными понятиями мира духовного, который, в свою очередь, есть всё то, что может быть продуктом ума, культуры и духа человека.

На этом рассмотрение рисунка можно считать окончанным, потому что всё, касающееся 2-го Союза – Совместности – давно всем понятно.

Рисунок наглядно показывает, что 2-е Смешение ответственно за то, кем будет данный человек в данной своей жизни – он будет тем, с чем перемешается его интеллект в мире духовном. А это зависит от места рождения и от обычаев той культуры, в которой человек вырос. Например, люди-маугли вырастают среди зверей и становятся зверями – с чем смешался их интеллект, тем они и становятся как личности. Если они вырастают среди собак, то имеют психологию собак. А если вырастают среди волков, то имеют психологию волков. Похищенные и выращенные обезьянами, они получают психологию обезьян.

Причем, вернуть их потом в человеческое сообщество, чаще всего, не удастся никакими усилиями. Изъятые из стаи и переданные на попечение человека, они или погибают сразу, или живут очень мало, всю свою короткую жизнь глубоко в душе

осознавая себя животным. Ни медицина, ни самый гуманный подход не спасают – «вымышленное Я», сформировавшееся в понятиях животного, надрывается от вторжения человеческого и, либо приносит ужасные результаты всему организму, приводящие к смерти, либо воспринимает модели человеческого поведения лишь частично и только внешне.

Причины этого малопонятны, но самое значительное, что можно вынести из этих случаев, состоит в том, что человеческая природа никак не проявляется в человеке, если ему эту природу неоткуда взять из внешней среды. Человек может заполучить человеческую природу *только в смешении* с внешней себе человеческой природой.

Это, кстати, еще один аргумент против пошлых разговоров об эволюции человека – сам человек никогда не вытаскил бы себя из зверя в люди. Он должен был бы или сразу быть человеком по Божьей воле, или навсегда остаться зверем. Своими силами он остался бы тем, что нашел бы для своего интеллекта в ближайшем окружении – как любой из маугли. И вряд ли это был бы даже прямоходящий вариант. Потому что никто вокруг человека на двух ногах не ходит. Ему прямоходящей идеи даже взять было бы неоткуда.

Ни один из маугли не встал на две ноги и не пошел среди зверей, повинувшись своей «эволюционной» природе, которая должна была скомандовать ему это неодолимыми эдиктами его ген, и в этом факте выразилось окончательное унижение эволюционной теории, потому что никакие «эволюционно выработанные за миллионы лет» модели человеческого поведения, почему-то в генах маугли никогда не проявляются даже после того, как они попадают в человеческое общество – любой из них тяготится человеческим образом и в тяжелой тоске тянется назад, в звери.

И поэтому, если войти в эти споры о том, люди маугли, или не люди, то можно определенно сказать, что они, конечно же, люди, но они люди без сердца, поскольку совершенно безо всякого сочувствия позорят эволюционистов своим существованием. Ведь, кошка, вырастая в одиночестве среди людей, всё равно остаётся кошкой. Как и собачка. Как и медвежонок. Как и любой другой зверь. Это означает, что звери созданы для того, чтобы быть зверями. А человек не имеет никакой генной программы, определяющей его видовое поведение, как зверя.

Человек – особое творение. Он будет то, с чем он смешается. Так, собственно говоря, мы видим практическое подтверждение уникальности человека – если психика животного является психикой этого вида, то психики человека нет вообще, поскольку ей уготована роль *какого-либо смешения*.

Как зверь человек – ничто. Нет в нём никакой собственной звериной природы, потому что, если бы она была, то не побеждалась бы собачьей.

Но и как человек он тоже – ничто. Нёт в нем никакой собственной человеческой природы, иначе человеческое нутро не заполнялось бы звериным, как своим исконным.

Как человек, он то – что будет вложено в его душу. И, если первую душу наполнял Бог, то все остальные души потом наполнялись и наполняются какой-либо стаей.

2-е Смешение на рисунке говорит нам о том, что, по сути дела, каждый из нас – это маугли, который получает содержание своей текущей личности из той стаи, в которой вырос. При этом никакие гены не несут никакой ответственности за конечный результат. Только то, с чем человек сам смешался.

А поэтому вернемся к нашему уговору, благодаря которому, всё, найденное исследованием, мы теперь должны понимать применительно к нашим отношениям с Третьим Бытием. И, обращая разговор к этим отношениям, мы, долго ли, коротко ли, но, рассматривая рисунок, должны в итоге прийти к выводу, что у нас есть только одна наиболее достойная цель для этих отношений, и одна наиболее вероятная возможность для её достижения.

Единственная достойная цель – это Жизнь Вечная.

А единственная возможность достигнуть этого состоит в том, чтобы заменить 1-й Союз на Смешение (см. рисунок). Перенести 2-е Смешение в район 1-го Союза. То есть –

стать однородными Личности Жизни. Потому что в смешении с Этой Личностью мы соединимся с Самой Жизнью.

Но, как это сделать? Чтобы ответить на этот новый вопрос, надо предварительно ответить на старый вопрос – Кто есть Эта Личность Жизни?

Итак, цель одна, возможность одна, и вопрос один – Кто?

И ответ тоже будет один.

Но, прежде чем дать этот ответ, следует сказать о толерантности. По-другому сегодня нельзя. Сегодня каждый должен сделать что-либо в пользу толерантности.

Глава 16. Толерантность

Эпиграф к этой главе опущен по соображениям толерантности.

Данная глава была посвящена толерантности, но от неё ничего не осталось (от главы, я имею в виду, потому что саму толерантность во мне ничем нельзя ни поколебать, ни умалить).

Первым ушел эпиграф. А следом полетела и вся глава, потому что при её редакции возник тупик неразрешимой дилеммы: если я называл вещи своими именами, то мои добрые и толерантные намерения выглядели слишком скрытыми; а если я начинал применять толерантные названия для всех этих мерзостей и глупых заблуждений, о которых говорил, то полная мера моей толерантности не проявлялась, а весь её величавый характер терялся.

Поначалу я хотел, было, даже вообще обойтись без этой главы. Но, по преобладающему ныне мнению, требования толерантности, хоть и считаются иногда эмоционально перегруженными, но всегда признаются справедливыми. А справедливость – это совсем не то, чем мы должны пренебрегать на заключительных этапах исследования.

И поэтому я решил оставить от главы хотя бы что-то, а именно её окончание. Вот каким оно было:

«... и поэтому, если кто-то сейчас не согласен или возмущен, тот должен просто выбросить эту книгу, или избавить нас от своего присутствия как-нибудь по-другому. Мы для тебя теперь не лучший собеседник, а всё дальнейшее тебя не касается. Потому что нам теперь всё равно, что ты скажешь, а относительно того, что ты подумаешь, так и вообще – плевать. И это не нами придумано. Таковы справедливые требования современной толерантности».

Так должна была закончиться эта актуальная глава, и так, несмотря ни на что, она и закончилась.

А теперь, ответ на вопрос – Кто?

Глава 17. Кто?

Бессмертия хотят все одинаково, но стремятся к нему все по-разному – одни готовятся к смерти, а другие цепляются за жизнь.

Это будет очень короткая глава, потому что у автора нет никаких сомнений, что Личность Жизни – это Иисус Христос.

В страстном желании необычного сегодня многим хочется чего-либо другого, и это совершенно естественно. Потому что обычное Распятие и обычное Воскрешение с самого начала устраивало не всех. Это изначально дано не всем и даже не для каждого. Кому-то предназначена прямая, тяжелая и упрямая Истина, а кому-то достанутся фантики с пустышками.

И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им?

Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано (Мф 13:10–11)

Из приблизительно трёх миллионов населения тех краев, Он выбрал двенадцать человек, с которыми наедине говорил прямо, а «им» (всем остальным) говорил притчами. Не хотел метать бисер...

И поэтому, когда тебе говорят, что христианство – это для толпы, то ты не верь. Подсчитай соотношение трёх миллионов к 12-ти избранным, введи небольшой повышающий коэффициент на современные условия, а потом разочти процент тех, кому «дано знать тайны Царствия Небесного» в составе того миллиарда, кому на сегодня уже проповедано Евангелие, и получится, что тех, кому дано, совсем не много. Тебя ужаснет эта цифра, если ты на неё выйдешь.

Поэтому – единицы потянутся к Истине, а толпы – к побасёнкам.

Соответственно – одним Жизнь, а другим...

Жёстко. Но не нами придумано.

И поэтому, если тебе «дано», то ни с кем не спорь и никому ничего не доказывай. встряхнись и увидь, что, во-первых, уже в богочеловеческой природе Иисуса Христа проявляется Смешение в Раздельности, обнаруженное нами ранее в структуре Третьего Бытия. А, во-вторых, парадоксальная структура Смешения В Раздельности хорошо видна во всём понятии «Бог», которое образуется в интеллектуально непростой концепции христианства – в понятии Троицы.

Таким образом, Смешение В Раздельности, если говорить об Иисусе Христе, проявляется:

– в смешении истинной природы Бога Христа с истинной природой человека Иисуса, где всё нераздельно, но где всё и неслиянно;

– в смешении Бога Христа с такой ипостасью из Бога-Троицы, как Дух (Разум и Воля), в котором (в смешении с Духом) Христос есть Бог истинный, но одновременно же, Он есть Исполнитель Божьей Воли, Посланник к людям со Словом Божьим, Заступник человека перед Богом, Искупитель грехов человека и его (человека) Спаситель по замыслу Духа и под руководством Духа;

– в смешении Бога Христа с Собственным Бытием Бога (с Жизнью Отца), где Христос есть Бог истинный, но, одновременно же, Он есть и Сын Божий, взявший Жизнь от Отца, и ставший Источником Жизни для всего сущего, что есть уже не Троица.

Таким образом, через смешение с Иисусом Христом мы получаем не только Жизнь Вечную (если это смешение произойдет), но и получаем Союз с Богом. Никто не сказал об этом более определенно, чем Он Сам:

Еще немного, и мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. (Ин 14:19–20)

Здесь – Смешение и Союз. Те самые характеристики Третьего Бытия, которые мы открыли ранее. Смешение – это Смешение Христа с Богом, наше Смешение с Христом и Смешение Христа с нами; а союз – это наш Союз с Богом через Христа.

И далее еще более доходчиво и еще более настоятельно:

Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне.

Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают. (Ин 15:1-6)

Всё очень откровенно и очень понятно – завещано искать Смешения с Ним, чтобы получить Жизнь Вечную.

Есть еще более откровенное требование о Смешении, имеющее буквально шокирующий ритуал:

И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание.

Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша есть Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается. (Лк 22:19-20)

То, что мы называем «причащением», есть не что иное, как Смешение, поскольку причаститься – это (в буквальном смысле) стать частью. Тело Его становится нашей частью через поедаемый хлеб, а Кровь Его становится нашей частью через испиваемое вино. И мы духовно становимся Его частью, совершая это таинство. Тайна причащения велика, но это есть тайна Смешения. И в этом Смешении – Новый Завет. То есть Новый Союз с Богом.

Вопросы христианской веры разрабатываются уже две тысячи лет, и здесь есть, к чему прислушаться, и есть, у кого принять совета. Применительно же к нашему исследованию понятно только одно – Смешение с Иисусом Христом есть единственный путь к Вечной Жизни. Как это сделать – решать каждому уже самостоятельно.

Что касается подсказок, которые может дать на этом пути наше исследование, то единственное, что может сделать *сам человек* в процессе своей жизни, это максимально решить вопрос Смешения с Иисусом Христом во «2-м Смешении» (см. рисунок). Потому что всё происходящее в «истинном Я», интеллекту недоступно, а всё, происходящее в «вымышленном Я», подконтрольно и переплетено с интеллектом. Только здесь, и больше нигде, ты сможешь сделать что-то, чтобы твоя природа стала ближе к Иисусу Христу. Пропустишь этот момент, пропустишь всё.

И если твое «вымышленное Я» всю силу твоего интеллекта найдет в мире Истину Христову и наполнится ею, то после смерти твоего тела, когда Совместность тела и духа свернется, а всё, накопленное в «вымышленном Я», вернется вместе с интеллектом в «истинное Я», то ты станешь немного однороднее Христу. И если так будет продолжаться жизнь за жизнью, каждую из которых твое «истинное Я» проживает в разных «вымышленных Я», то в тот день, когда придет последний суд каждому – кому в Жизнь Вечную, а кому в смерть вечную (обязательно будут и те, и эти) – в твоём естестве будет много совпадающего с Жизнью Вечной, а твой Союз с ним перейдет в Смешение. Ты останешься с Ним, и будешь жить вечно. Если Он этого захочет.

И, если Он говорил «пребудьте во Мне», то для этого следует хорошо поработать головой во 2-м Смешении. Иных вариантов последовать этому Совету, *касающихся интеллекта*, нет.

Таким образом, определенная ставка в твоём же собственном спасении должна делаться на твой же собственный интеллект. Это всегда раздражает, но – на то тебе интеллект и дан.

Как это сделать? Это сделать и просто, и не просто. У каждого получается по-разному, а не получается у всех одинаково.

Но под максимально взятую (лично на себя) ответственность, могу дать один бесконечно универсальный совет. Если он тебе понравится, то и, слава Богу. А, если не понравится, то забудь его сразу же, как прочитаешь. Совет звучит просто: *не слушай никого из тех, кого не было при сотворении мира. Это не тот типаж.*

А дальше решай уже сам, как воспользоваться этим советом, и воспользоваться ли им вообще. Тут ты сможешь только сам. Если всё сделаешь правильно, то будешь жить вечно. Потому что:

Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день. (Ин 6:40)

Поэтому не бойся умереть. Как видишь – тебе обещано.

Бойся жить неправильно. Потому что, как видишь – обещано не всем.

Но ты старайся. В «видящие Сына» тебе уже не попасть. С этим ты опоздал. А вот в «верующие в Него» – вполне возможно, еще и попадешь. Для этого тебе интеллект и дан.

Если это поняли простые рыбаки и простые пастухи, то и твой интеллект это тоже должен понять.

Да, трудно. Трудно было даже им, видевшим Его и ходившим в Свете Его. Но когда им стало понятно, они уже не боялись.

Петр, казнь которого была делом ближайших часов, был выведен сторонниками за стены Рима и напутствован на проповедь в других, более безопасных, городах. Но Петр, почти сразу же, не таясь, вернулся в город, приподнятый и обновленный. Опрокинутые ужасом, спросили его соратники – зачем вернулся на верную (и страшную) смерть? И Петр ответил, что на той дороге, по которой он пошел жить, чтобы не умереть, ему встретился Иисус Христос – Петр шел из Рима, а Христос шел в Рим. Оторопелый Петр, будучи верным своей непосредственности, спросил Его: «Куда ты идешь, Господи?». На что получил спокойный ответ: «Иду еще раз распяться». И Петр всё понял. И вернулся умереть, чтобы жить. Он уже не боялся смерти. И ты не бойся. Если простой и неграмотный рыбак Петр всё понял, то и ты сможешь всё понять, и пойти туда, куда надо.

А если тебе скажут, что христианство это как раз для неграмотных бедняков – пастухов или рыбаков – то ты не верь.

Потому что некто Савл из города Тарса, был состоятельным сынком богатых родителей и одним из величайших умников тех мест, окончившим престижнейшее учебное заведение. Именно поэтому он тоже сначала не понял, и даже убивал христиан камнями. Но даже этого показалось мало Савлу из Тарса – он настолько впитал в себя «истины» мира, что для уничтожения Истины взял увластей лицензию на поиск, отлов и уничтожение христиан: стал охотником за головами, полукриминальным частным полицейским, говоря нынешними словами. Но некто Савл из Тарса стал Павлом, когда всё понял... Сначала он понял неправильно (слишком буквально), и писал в первых посланиях по всем первым, созданным им, церквям, радостное и возбужденное: «Мы не умрем, мы все изменимся, и будем жить вечно, как обещано Господом!»! Но прошло совсем немного времени, и он всё понял правильно, и писал уже с торжественным благоговением в последних письмах: «Пришло моё время, скоро я буду убит, но подвигом добрым я подвизался, веру сохранил, а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его». Он не боялся умереть, и ты не бойся. Если один из грамотнейших людей своего времени, забитый по макушку даже греческой премудростью, всё понял, то и ты сможешь понять.

От тебя даже подвига не требуется. Просто задействуй интеллект. Для начала. А когда у тебя в голове всё встанет на места, тогда Он войдет в твою душу. И тогда придет Вера, и Свет коснется не только твоей души – и твой интеллект тоже станет свободным и способным получать истинные смыслы.

А если твой интеллект тебя подведет, то ты будешь как Иуда. Не потому, что предатель, а потому, что тоже ничего не понял. Иуда, он ведь, не предавал (по его понятиям), а правое дело вершил. Иуда осознавал себя крепко обманутым, и причем обманутым в том, что было святым для любого из его народа – Он (Иисус Христос) называл себя Мессией, и вот, вместо того, чтобы, как и положено Мессии, изгнать римлян и восстановить славу древнего еврейского царства, Он говорит теперь о завтрашней смерти! О Собственной смерти! Разве можно спекулировать многовековым ожиданием народа?! Но Иисус спокойно и светло готовится к смерти, не только не исполнив миссии, но даже и не упоминая о ней! Такого окончательного обмана Иуда снести не мог – он, Иуда, рассорился с сильными народа своего, и эти обстоятельства уже пошли везде по начальству, и с чем теперь, ему, Иуде, оставаться, если Иисус завтра будет убит? И не будет ли после этого убит и сам Иуда?

У проницательного и практичного Иуды (не зря – казначей братства!) рассеялись последние сомнения – да, несомненно, это есть Последний Ужин, да, несомненно, Он (Иисус Христос), не играет, Он прощается с ними и готовится к смерти, вместо того, чтобы готовиться на царство. Но Он говорит об этом не как о неудаче! Он не кается, не извиняется, не просит прощения за обман, а, наоборот, заявляет, что в этом и есть смысл Его Пришествия – в смерти Его!

Иуда не мог понять, что означает эта необходимость Ему *ныне* умереть за грехи всех людей, чтобы каждый *потом* мог обратиться к Нему, как к Личному Спасителю для Жизни Вечной. Зачем все эти сложности, если с Его Силой можно буквально завтра же стать царем? В свете ожидаемой светской власти близ своего земного царя, Иуде уже невозможно было понять эту небесную коллизию – никто никогда не заслужит Жизни Вечной, каким бы святым он ни был, ибо всяк человек будет всегда грешен для Этого Невероятного Дара; но всякий грех теперь будет искуплен Его Страданием – вина каждого взята Им теперь на себя, и за вину каждого Он теперь примет мучения, положенные каждому; и прощено в Его Мучении перед Богом будет всякому, верующему в Него, потому что Этим Мучением зачтётся каждому его наказание, и этим выкуплена будет для каждого Жизнь Вечная.

Для каждого, кто не только осилит интеллектom условия этого Нового Союза, но и кто всем своим существом (поверх этого) осилит еще одну малость – будет верить в Него.

Нет, вот таких сложных коллизий Иуда понять не мог (интеллект подвел!), и поэтому, несмотря на прямой намек Иисуса, что вот сейчас, один из двенадцати, взявший *вот этот* хлеб из рук Его, пойдет и предаст Его, взял этот хлеб из рук Его, и, глядя прямо в глаза Его, с ощущением своей правды, пошел, и предал. За 30 сребреников.

Когда Иуда понял, что он, как в лавке на развес купил себе жизни на тридцать сребреников, вместо того, чтобы бесплатно получить Жизнь Вечную, он повесился.

Нам таких крайностей не нужно, но если твой интеллект подведет тебя, то знай, что и ты будешь из числа тех, кому жизни отвешивается только на тридцать сребреников.

Выбирай.

Или, не так: если хочешь – выбирай, если не хочешь – не выбирай.

Именно так.

Чтобы у тебя не складывалось впечатление, что это нужно еще кому-то, кроме тебя.

Потому что наше исследование совсем не об этом. Оно – об ошибках человека, которые, вероятно, обязательны и всегда будут ему сопутствовать, пока он жив, хочет он того, или не хочет. И не во всех ошибках он виноват. Но только не в той единственной, которая зависит только от него – в предательстве Жизни. Это единственная ошибка, которую он может не совершить, если захочет. Но и это тоже только его личное дело.

И, поскольку, наше общее исследование исчерпало коллективный характер и начинает распадаться на частные задачи, то его можно закончить. И сделать это можно очень просто, не прибегая ни к каким особым церемониалам.

Например: «Итак, на этом всё».

Если это всех устраивает, то – итак, на этом всё...